

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

*VII Ежегодные научные чтения,
посвящённые памяти Почетного президента
Санкт-Петербургской юридической академии
профессора **Зыбина Станислава Фёдоровича***

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

*Сборник научных статей по материалам
международной научно-практической конференции
25 ноября 2020 г.*

Том 2

Санкт-Петербург
2020

ББК 67

А 43

А 43 Актуальные проблемы юридической науки и практики. VII Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича: в 2-х томах. Т. 2.: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции 25 ноября 2020 г. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 144с.

Во второй том сборника включены научные статьи научно-педагогических работников и обучающихся образовательных организаций Российской Федерации, юристов-практиков, отражающие содержание докладов и выступлений участников конференции.

В материалах сборника освещаются актуальные проблемы теории и истории права и государства, отраслевых юридических наук, правовые и организационные вопросы борьбы с преступностью, актуальные проблемы высшего образования.

Материалы, опубликованные в сборнике, представляют интерес для преподавателей и студентов юридических вузов и факультетов, работников органов государственной власти и местного самоуправления.

ББК 67

© АНО ВО «СЮА», 2020
© Коллектив авторов, 2020

АЛЕКСЕЕВА Наталья Анатольевна,
Санкт Петербургская юридическая академия,
магистрант; sharonova.nata@mail.ru

ОБЪЕКТ ПРАВА ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются проблемы определения понятия, содержания и правовой природы объекта сособственнического права.

Ключевые слова: вещь, объект, право собственности, сособственническое право, субъективное право, гражданская правоспособность.

В настоящее время в России особую актуальность приобретает правовое регулирование общей долевой собственности. Отношения собственности приобретают новые формы, а сама собственность как правовая категория претерпевает ряд значительных изменений, в частности, получают развитие и активно применяются в различных институтах гражданского права забытые при социализме нормы об общей долевой собственности [1, с. 26].

Про вещь, являющуюся объектом права общей собственности, можно сказать, что она принадлежит всем сособственникам вместе и не принадлежит никому из них в отдельности. Это вытекает из определения права общей собственности как права, принадлежащего всем сособственникам вместе, но не каждому в отдельности. В таком случае возникает вопрос, что является объектом права каждого из сособственников и каково содержание этого права? В ходе предварительной оценки ситуации можно установить только то, что речь должна идти о некоей относительной правовой форме, т.е. о возможности, направленной на иных (противостоящих его обладателю) сособственников, но не против других (посторонних) лиц. Все остальные характеристики данного права, равно, как, впрочем, и его объекта, без специального их поиска и исследования остаются весьма неопределенными.

Интересно, что в литературе довольно живо обсуждается проблема объекта сособственнического права, а вот вопросы о его содержании и природа остаются слепыми пятнами в поле зрения ученых. В принципе такая (половинчатая) разработка могла бы иметь то объяснение, что по правильно определенному объекту сособственнического права можно будет свободно судить и о двух других вопросах, ибо содержание права, а значит и его природа в значительной степени предопределяются его объектом. На деле это оправдание не работает, выявленные объекты сособственнического права таковы, что не позволяют судить почти ни о чем. И потом, подобная постановка вопроса свидетельствует о том априорно принятом нами предубеждении, что отношения сособственников облекаются имен-

но в форму субъективных прав, да к тому же еще и имеющих какой-то объект.

Вопрос об объекте права сособственников разъясняется всеми цивилистами примерно одинаково – содержательно сходным, но от того не становящимся более ясным образом. Общая собственность означает, что «право общей собственности (*condominium*) – это когда одна и та же вещь принадлежит на праве собственности нескольким лицам в интеллектуальных ее долях» [2]; что это такое право, когда «несколько лиц представляются субъектами одного и того же права собственности, так что каждому принадлежит идеальная доля вещи, материальная же часть каждого сохозяина не может быть определена» [3, с. 253]; что «предмет, оставаясь в сущность неразделенным, дробится на идеальные часть и в каждой из этих частей собственность участника получает свою исключительность» [4, с. 533]. Небольшие терминологические различия в этих и других «классических» определениях, предопределяющие их большую или меньшую ясность и точность, сейчас неважны; важно то, что все солидарны в определении объекта права каждого из сособственников как субстанции идеальной (интеллектуальной, мыслимой) природы. При этом, будучи сложенными вместе, они составляют единое целое – не более и не менее. Это означает, что доли сособственников не пересекаются друг с другом (не накладываются друг на друга), а, следовательно, право каждого из них обладает свойством исключительности; вместе с тем сонаправленная реализация всех прав собственников даст реализацию права на вещь в целом, т.е. права собственности на нее.

Последнее обстоятельство – этакое преобразование умозрительного в реальное – вот уже два века будоражит умы цивилистов, заставляя их наряду с математическим представлением об объекте сособственнического права отыскивать нечто, позволяющее представить пресловутые «доли» более предметно, конкретно и осязаемо; нечто такое, отражением чего являются эти математические доли. Цитированные определения разъясняют этот вопрос в том смысле, что доли определяются в той самой вещи, которая служит объектом права общей собственности [5, с. 11].

Если говорить об «осязаемости» недвижимой вещи, то здесь особых трудностей не видится, поскольку можно нарисовать план соответствующего объекта (строения, земельного участка и т.п.) и на плане эти самые доли обозначить. Хотя при этом они не перестают быть идеальными, тем не менее, их можно увидеть. Иное дело с долями в вещах движимых (техника, мебель, одежда, украшения и т.п.), любое их изображение, расчлененное на доли, неизбежно породит вопросы, поскольку доли эти будут неоднородными, а «приходящимися» на них части движимой вещи, и окажутся, скорее всего, такими, что их самостоятельное использование даже представить себе будет невозможно. Понятно, что, с точки зрения гражданского права, это обстоятельство не имеет никакого значения, т.к. доля,

подобная «расчерченной» на плане, в натуре из вещи не выделяется; вещь расчленяется чисто умозрительно, подобно тому, как это делает ученый в своих исследовательских целях. Но если исходить из этого посыла, то утрачивается смысл исследования вопроса об объектах сособственнического права [6, с. 16].

Несколько иное представление о долях сособственников мы находим, в частности, у В.И. Синайского. Он указывает, что ни один из сособственников «не в состоянии указать своей материальной части вещи, на которую ему исключительно принадлежало бы право собственности. Вследствие этого обыкновенно принято говорить ... об идеальной, мыслимой доле каждого участника..., и понимают эти части в смысле известной доли ценности вещи. При таком понимании идеальная доля реально выражается в доходности вещи» [7, с. 228-229]. Аналогично формулирует позицию Г.Ф. Шершеневич, найдя конструкцию идеальной доли в материальной вещи неудачной: «так как вещи подлежат только материальному делению, а не идеальному», он считает, что «право каждого из собственников в отдельности имеет свои объектом только долю ценности вещи» [8, с. 336-337]. Сравнивая эти взгляды, нельзя не указать на неполное их соответствие, поскольку «ценность» и «доходность» вещи – далеко не одно и то же. Ценность определяется не только доходностью, но и текущей стоимостью вещи и ее убыточностью. Исходя из этого, следует признать, что теории Г.Ф. Шершеневича (о доле в ценности) и В.И. Синайского (о доли в доходности) различны.

Не все русские цивилисты видели надобность в точном установлении предмета дробления на доли. Это видно из работ, авторы которых не только не отличали ценности от доходности, но и не усматривали разницы между самой вещью и ее ценностью. Вот, например, как разъяснял вопрос об объекте права сособственников К.Д. Кавелин: «пока предмет общей собственности не разделен между собственниками, каждый из них имеет в ней не реальную, а лишь идеальную часть, соразмерную его доле или паю. Эта идеальная часть выражается ее стоимостью или ценностью, соразмерно с которой каждый и получает доход от общей собственности или несет убыли, потери...» [9]. Сначала идет доля в вещи, и тут же – доля в ее стоимости или ценности, причем последняя определяется долей в доходности и убыточности вещи.

Советское, а в последующем и российское (как перестроечное, так и действующее) законодательство не задавались вопросом, о каком объекте субъективного права сособственника идет речь – о доли в имуществе, стоимости или еще о чем-то. Грамматическое толкование законодательных норм дает основание полагать, что законодатель не имеет в виду выделение нескольких отдельных субъективных прав сособственников на какие-то самостоятельные объекты, а пытается сконструировать общее (принадлежащее нескольким лицам) право собственности. Соответственно, каждому из сособственников оказывается принадлежащей доля в самом праве об-

щей собственности. Объектом права каждого из сособственников является доля в праве общей собственности – в каждом из его правомочий. Каждому из сособственников принадлежит соответствующее размеру его доли «количество» владения, пользования и распоряжения. Трудно сказать, с чьей подачи он утвердился в нашей литературе; можно предположить, что именно так в свое время было перетолковано высказывание профессора И.Б. Новицкого о том, что «доля участия в общей собственности выражается в совокупности принадлежащих собственнику правомочий, направленных на осуществление общей собственности» [10]. Отметим, что начиная, по крайней мере, с учебника гражданского права 1944 г., взгляд, согласно которому право собственника следует рассматривать как право на долю в самом праве собственности, стал беспрдельно господствующим [11, с. 8].

Теория объекта сособственнического права как доли в праве собственности представляется неудачной. В настоящее время единственным ее основанием является логическая операция с термином «право общей собственности», «перестановка» составляющих которого дает «общее право собственности». Но, очевидно, что сравниваемые выражения не могут быть признаны равнозначными, а проведенная словесная перестановка – логически корректной. «Субъективное право на общую вещь – это отнюдь не то же самое, что и общее субъективное право. По отношению к третьим лицам, выходящим перед собой право общей собственности, действительно предстает как одно общее субъективное право, одно на всех сособственников, сколько бы их ни было. Но в этих отношениях не возникает и проблемы объекта. Она обсуждается применительно к отношениям сособственников друг с другом, в которых такие «субстанции», как, скажем, «1/2» владения, «38% пользования», или, допустим, «57/108 распоряжения», никакой ценности, конечно, не имеют» [12, с. 113].

Те юридические возможности, которые оформляют «внутренние» отношения сособственников, заставляя их считаться друг с другом, представляют собой вовсе не субъективные права, а правомочия (способности) – элементы коллективной правоспособности. Объектом этих правомочий является, как это ясно по слову «правоспособность», субъективное право общей собственности. Причиной возникновения такой – специальной и относительной – гражданской правоспособности является как раз общий характер прикрепляемого с ее помощью субъективного права, его одновременная принадлежность нескольким лицам. Такая трактовка позволяет понять, что, говоря о доле в праве собственности, мы имеем в виду вовсе не какой-то специфический объект особого субъективного права, а лишь меру (предел, границу) возможной реализации права общей собственности тем или иным из сособственников.

Субъективное право, принадлежащее одному лицу, прикрепляется только к нему одному; для этого естественно и достаточно задействовать его общую гражданскую правоспособность. Но для

того чтобы одно и тоже субъективное право можно было приурочить одновременно к нескольким лицам, необходимо задействовать правоспособность каждого из них. Что же будет результатом такого «задействования»? Как минимум, взаимное ограничение способности каждого иметь и осуществлять такое субъективное право, которое принадлежит в одинаковой мере нескольким лицам, ибо ни один отдельно взятый его сообладатель не сможет осуществить этого права в полной мере, без участия других сообладателей. С момента прикрепления принадлежащего кому-либо права собственности еще и к другому лицу общегражданская правоспособность каждого из собственников, прежде ограниченная только законом, оказалась ограничена еще и правоспособностью другого. Иными словами, общегражданская правоспособность в полном соответствии с механизмом своей реализации конкретизировалась (сгустилась), но сделала это весьма своеобразно: из нее сотканы не один, как это обычно полагают, «сгусток» – «субъективное право», а два: 1) субъективное право и 2) отделяющий его от общегражданской правоспособности «буфер» – элемент специальной (корпоративной) правоспособности [13, с. 221].

Таким образом, так называемое право сособственника – это способность к осуществлению права общей собственности, ограниченная в своей реализации аналогичными способностями других собственников. Оно не является субъективным правом, поскольку не обеспечивается юридическими обязанностями. Право сособственника – это элемент специальной (коллективной) гражданской правоспособности – правомочие. Так называемая доля в праве собственности – количественный предел в реализации такого правомочия. Доля в ценности (доходности, убыточности) вещи, приходящаяся на конкретного собственника, – следствие реализации.

Список литературы:

1. Коренев, П.В. Право собственности и другие вещные права / П.В. Коренев, И.А. Суслина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 166 с.
2. Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Т. 2. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900 / К.Н. Анненков // Twirpx.com. – URL: <http://www.twirpx.com/file/292245/> (дата обращения: 22.09.2020).
3. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – М.: Статут, 1997. – 681 с.
4. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Вещные права / К.П. Победоносцев. – М.: Статут, 2003. – 739 с.
5. Тютюник, П.Н. Общая долевая собственность в гражданском законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Н. Тютюник. – Ростов н/Д, 2006. – 26 с.

6. Копина, А. Эта сложная доля... / А. Копина // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 32. – С. 16-17.
7. Синайский, В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский. – М.: Статут, 2002. – 791 с.
8. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Спарк, 1995. – 828 с.
9. Кавелин, К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству / К.Д. Кавелин. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1879 // СПС «Гарант» (дата обращения: 22.09.2020).
10. Новицкий, И.Б. Право собственности. Субъекты, объекты, содержание и защита права собственности. Право общей собственности (Комментарий к ст. ст. 52-65 Гражданского Кодекса) / И.Б. Новицкий. – М.: Право и Жизнь, 1925 // Twirpx.com. – URL: <http://www.twirpx.com/file/1579356/> (дата обращения: 22.09.2020).
11. Козлов, Р.П. Правовое регулирование общей долевой собственности в РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Р.П. Козлов. – М., 2008. – 28 с.
12. Кузьмина, И.Д. Объекты права собственности в здании / И.Д. Кузьмина // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. в честь проф. Б.Л. Хаскельберга. Под ред. Д.О. Тузова. М.: Статут, 2008. – С. 110-115.
13. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2018. – 528 с.

БЕСПАЛОВА Екатерина Владимировна,
Санкт Петербургская юридическая
академия, магистрант;
beskatarina@gmail.ru

ПОНЯТИЕ И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

В статье рассматриваются понятие и юридические признаки договора дарения недвижимого имущества.

Ключевые слова: договор дарения, недвижимость, объект, способ приобретения права, собственность, обещание дарения, даритель, одаряемый, безвозмездность.

В гражданском законодательстве нормы, регламентирующие порядок заключения и исполнения договора дарения недвижимости, закреплены в гл. 32 ГК РФ. В п. 1 ст. 572 ГК РФ дается легальное определение договора дарения: по договору дарения одна сторона (даритель) передает или обязуется передать безвозмездно другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

Несмотря на наличие легального определения, в доктрине высказываются различные мнения учёных на понятие договора дарения.

А.И. Бычков в своей работе указывает, что договор дарения представляет собой консенсуальную, двустороннюю и безвозмездную сделку, при этом дарение не ограничивается только бесплатной передачей вещи [1, с. 21].

По мнению Р.В. Шмелева, договор дарения недвижимости представляет собой соглашение по предоставлению некоторого имущества, в котором даритель из своего имущества обогащает одаряемого и которое по воле обеих сторон совершается на безвозмездной основе [2].

М.Г. Пискунова считает, что договор дарения недвижимости является двусторонней сделкой, в связи с чем при заключении такого договора обязательны волеизъявление и согласие обеих сторон договора (дарителя – на передачу недвижимого имущества, одаряемого – на принятие соответствующей недвижимости). Обещание дарения, наоборот, является односторонней сделкой, которая связывает только обещавшего подарить [3, с. 104].

По мнению Ю.В. Романца, под договором дарения понимается некое соглашение, по которому одна сторона (даритель) безвозмездно намеренно и за свой счет предоставляет другой стороне (одаряемому) имущественные выгоды с его согласия [4, с. 117].

Ранее существовали две основных концепции определения правовой природы договора дарения. Первая концепция заключалась в том, что под дарением понимался договор гражданского права, такой же, как и все другие договоры. Дарение является обязательственным договором и соответственно этому в системе гражданского права помещается в особенную часть обязательственного права, по традиции – сразу же вслед за меной. Помимо гражданского кодекса, этой концепции придерживалось большинство дореволюционных ученых [5, с. 519], авторы Проекта Гражданского уложения России, законодательства германских государств, общегерманское Гражданское уложение, гражданское законодательство Швейцарии, а также доктрина французского права.

Вторая концепция состоит в том, что дарение есть один из способов приобретения права собственности и соответственно этому помещается в системе гражданского права. Наиболее известный ее сторонник – К.П. Победоносцев [6, с. 472], а из законодательства – Французский Гражданский кодекс и дореволюционное законодательство России.

Надо сказать, что обе эти концепции между собой пересекались, а, следовательно, могли быть примирены. Хотя Кодекс Наполеона не рассматривает дарение как договор, иного мнения придерживались многие французские юристы. Свод Законов и придерживавшийся системы последнего К.П. Победоносцев признавали за дарением многие договорные черты.

В настоящее время дарение смело можно отнести к обязательствам, а договор дарения – к обязательственным договорам.

Договором дарения также признается обещание подарить вещь, имущественное право или освободить от имущественной обязанности при условии, что оно сделано в простой письменной форме и содержит ясно выраженное намерение совершить в будущем данную сделку (п. 2 ст. 572 и п. 2 ст. 574 ГК РФ). Обещание дарения по своей правовой природе является односторонней сделкой и связывает дарителя соответствующей обязанностью. У одаряемого есть право требовать от него исполнения данной обязанности в соответствии со ст. 156, 309-310 ГК РФ.

Важно отметить, что на практике для придания обещанию дарения большего веса участники гражданского оборота стараются облечь его в форму двусторонней сделки или документа, выражающего обещание дарения, чтобы получить подпись одаряемого в ознакомлении с его условиями [7].

Иванова обратилась в Нижегородский областной суд с иском к Петрову о признании договора обещания дарения договором дарения, понуждении к исполнению обязательства по следующим основаниям. Между истцом и ответчиком был заключен договор об обещании дарения доли квартиры в обусловленный срок. В нарушение п. 1 договора Петров не исполнил обусловленного обязательства и отказывается это сделать. Изучив материалы дела, суд пришел к вы-

воду о том, что оспариваемый договор обещания дарения соответствует требованиям гражданского законодательства, составлен в письменной форме, содержит все существенные условия заключенного договора, подписан сторонами, предметом договора является отчуждение собственником принадлежащей ему доли в праве на жилое помещение, суд правомерно пришел к выводу о заключенности договора дарения между сторонами спора и возложил на Петрова как на дарителя обязанность исполнить обязательство по безвозмездной передаче в собственность Ивановой $\frac{1}{6}$ доли квартиры [8].

Получается, что в рассматриваемом деле у дарителя отсутствовали основания для неисполнения обязательств по договору об обещании дарения, в связи с чем суд обязал дарителя передать одаряемому недвижимое имущество.

Кроме того, условия такой сделки должны быть сформулированы четко и недвусмысленно, чтобы у суда не было оснований в случае возникновения спора отказать в удовлетворении иска одаряемого о понуждении дарителя к исполнению принятых на себя обязательств, как это произошло в одном деле.

Приведем ещё один пример из судебной практики. Даритель составил с одаряемым двустороннее соглашение, поименованное им как гарантийное обязательство, приняв на себя обязательство переоформить на него или его родственников в дар квартиру и автомобиль. Из содержания соглашения прямо не следовало, что речь шла о передаче имущества, то есть об исполнении основной сделки. Поэтому суд квалифицировал соглашение как предварительный договор и, поскольку срок для заключения основного договора истек, признал обязательство дарителя прекращенным [9].

Действительно, указание на переоформление имущества предполагает заключение соответствующего договора, в рамках которого будет произведен переход права собственности на соответствующее имущество, поэтому в рассматриваемой ситуации суд вполне обоснованно квалифицировал спорный договор как предварительный.

Таким образом, в интересах одаряемого, получившего от дарителя обещание подарить ему вещь или имущественное право, или же освободить его от исполнения имущественной обязанности, перенести договоренности в двустороннее соглашение, чтобы упрочить свое положение на случай спора.

ГК РФ не признает возможности совершения дарения на случай смерти. Распоряжение о передаче имущества после своей смерти оформляется завещанием. Отличия завещания от дарения:

- завещание – односторонняя сделка, дарение – двусторонняя;
- при дарении имущество дарителя уменьшается, тогда как завещательное распоряжение не отражается на имущественных правах при жизни лица;
- как правило, дарение определяет бесповоротную передачу имущества, тогда как завещание может быть отменено и изменено в любое время.

Однако если дарение совершается с целью лишить наследников дарителя их законного права на обязательную долю в наследстве, то, как всякая притворная сделка, договор дарения может быть оспорен и признан недействительным [10, с. 268].

Как отмечает А.А. Косоруков, в законе не названо какого-либо отличительного признака безвозмездных договоров помимо самой безвозмездности, однако предлагает все же выделить некоторые черты, предопределяемые самой безвозмездностью, которые, на наш взгляд, также применимы к договору дарения недвижимого имущества:

- сфера заключения и действия этих договоров характеризуется ограниченностью, объясняется это в первую очередь тем, что такие договоры не регулируют рыночные отношения, следовательно, коммерческий характер таким договорам не присущ;

- преимущественно субъектами безвозмездных договоров являются граждане;

- безвозмездные договоры между гражданами предполагают наличие сложившихся ранее отношений;

- вопрос об ответственности решается иначе, чем в возмездных договорах (возмещение реального ущерба без взыскания упущенной выгоды);

- по-своему своеобразны мотивы заключения безвозмездных договоров;

- безвозмездный договор не может быть ни публичным, ни договором присоединения (за исключением договоров хранения в гостиницах, санаториях и др.) [11, с. 5].

Договор дарения отличается от других договорных конструкций в гражданском праве совокупностью следующих квалифицирующих признаков:

1. Предоставление происходит из имущества дарителя. Такое предоставление фактически является исполнением заранее определенного обязательства в отношении «одаряемого», которое обусловлено не договором дарения, а другим ранее возникшим основанием.

2. Посредством предоставления одаряемый должен обогатиться.

3. При дарении увеличение имущества одаряемого должно происходить за счет уменьшения имущества дарителя.

Объем имущества одаряемого увеличивается путем передачи ему дарителем вещи или имущественного права либо освобождения его от обязанности. Данный признак позволяет отличать договор дарения от иных договоров, не предусматривающих, так же, как и при дарении, встречного предоставления.

4. Согласие одаряемого на получение дара. Данный признак не всегда можно обнаружить в отношениях, связанных с дарением, особенно если договор дарения заключается по модели реального договора. В повседневной жизни на бытовом уровне каждый день совершается огромное число дарений без всяких видимых следов

истребования согласия одаряемого на принятие подарка. Однако даже обыденные представления не исключают возможности отказа одаряемого от принятия подарка. Мотивами для такого отказа могут служить дороговизна подарка, испорченные отношения между дарителем и одаряемым, понимание одаряемым, что за подарком последуют просьбы дарителя совершить какие-либо нежелательные (для одаряемого) действия и т.п.

5. Безвозмездность является самым главным признаком договора дарения недвижимого имущества.

В отличие от большинства гражданско-правовых договоров в договоре дарения определяющая роль принадлежит мотивам, которыми руководствовался даритель. Не всякая безвозмездная передача имущества является дарением. В.В. Витрянский правильно пишет, что соглашение может быть квалифицировано как договор дарения лишь в тех случаях, когда заинтересованными лицами будет доказано отсутствие какой-либо причинной обусловленности безвозмездной уступки права [12, с. 346].

Безвозмездным признается договор, по которому одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления. Для того чтобы то или иное соглашение можно было квалифицировать в качестве безвозмездного, из относящихся к нему правил, закрепленных в законе или ином правовом акте, либо из его существа должно прямо усматриваться отсутствие встречного предоставления.

Отсутствие в договоре условия о плате или ином встречном предоставлении в той или иной форме (передача вещи в собственность или в пользование, выполнение работ, оказание услуг и др.) само по себе еще не свидетельствует о его безвозмездности. Это связано с тем, что в виде базового принципа законом предусмотрена презумпция возмездности любого гражданско-правового договора (п. 3 ст. 423 ГК РФ).

По мнению Н.С. Евтушенко, редакция п. 2 ст. 423 ГК РФ расчитана исключительно на консенсуальные договоры и не учитывает возможную реальную природу договоров и, уж тем более, вещный характер договора дарения. В целях обеспечения согласованности норм ГК РФ полагаем необходимым считать безвозмездным такой договор, по которому одна сторона не только обязуется предоставить, но и предоставляет что-либо другой стороне без получения от неё платы или иного встречного предоставления [13, с. 30].

Дарением договор может быть признан только в том случае, когда из его содержания прямо усматривается воля одной стороны одарить другую в отсутствие какой-либо деловой цели или иного интереса.

Так, по мнению П.Л. Рыхлетского, безвозмездные договоры, в том числе и договор дарения, не противоречат общим признакам предмета гражданско-правового регулирования, поскольку все же

являются имущественными отношениями, которые характеризуются наличием элементов метода гражданско-правового регулирования (равенство сторон, автономия воли и самостоятельная имущественная ответственность) [14, с. 8]. И поэтому воспринимать безвозмездную сделку как гражданско-правовой нонсенс неверно, даже при том, что такие сделки совершаются без влияния стоимостного характера отношений:

- двусторонний договор, так как договор дарения недвижимости влечет возникновение у сторон (дарителя и одаряемого) как прав, так и обязанностей;
- односторонне-обязывающий договор, так как по договору дарения недвижимого имущества одна сторона наделена только правами, а другая – только обязанностями;
- строится по модели реального либо консенсуального договора.

Отнесение договора к группе консенсуальных договоров или к группе реальных до сих пор является проблемным вопросом. Законодательно следовало либо установить (по аналогии с договором купли-продажи), что дарение является договором, по которому «даритель обязуется предоставить одаряемому вещь в собственность...». В таком случае дарение было бы признано консенсуальным договором (а не, как это пытаются произвести, «и реальным, и консенсуальным») и одновременно было бы сохранено стремление законодателя придать юридическую силу словесно совершаемому дарению [15, с. 40].

Либо указать только на консенсуальный характер договора и на письменную форму последнего без упоминания о том, что действительность устного договора устанавливается фактическим его исполнением. Однако в таком случае страдала бы судебная практика, но не доктрина. Возможно, судебная практика в таких случаях постепенно признала действительным дарение, которое сопровождалось бы вручением дара без оформления письменного документа [16, с. 89]. Особенностью реального договора дарения является то, что, поскольку соглашение сторон совпадает с моментом передачи вещи, из этого договора для сторон в большинстве случаев не возникают дальнейшие обязательственные отношения. Это дало основание некоторым авторам относить дарение не к договору, а к особому способу приобретения права собственности.

Исходя из вышеизложенных положений, предлагается следующее определение договора дарения недвижимого имущества: «По договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно, то есть без наличия встречного обязательства, передает или обязуется предать другой стороне недвижимую вещь (недвижимое имущество, недвижимость) в собственность». Также отметим, что договор дарения недвижимого имущества характеризуется следующими квалифицирующими признаками: безвозмездность; предоставление происходит из имущества дарителя; посредством предоставления одаряемый

должен обогатиться; увеличение имущества одаряемого происходит за счет уменьшения имущества дарителя; согласие одаряемого на получение дара; договор дарения является двусторонним, односторонне-обязывающим, может быть реальным или консенсуальным договором.

Список литературы:

1. Бычков, А.И. Коммерческие аспекты дарения / А.И. Бычков // *Экономико-правовой бюллетень*. – 2017. – № 8. – 160 с.
2. Шмелев, Р.В. Понятие договора дарения недвижимого имущества / Р.В. Шмелев // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
3. Киндеева, Е.А. Сделки с недвижимостью - оформление без нотариуса: Государственная регистрация. Образцы документов. Комментарий и нормативные акты / Е.А. Киндеева, В.А. Левицкая, М.Г. Пискунова, Е.Р. Сарьян, А.Р. Кирсанов, В.В. Огородников. – М.: Юрайт, 2002. – 738 с.
4. Романец, Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография / Ю.В. Романец. – М.: Норма, Инфра-М, 2013. – 496 с.
5. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Спарк, 1995. – 508 с.
6. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права / К.П. Победоносцев. – М.: Статут, 2002. – 800 с.
7. Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 15.01.2015 по делу № 44Г-2-2015 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 31.01.2017 по делу № 33-1029/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное определение Московского областного суда от 31.08.2016 по делу № 33-23874/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Жук, Э.В. Основные направления совершенствования правового регулирования договора дарения в Российской Федерации / Э.В. Жук // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2016. – № 6. – С. 265-275.
11. Косоруков, А.А. Самостоятельные безвозмездные договоры в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Косоруков. – Казань, 2006. – 29 с.
12. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга 2: Договоры о передаче имущества / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2002. – 800 с.
13. Евтушенко, Н.С. Актуальные проблемы российского права недвижимости / Н.С. Евтушенко // *Юстиция*. – 2017. – № 1. – С. 28-33.
14. Рыхлетский, П.Л. Дарение в системе безвозмездных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Л. Рыхлетский. – Краснодар, 2005. – 26 с.

15. Новицкий, И.Б. Обязательства из договоров / И.Б. Новицкий. – М., Юрайт, 2009. – 756 с.
16. Исаев, А.Н. Институт дарения: договорная и недоговорная концепции / А.Н. Исаев // Проблемы законности. – 2012. – № 121. – С. 87-92.

ИВАНОВА Ангелина Игоревна,
*Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; Zvezda394@mail.ru*

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ

В статье проанализирована воспитательная роль исправительных учреждений в отношении лиц, осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: *осужденные, уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, социальная адаптация, ресоциализация, воспитательное воздействие.*

Каждое совершенное преступление влечет за собой санкции, применяемые к лицу, совершившему противоправное действие, после того как его вина будет доказана в ходе судебного разбирательства.

Эти санкции могут быть различными, но вне зависимости от вида наказаний каждое из них имеет свои определенные цели, в частности, возмещение нанесенного обществу или государству вреда, исправление поведения преступника или его изоляция.

Одной из основных целей действующего уголовно-исполнительного законодательства является исправление лица, совершившего общественно-опасное деяние.

Во время нахождения в исправительных учреждениях осужденные подвергаются целенаправленному исправительному и воспитательному воздействию. Тем не менее, сложность процесса организации и реализации указанного воздействия в рамках исправительных учреждений заключается не только в различных видах режимов данных учреждений, но и в личностных особенностях конкретных осужденных.

Исправление осужденных является наболевшей и важнейшей проблемой в любом государстве, не является исключением и Российская Федерация. От достижения цели наказания в виде исправления осужденного зависит эффективность деятельности не только исправительных учреждений, но и всей системы правоохранительных органов.

Значение результатов ресоциализации и адаптации осужденных очень велико, поскольку свидетельствует о достижении цели наказания. Ресоциализация и адаптация осужденных имеет не только теоретическое, но и практическое значение. По результатам ресоциализации и адаптации заключенных решается целый блок вопросов, которые находятся во взаимосвязи с различными поощрительными институтами уголовного и уголовно-исполнительного права.

Процесс воспитания и исправления осужденных в рамках исправительных учреждений и после отбывания наказания являются

частями общего процесса исправления осужденных, основная цель которого сводится к воспитанию уважительного отношения к обществу, закону, человеку, устоям человеческого общества.

В настоящее время вопросы ресоциализации и адаптации осужденных являются достаточно актуальными. Назрела острая необходимость создания специальной службы по социальной работе с осужденными в рамках исправительного учреждения.

По состоянию на 1 сентября 2020 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 517 028 человек, при этом штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы составляла 295 967 человек, из них начальствующего состава – 225 284 чел [6]. Таким образом, на каждого осужденного лица приходится 0,5 сотрудника ФСИН. Очевидным в данном случае является расширение штата пенитенциарной системы для организации исправительно-воспитательной работы с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы.

Особый интерес представляет функционирование механизма реализации процесса ресоциализации и адаптации осужденных, оказания им помощи в трудоустройстве и бытовой жизни после освобождения. Непрерывное совершенствование этого процесса является первостепенной государственной задачей, решение которой поможет избежать совершения данными лицами новых преступлений.

По мнению М.И. Еникеева, ресоциализация является процессом освоения индивидом социальных норм и культурных ценностей, не освоенных или недостаточно освоенных ранее, или обновленных на новом этапе общественного развития [1, с. 22].

Ресоциализация является определенным этапом, в рамках которого должны быть устранены предпосылки рецидивного поведения, восстановлены социальные связи личности с обществом. В процессе ресоциализации должны быть закреплены результаты исправления осужденного и разрушены все асоциальные представления и антиобщественные намерения. Работа по ресоциализации начинается на этапе подготовки осужденного к освобождению.

Подготовка осужденного к освобождению ведется на протяжении всего его срока отбывания наказания. Данные процессы должны преследовать цели его постепенного исправления, формирования у него социально-положительных навыков и постулатов нормального поведения.

Как показали последние исследования, на рецидивную преступность большое воздействие оказала слабая подготовка осужденных к жизни вне исправительного учреждения. Осужденные, не прошедшие подготовительную работу по адаптации после освобождения, чаще совершают преступления [2, с. 270].

В настоящее время для полноценной ресоциализации и адаптации осужденных после освобождения ведется административный надзор, действуют инструкторы по трудоустройству. Все это призвано осуществить постепенный переход и адаптацию бывшего

осужденного к новым, непривычным для него условиям жизни вне исправительного учреждения. Естественно, что данные меры направлены на снижение рецидивной преступности. Отсюда следует, что ресоциализация и адаптация осужденных к освобождению является также и профилактикой преступности.

Подготовка осужденных к освобождению, к новым условиям жизни – это прежде всего психологический настрой и формирование правильных установок, что способствует формированию стратегической модели поведения, основанной на общепризнанных нормах и правилах.

В рамках подготовки осужденного к освобождению необходимо сформировать навыки к жизни в обществе, настрой на необходимость трудовой деятельности, существование в семье, стимулирование желания занятия самовоспитанием.

«Важно сформировать у освобождаемого убеждение в том, что трудности, с которыми он столкнется на свободе, не дадут ему права изменить свое поведение в худшую сторону и не могут служить оправданием новых преступлений» [3, с. 29].

В теории адаптацию осужденных к жизни вне пенитенциарного учреждения подразделяют на заблаговременную и непосредственную.

Заблаговременная (общая психологическая) адаптация осужденного к освобождению начинается задолго до освобождения. Это длительный поэтапный процесс, направленный на то, чтобы создать необходимые условия плавного перехода осужденного из одних условий жизни в другие.

Непосредственная (специальная) адаптация осужденного к освобождению начинается за 2-3 месяца до того момента, когда осужденный будет освобожден из мест лишения свободы. Очень важно в период непосредственной подготовки осужденного к освобождению связаться с тем трудовым коллективом, в котором осужденный будет осуществлять трудовую деятельность, а также с сотрудниками полиции, которые будут производить административный контроль в отношении осужденного после его освобождения.

Как правило, у осужденного наблюдается формирование такого мнения, что если он выражает желание работать и трудится, то заслуживает к себе повышенного внимания и уважения. По этой причине формальное отношение должностных лиц может восприниматься им как личное оскорбление и сильная обида.

К примеру, освободившийся из ИУ-1 г. Челябинска осужденный Вершинин трудности с трудоустройством воспринял как личное оскорбление и заявил инспектору, который его курировал, ультиматум: если его немедленно не трудоустроят, он совершит дерзкое преступление [4, с. 640].

Естественно, что процесс ресоциализации и адаптации осужденных должен отличаться такими характеристиками как непрерыв-

ность, индивидуальность, системность, культивация лучших сторон его личности.

Довольно часто сотрудники исправительных учреждений ставят перед осужденными определенные задачи, искусственно создают проблемные ситуации для того, чтобы у осужденного сформировались навыки преодоления данных трудностей.

Так, 25-летний осужденный Смолин после освобождения из колонии не вернулся к престарелой матери, невзирая на ее просьбы, объяснив администрации этот жизненный шаг тем, что мать раньше пила и гуляла. Это и явилось, по мнению Смолина, одной из причин его осуждения. Поведение Смолина было поставлено на обсуждение в одной из бесед с осужденными. Мнения разделились. Часть осужденных оправдывала поступок Смолина. В итоге, с помощью начальника отряда большинство осужденных пришли к выводу, что поступок Смолина с общечеловеческих позиций неэтичен и безнравственен [5, с. 9].

Практика свидетельствует о большом количестве подобных конфликтов, в силу чего каждый сотрудник мест лишения свободы обязан применять их в исправительном процессе в отношении осужденного.

Непосредственная подготовка осужденных к освобождению проводится в отношении группы лиц. Ответственный за этот участок работы сотрудник в процессе данной подготовительной деятельности затрагивает правовые, социальные и моральные темы. Наряду с сотрудниками исправительного учреждения такие коллективные беседы могут проводиться специально приглашенными специалистами в данной области.

Лекции и беседы должны носить характер диалога, а не монотонного изложения затронутой тематики. Осужденный должен понять и осознать, что он сам творец своей судьбы.

Естественно, что какой бы продуктивной не была подготовка осужденного к освобождению и жизни за стенами исправительного учреждения, трудности возникнут неминуемо. Для того чтобы непосредственная подготовка прошла успешно, лица, ее проводящие, должны знать личность осужденного, учитывать его индивидуальные особенности. Сотрудники исправительного учреждения должны понимать, какие методы воздействия наиболее эффективны в отношении данного осужденного.

К примеру, если осужденный отличается излишней впечатлительностью, беседу с ним следует построить на основе эмоционального воздействия на него. Для осужденных, отличающихся закрытостью и рационализмом, подойдут логические доводы и убеждения в необходимости правомерного поведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что адаптация осужденного к новым для него условиям жизни только тогда принесет положительный результат, когда ей будет предшествовать подготовка ко всем составляющим предстоящей жизни осужденного.

Ресоциализация и адаптация осужденного после освобождения несет в себе ряд проблем:

1. Пребывание осужденного в местах лишения свободы отрывает его от реалий настоящей жизни. Естественно, что он будет чувствовать себя оторванным от обычной жизни на свободе. В связи с этим необходимо поддержание связей с семьей, родными друзьями, которые остались за стенами исправительного учреждения.

2. Для достижения положительных результатов исправления осужденного и эффективности его подготовки к освобождению необходимо понизить негативное влияние мест лишения свободы, их криминогенное воздействие, влияния тюремных традиций и обычаев, ее субкультуры и т.д.

3. В рамках исправительного учреждения должна проводиться работа по повышению положительных качеств в личности осужденного, чему способствует его профессиональная заинтересованность, воспитательные мероприятия по привитию навыков правоупотребительного поведения.

Подводя итог сказанному выше, можно сделать вывод о том, что главной задачей процесса исполнения наказания в виде лишения свободы является подготовка осужденных к жизни вне мест лишения свободы, их ресоциализации и социальной адаптации. Повышение эффективности исправления осужденных и закрепление данного результата значительным образом сказывается на снижении рецидивной преступности.

В рамках достижения основной цели наказания, которой является исправление осужденных, проводится подготовка к ресоциализации и социальной адаптации осужденных после освобождения. От того, насколько эффективно проведены данные мероприятия, зависит и закрепление результата исправления осужденного.

Список литературы:

1. Борсученко, С.А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 2.

2. Гусаров, П.Н. Ресоциализация и адаптация осужденных: проблемы и перспективы пенитенциарной системы в России / П.Н. Гусаров // Молодой ученый. – 2018. – № 22 (208).

3. Еникеев, М.И. Юридическая психология: Учебник для вузов / М.И. Еникеев. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 56 с.

4. Игнатьев, А.М. Социально-психологическая адаптация осужденных в местах лишения свободы / А.М. Игнатьев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 6.

5. Сайфуллин, Р.Р. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных / Р.Р. Сайфуллин // Фундаментальные научные исследова-

дования: теоретические и практические аспекты. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – 2017.

6. Федеральная служба исполнения наказаний. Официальный сайт // URL: <http://www.fsin.su> (дата обращения: 20.09.2020).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

В статье рассматривается правовое регулирование алиментных обязательств в России в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: *обязанность по содержанию, алиментирование, супруги, дети, родители, алиментное соглашение, нуждающиеся члены семьи.*

Как писал историк XIX века В.О. Ключевский, «в исторической реальности нет ни настоящего, ни прошлого, а есть лишь непрерывное течение, и всякий человек так тесно впутан в ткань собственного времени, что не способен не задумываться о том, что его ждет в будущем и, хотя бы иногда не вспоминать своего прошлого» [1, с. 132].

Да, действительно, без системного анализа прошлого нельзя раскрыть природу того или иного явления в настоящем, предусмотреть пути его эффективного развития в будущем. Это суждение справедливо и в отношении алиментирования, так как история его становления в России исчисляется не одним столетием.

На Руси упоминание об обязанности детей надлежаще обеспечивать своих родителей можно найти уже в первом писанном нормативно-законодательном акте – «Русской правде» (1015 г.). Так, в ст. 103 Суда Ярослава упоминается, что при смерти матери имущество переходит тому, у кого она проживала и кто ее содержал [2, с. 24]. Следовательно, наследственная масса распределялась лишь между теми наследниками, которые содержали наследователя, то есть обеспечивали его пропитание, кровом, одеждой, деньгами.

С развитием общественных отношений на Руси реформируется право, совершенствуется его институты. Уже в Псковской судной грамоте 1467 г. в ст. 53 сказано: «а же сын отца или мать не скормит до самой смерти, пойдет из дому, не взять ему и части» [3, с. 65]. Из чего следует, что в понятие «содержание» был включен более широкий перечень жизненных потребностей нуждающегося родителя, чем прежде (пропитание, жилье, деньги, содействие в ведении домашнего хозяйства). Помимо этого, был определен момент прекращения данной обязанности смертью лица.

В эпоху язычества вопросы семьи и брака регламентировались традициями и обычаями, после принятия христианства они перешли под контроль церкви. К примеру, Кормчая книга (XII в.) дает наставление супругам оказывать заботу друг другу; это можно анализировать как прообраз нынешних алиментных отношений между супругами.

В XV-XVIII вв. проблемы семьи и брака затрагивались светским и церковным правом; брак прекращался с наступлением смерти супруга или разводом; особой формой прекращения брака являлось уход в монастырь, что приравнялось к смерти. После наступления смерти супруга вдова приобретала так называемые «вдовьи пожитки». В 1681 г. было принято вдовье обеспечение, подобным образом определено равноправие на материальное содержание супругов при смерти одного из них. Равноправие супругов на пожизненное содержание и в это время законодательно не регламентировались.

До XVII в. отношения детей и родителей выстраивались по императивной модели: родители имели возможность определять детей в монастырь и повелевать судьбой брачных отношений.

Позже, в XVII – начале XIX веков, принимается ряд указов, регламентировавших отношения по предоставлению детьми содержания своим родителям. Они позволили впервые определить основания предоставления содержания. Так, в Указе от 11.01.1810 «Об обязанностях детей пахотных солдат вступать на военную службу на указанный срок» таким основанием являлось старость и дряхлость родителей, а в Положении об устройстве освободившихся от крепостной зависимости дворовых людей и Правилах о людях, освободившихся от крепостной зависимости Бессарабской области, – «неспособность добывать себе пропитание». Иногда законодатель определял и цели предоставления содержания. Например, в Указе от 23 января 1789 года «Об исключении детей поселенных солдат из оклада» отмечалось, что при отце, по его усмотрению, необходимо оставлять одного сына для оказания помощи в «прокормлении его семейства и для размножения хлебопашества» [4, с. 115].

Следует отметить, что, начиная с XIX века, можно было применять уголовное наказание в отношении детей, не содержащих своих родителей. Соборное уложение 1649 года в качестве таковых предусматривало жестокое наказание в виде битья кнутом, беспрекословного послушания. Данные наказания были продублированы в ст. 2086 Уложения о наказаниях 1845 г.

На промежутке этих веков законодательство о супружеском содержании можно охарактеризовать, как достаточно развитое, хотя и как одностороннее, поскольку обязанность по обеспечению перекладывалась в основном на мужа. Право жены на обеспечение являлось неотчуждаемым, любые договоры, которые обращены на его ограничение или прекращение, считались недействительными, выплата алиментов назначалась после предъявления иска. Муж, не владеющий капиталом, не был освобожден от алиментной обязанности. Закон не ставил алиментную обязанность мужа в зависимость от совместного проживания. Следовательно, законодатель исходил из соображения способности мужа всегда приобретать средства; он не имел возможности требовать обеспечения от своей жены, даже

если жена была предельно обеспечена, а ему необходима материальная поддержка.

В этот период муж имел возможность защиты от финансовых притязаний своей жены при разводе без особых причин и при краткосрочности брака.

Также в это время на родителей возлагалась обязанность обеспечивать своих законных детей до достижения ими 21 года. Устав благочиния 1782 г. устанавливал: «долг родителей обеспечить пропитанием, одеждой и воспитанием... по состоянию» [5, с. 223]. Похожая норма устанавливалась ст. 172, ч. 1 т. X Свода Законов Российской Империи. Легитимность ребенка, рожденного до 180 дней после бракосочетания, определялась благодаря доказательствам того, что отец «оказывал заботу о его содержании и воспитании». За неисполнение обязанности по предоставлению алиментов наступала уголовная ответственность в соответствии с положениями Устава наказаний, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [6, с. 449].

В те времена законодатель устанавливал за отцом больше обязанностей по обеспечению детей, чем за матерью. В начале XX в. сформировался институт содержания внебрачных детей. Следует отметить, что до этого единственной защитой прав незаконного ребенка было обвинение отца в незаконном сожителе с его родителем; оказываемое содержание определялось как возмещение причиненного вреда матери.

К XX в. законодательство в сфере алиментных правоотношений приобрело знакомый нам на нынешний день облик. Но на то время алиментными правами и обязанностями наделялись только родители, дети и супруги, родственники не обозначались в качестве субъектов алиментной обязанности.

С 1917 по 1968 годы институт о внутрисемейном содержании претерпевал реформирование. Первым кодексом в России стал Кодекс законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском Праве 1918 г. В последующем Кодекс 1918 г. был заимствован остальными союзными республиками, что говорило об идее большевиков глобально провести реформирование семейного права и навязать республикам, которые вошли в состав СССР, именно свою позицию ее поведения.

Население страны в своей массе не было готовым к таким переменам. Решение вопросов, связанных с правами детей и женщин, в последующем привело к утверждению таких актов, которые отбросили Россию на десятки лет назад и к половому неравенству, которое по сей день встречается в семейном законодательстве [7, с. 95].

В практике за определенное количество лет закрепились гражданская форма брака, равноправие супругов, равное положение для всех детей; юридической защитой были наделены отношения фактического сожительства. Также на тот момент преобразовывалось и алиментное законодательство супругов.

Проблемы алиментирования супругов в общем были исчерпаны Декретом о расторжении брака 1917 г., который утвердил одностороннюю обязанность мужа обеспечивать свою жену после расторжения брачных отношений, ввел возможность заключения соглашения между сторонами и временное взыскание алиментов. Но он не затрагивал вопросов супружеского содержания в браке.

Кодекс законов о браке, семье и опеке, утвержденный в 1926 г. определил право нуждающегося нетрудоспособного супруга или фактического сожителя на обеспечение, если другая сторона имеет возможность его предоставлять; также им устанавливался принцип общности супружеского имущества.

Нетрудоспособными признавались неработающие супруги, которые заняты уходом за детьми, инвалиды I-III группы, мужчины старше 60 и женщины после 55 лет (Кодекс 1918 г. рекомендовал более низкие возрастные критерии нетрудоспособности); а нуждаемость устанавливалась в связи с материальным положением обеих сторон. Кодекс 1926 г. не определял право беременной или супруги с маленьким ребенком на алименты от супруга, но защищал закон права супруга, ставшего нетрудоспособным в результате виновных действий другого супруга, вследствие чего пострадавший мог требовать алименты или возмещение вреда. Так, в 1938 г. Судебная Коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР признала правильным решение суда первой инстанции по иску Е. к С. о взыскании в общегражданском порядке средств на содержание Е., которая потеряла трудоспособность из-за произведенного по настоянию С. аборта [8, с. 51-52].

В сравнении с действующим законодательством Семейный кодекс 1926 года оставил без изменения основания и порядок предоставления содержания родителям и детям.

Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. (далее – Кодекс 1969 г.) установил алиментирование супругов: они имеют обязанность взаимной материальной поддержки; при отказе от содержания нетрудоспособный нуждающийся супруг, беременная или жена в пределах года после рождения ребенка вправе требовать алименты в судебном порядке (в 1984 г. этот срок был увеличен до полутора лет); алименты определяются с учетом семейного и материального статуса сторон и взыскиваются в твердой денежной сумме; В научной литературе этого периода неоднократно обсуждался вопрос об алиментных отношениях супругов при их раздельном проживании [9, с. 13-14]. Общее мнение сводилось к тому, что раздельное проживание (даже длительное) не влияет на супружеские алиментные обязанности.

Последующие действия в этом направлении были произведены с утверждением Федерального закона от 22.12.1994 № 73-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Кодекс о браке и семье РСФСР», который закрепил: при неуплате алиментов суд имеет право обращать взыскание на имущество плательщиков алиментов; суд

имеет право увеличивать или уменьшать размер алиментов на несовершеннолетних детей; право родителей заключать алиментное соглашение; самое главное, был увеличен срок алиментирования с 1,5 до 3 лет беременной и супруги с маленьким ребенком; впервые было установлено алиментирование бывшего супруга, ухаживающего за общим ребенком-инвалидом; алиментное соглашение наделили статусом самостоятельного правового института;

Указанные нововведения были восприняты и усовершенствованы Семейным кодексом РФ, вступившим в действие с 1996 года. Его разработка и принятие объяснялись коренными изменениями в политической, социальной и экономической жизни страны, а также потребностью приведения семейных отношений в соответствии с Конституцией РФ.

Таким образом, со вступлением общества в XXI век вопросы предоставления обеспечения нуждающимся членам семьи не потеряли своей актуальности и значимости. Нормы, раскрывающие механизм алиментирования, показали общие изменения идеологии права и перемены, происходящие в обществе. Институт алиментных обязательств в нашей стране прошел длительный путь становления и формирования. Несмотря на известные исторические периоды, нынешнее семейное право сохранило и продолжает возвращать традиции российской самобытности.

Список литературы:

1. Ключевский, В.О. Неопубликованные произведения / В.О. Ключевский. – М., 1983. – 1100 с.
2. Титов, Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю.П. Титов. – М., 2003. – 936 с.
3. Цатурова, М.К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. / М.К. Цатурова. – М., 1991. – 361 с.
4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права / К.П. Победоносцев. – М., 2003. – 839 с.
5. Загоровский, А.И. Курс семейного права. / А.И. Загоровский. – М., 2003. – 531 с.
6. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М., 2005. – 662 с.
7. Завадская, Л.Н. Гендерная экспертиза российского законодательства / Л.Н. Завадская. – М., 2001. – 212 с.
8. Гойхбарг, А.Г. Новое семейное право / А.Г. Гойхбарг. – М., 2008. – 497 с.
9. Пергамент, А.И. Необходимые изменения в законодательстве о браке и семье / А.И. Пергамент // Советская юстиция. - 1990. - № 8. - С. 12-17.

КАСИНЕЦ Анастасия Васильевна,
*Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; Nastas988@inbox.ru*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

В статье автором дается понятие таможенных платежей для определения сути самой уголовной ответственности за уклонение от уплаты тех самых таможенных платежей.

Ключевые слова: таможенные платежи, уклонение от уплаты, преступления, состав преступления, квалификация, умысел, цель.

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей в России вызывает наибольший интерес с точки зрения исторического, правового и юридического исследования в период становления капиталистических общественных отношений в начале XX в. Ответственность за нарушения в те времена устанавливалась Уставом таможенным, была едина и не зависела от ранга органа, назначающего наказание.

В 1885 г. в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных были прописаны первые нормы о наказании за нарушения Устава таможенного. Однако в 1893 г. они уже были исключены ввиду того, что правила о наказаниях и взысканиях за нарушение таможенных постановлений были изложены в Уставе таможенном [2, с. 72]. Тяжесть наказания зависела от того, в какой раз лицо признавалось виновным, а также созналось оно добровольно или было изблечено [3, с. 475].

Взыскания начислялись от размера неуплаченной пошлины и цены товара. Также предусматривалась конфискация товаров, а при ее невозможности взыскивалась стоимость товара. Действия, которые повлекли за собой уклонение от уплаты пошлины, наказывались так же строго и по тем же правилам, как и тайный провоз товаров, — контрабанда. К контрабанде приравнивались деяния, направленные на уклонение от уплаты пошлины. Контрабандный товар делился на запрещенный к привозу, беспошлинный и пошлинный [4, с. 139].

В 1994 г. уклонение от уплаты таможенных платежей было криминализировано в УК РСФСР 1960 года Федеральным законом от 01.07.1994 г. До настоящего времени текст данной статьи менялся три раза.

В статье 162.6 УК РСФСР впервые уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей была изложена следующим образом: «Умышленное уклонение от уплаты таможенных платежей в крупных размерах наказывается лишением свободы на

срок до одного года или штрафом от трехсот до восьмисот минимальных размеров оплаты труда».

Умышленное уклонение от уплаты таможенных платежей в особо крупных размерах наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой, или штрафом от пятисот до тысячи минимальных размеров оплаты труда. Действия, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом, ранее судимым за уклонение от уплаты таможенных платежей, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества». В примечании к ст. 162.6 УК РСФСР говорилось, что под крупным размером уклонения от уплаты таможенных платежей следует понимать уклонение, при котором сумма неуплаченных таможенных платежей превышает двести минимальных размеров оплаты труда, а под особо крупным размером – тысячу минимальных размеров оплаты труда.

В УК РФ 1996 г. этот состав преступления был перемещен в ст. 194 УК РФ под наименованием «Уклонение от уплаты таможенных платежей». Статья состояла из двух частей: в части первой предусматривалась ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей в крупном размере, а в части второй – за то же деяние, совершенное неоднократно. В примечании к ст. 194 УК РФ говорилось, что под крупным размером уклонения от уплаты таможенных платежей понимается такое уклонение, когда сумма неуплаченных таможенных платежей превышает одну тысячу минимальных размеров оплаты труда.

С принятием Федерального закона от 25 июня 1998 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» состав преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, получил следующее наименование: «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица». В ч. 1 ст. 194 УК РФ (в новой редакции) было установлено: «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, совершенное в крупном размере, наказывается штрафом в размере от двухсот до семисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от двух до семи месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо лишением свободы на срок до двух лет».

В ч. 2 ст. 194 УК РФ предусматривалось: «То же деяние, совершенное: а) группой лиц по предварительному сговору; б) лицом, ранее судимым за совершение преступлений, предусмотренных настоящей статьей, а также статьями 198 или 199 настоящего Кодекса; в) неоднократно; г) в особо крупном размере, – наказывается штрафом в размере от пятисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от пяти месяцев до одного года либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового». В примечании к ст. 194 УК РФ говорилось, что уклонение от уплаты таможенных платежей признается совершенным в крупном размере, если сумма неуплаченных таможенных платежей превышает одну тысячу минимальных размеров оплаты труда, а в особо крупном размере – три тысячи минимальных размеров оплаты труда.

По сравнению с предыдущими двумя редакциями, по примечанию 2 к статье 198 УК РФ в редакции от 25 июня 1998 г., лицо, впервые совершившее преступление за уклонение от уплаты таможенных платежей, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления и полностью возместило причиненный ущерб.

По мнению Н.И. Крюковой: «Действующая уголовно-правовая норма об ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей сформулирована излишне абстрактно, поскольку в ней почти нет описания признаков объективной стороны преступления, не трактуется понятие «уклонение», не уточняется, какие именно таможенные платежи являются предметом рассматриваемого деяния.

Данное обстоятельство вызывает значительные затруднения в правоприменительной практике. Рассматривая в совокупности проблемы, связанные с применением ст. 194 УК РФ, можно говорить о том, что в существующем виде редакция статьи требует своего обновления» [5, с. 3].

Разберемся же в том, что представляют собой преступления, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 194 УК РФ. Данные преступления посягают на экономическую составляющую государства, потому как в бюджет поступают не в полном объеме или вообще не поступают денежные средства, а именно пошлина и НДС, установленные на ввозимые товары. Таможенные платежи – это пошлины, налоги и сборы, взимаемые государственными органами с участников внешнеэкономической деятельности при перемещении грузов, товаров и транспортных средств через таможенную границу Таможенного союза [1, с. 232].

Обязательные таможенные платежи, без которых не производится таможенное оформление (в соответствии со ст. 70 Таможенного кодекса Таможенного союза): 1) ввозная таможенная пошлина; 2) вывозная таможенная пошлина; 3) налог на добавленную стоимость, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию Таможенного союза; 4) акциз (акцизы), взимаемый (взимаемые) при ввозе товаров на таможенную территорию Таможенного союза; 5) таможенные сборы.

Суммы, полученные при взимании вывозной пошлины, НДС, акциза и таможенных сборов, поступают на счет казначейства страны, таможенные органы которой производили таможенные операции с перемещаемыми товарами. А суммы ввозных таможенных пошлин распределяются между странами Таможенного Союза.

Самой распространенной причиной уклонения от уплаты таможенных платежей являются высокие ставки ввозных таможенных пошлин на ввозимые импортные товары [6, с. 85].

С юридической точки зрения, уклонение от уплаты таможенных платежей – это умышленное преступление, в котором виновное лицо заведомо осознает, что не вносит сумму таможенных платежей, понимает, что в результате таких действий (вернее бездействия) в федеральный бюджет не поступят данные денежные средства и желает наступления этого результата. Умысел является определенным и заранее обдуманным [7, с. 103].

На основании вышеизложенного, уклонение от уплаты таможенных платежей проявляется как в форме действия, так и в форме бездействия.

Уклонение от уплаты таможенных платежей выражается в предоставлении таможенным органам заведомо ложных сведений о товарах и транспортных средствах, повлекших за собой неуплату или не полную уплату таможенных платежей; нарушении сроков уплаты таможенных платежей; предоставлении таможенным органам поддельных документов, подтверждающих факт уплаты таможенных платежей.

По способам совершения преступления, основная часть деяний, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу, попадала под действие отмененной ст. 188 УК РФ «Контрабанда». В данной статье умысел совершается в основном с целью уклонения от уплаты таможенных платежей. Преступником движет корыстный мотив, а цель заключается в уменьшении суммы таможенных платежей, подлежащих уплате.

Однако речь может идти о контрабанде только при условии, что товар запрещен к ввозу или его ввоз ограничен. В данном случае умысел виновного направлен на беспрепятственное перемещение товара. Осуществлять перемещение товара незаконно, при отсутствии препятствий для законного перемещения товара через таможенную границу Таможенного союза, имеет смысл лишь тогда, когда целью преступника является уклонение от уплаты таможенных платежей. В этой ситуации лицо должно подлежать уголовной ответственности, предусмотренной ст. 194 УК РФ. Таким образом, при уклонении от уплаты таможенных платежей необходимо установить направленность действий лица на такое уклонение. При совершении контрабанды действия направлены на незаконное перемещение товаров или иных предметов.

В ст. 188 УК РФ недекларирование или недостоверное декларирование рассматривается иначе, чем иные способы незаконного перемещения. Когда действия (бездействие) направлены на то, чтобы уменьшить сумму таможенных платежей (например, заявление недостоверных сведений о таможенном режиме, таможенной стоимости), либо вообще избежать их уплаты, они подпадают под ст. 194 УК РФ. Указанные сведения при этом не влияют на принятие реше-

ния о разрешении перемещения товаров через таможенную границу, поскольку их внешний вид либо сведения об их идентификационных признаках не изменялись [7, с. 154].

Касательно судебной практики можно сказать, что ранее складывалась однозначное представление о разграничении составов, предусмотренных ст. 188 и 194 УК РФ. Оно сводилось к тому, что по ст. 188 УК РФ квалифицировались только такие незаконные деяния, которые совершались в случае ввоза товара через таможенную границу, а при вывозе – в момент подачи таможенной декларации или иного деяния, направленного на осуществление вывоза товара. Иные действия, совершенные с товаром, перемещенным через таможенную границу на таможенную территорию России, квалифицировались по другим статьям УК РФ в зависимости от умысла и конкретных обстоятельств.

Состав, предусмотренный ст. 194 УК РФ, поглощался составом ст. 188 УК РФ, что вело за собой неприменения правоохранительными органами состава уклонения от уплаты таможенных платежей по ст. 194 УК РФ, в связи с чем возникало множество вопросов при квалификации и разграничении этих статей [8, с. 396].

В настоящее время, после вступления в силу Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельных законодательных актов Российской Федерации», ст. 188 УК РФ «Контрабанда» декриминализована, и совершаемые действия, аналогичные ей, квалифицируются по ст. 194 УК РФ.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 04.07.2020) // СЗ РФ. – 2020. – № 4. – 445 с.
2. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1885 г. / Н.С. Таганцев. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 926 с.
3. Антонов, С.С., Устав таможенный (Свод законов. Т. 6, изд. 1904 г.) / С.С. Антонов, 5А.В. Добротин. – СПб.: Государственная типография, 1905. – 1107 с.
4. Кисловский, 5Ю.Г. Контрабанда: история и современность / Ю.Г. Кисловский. – М.: ИПО «Автор», 1996. – 429 с.
5. Крюкова, 5Н.И. Профилактика 5уклонения 5от уплаты 5таможенных 5платежей. Статья в 5сборнике / Н.И. 5 Крюкова. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – С. 2-5.
6. Рубцова, А.С. Актуальные проблемы уголовного права. Особенная часть. Учебное пособие / А.С. Рубцова. – М.: Проспект, 2018. – 112 с.

7. Беспалов, Ю.Ф. Правила назначения уголовного наказания. Учебно-практическое пособие / Ю.Ф. Беспалов. – М.: Проспект, Москва, 2016. – 184 с.

8. Грачева, Ю.В. Уголовное право. Общая часть. Учебное пособие для бакалавров / Ю.В. Грачева, 5Г.А. Есаков, 5А.А. Кореева. – Москва: Проспект, 2020. – 464 с.

КИЛИНА Анастасия Игоревна,
Санкт Петербургская юридическая академия,
магистрант; kilina001@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ОКАЗАНИИ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ

В статье рассматриваются особенности защиты прав потребителей при оказании туристских услуг, автором анализируются правоотношения, вытекающие из договора на оказание туристских услуг.

Ключевые слова: *защита прав потребителей, туристская индустрия, туристские услуги, туроператор, турагент, ответственность, потребитель, туристский продукт.*

В современном мире туристская индустрия является активно развивающейся отраслью экономики. Через туризм реализуется конституционное право человека на отдых, в связи с чем защита прав потребителей в данной области всегда была актуальной в силу ее социальной значимости.

Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [1] (далее – Закон о туризме) по-прежнему является крайне несовершенным и нуждающимся в корректировке законодателя, в том числе в части положений, касающихся понятия и содержания договора, заключаемого между турагентом (туроператором, в случаях, предусмотренных законом) и туристом (заказчиком) [2, с. 70].

Основными источниками правового регулирования в сфере туристских услуг выступают Закон о туризме, Правила оказания услуг по реализации туристского продукта, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.07.2007 № 452 [3], Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [4], а также иные нормативно-правовые акты и ГОСТы. При этом действие законодательства о защите прав потребителей распространяется на договоры об оказании гражданам туристских услуг независимо от того, состоялась туристическая поездка или потребитель отказался от путевки.

С 1 июля 2003 года, как только вступил в законную силу Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [5], услуги перестали являться объектом обязательного подтверждения соответствия, то есть теперь для туроператора и турагента прохождение сертификации для подтверждения соответствия оказываемых туристических услуг является делом добровольным.

Туристические фирмы делятся на две главные группы. Первая группа – это туроператорская деятельность, которая занимается формированием, продвижением и реализацией туристского продук-

та, вторая группа – турагентская деятельность продвижением и реализацией туристского продукта. В данной формулировке турагент выступает как посредник между туроператором, который формирует тур, и туристом. Туристическим компаниям присваивается соответствующий номер, когда они включаются в Единый реестр туроператоров.

Договор может быть расторгнут, если в стране пребывания складываются условия, угрожающие жизни, здоровью и (или) имуществу туриста, вследствие чего сумму, равную стоимости тура, возвращают. При досрочном прекращении путешествия выплачивается стоимость неиспользованных дней, если угроза возникает уже во время путешествия.

На территории Российской Федерации осуществление туроператорской деятельности в целях защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц допускается юридическим лицом при наличии у него договора страхования гражданской ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта либо банковской гарантии исполнения обязательств по договору о реализации туристского продукта. Финансовое обеспечение должны иметь все зарегистрированные туроператоры на территории Российской Федерации.

Обоснованное внимание к туроператору как основному субъекту рассматриваемых отношений, которые должны отвечать, в частности, за качество реализуемого продукта, сочетается зачастую с попустительским отношением к многочисленным туристическим агентствам и их правовому положению. Ответственность этих участников исследуемых отношений снижена до минимума и сводится к обязанности отвечать перед клиентами за не предоставление либо неполное предоставление информации об услугах, что зачастую сложно доказуемо [6, с. 200].

Вина туристской организации зачастую выражается в форме неосторожности. При этом степень её вины находится в зависимости от вида нарушения прав туриста и фактических обстоятельств дела. Например, если представитель туроператора организовал трансфер туристов в отель с полчасовой задержкой, то можно говорить о малозначимой вине туристской организации. Если же туроператор, получив от туриста плату за туристский продукт в полном объёме, не забронировал место в самолёте и номер в отеле, то налицо значительная степень вины туристской организации [7, с. 147].

Надлежащее исполнение туроператором обязательств по всем договорам о реализации туристского продукта, заключаемым с туристами и (или) иными заказчиками непосредственно туроператором либо по его поручению турагентами, обеспечивается договором страхования ответственности либо банковской гарантией.

В договоре с туристом обязательно должны быть указаны данные о виде гарантии (реквизиты договора страхования либо бан-

ковской гарантии), а также основания и порядок получения компенсации за некачественные услуги.

Заметим, что законодатель не только не устанавливает взаимосвязи между размерами возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда, но и не ставит возникновение имущественной ответственности в зависимость от возникновения права на компенсацию морального вреда, а это фактически отражает, что конструкции одной и другой находятся в разных плоскостях и общие основания наступления одной не обуславливают наступление другой [8, с. 80].

В п. 50 Постановления от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» (далее – Постановление) указывается, что, применяя законодательство о защите прав потребителей к отношениям, связанным с оказанием туристских услуг, суды должны учитывать, что ответственность перед туристом и (или) иным заказчиком за качество исполнения обязательств по договору о реализации туристского продукта, заключенному турагентом как от имени туроператора, так и от своего имени, несет туроператор (в том числе за неоказание или ненадлежащее оказание туристам услуг, входящих в туристский продукт, независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались эти услуги), если федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации не установлено, что ответственность перед туристами несет третье лицо.

В Постановлении также отмечается, что в связи с этим необходимо обратить внимание судов на то, что, например, по делам по спорам, возникающим в связи с осуществлением чартерных воздушных перевозок пассажиров в рамках исполнения договора о реализации туристского продукта, надлежащим ответчиком и исполнителем договора перевозки с потребителем признается туроператор, который в соответствии с п. 2 ст. 638 ГК РФ вправе без согласия арендодателя по договору аренды (фрахтования на время) транспортного средства от своего имени заключать с третьими лицами договоры перевозки.

Как указал Роспотребнадзор, «регулирование правоотношений, где стороной данных договоров является иностранная компания, осуществляется согласно нормам главы 68 Гражданского кодекса Российской Федерации, а пределы применения норм Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей” определяются в статье 1212 Гражданского кодекса Российской Федерации. Выбор применимого права не может ограничивать защиту прав потребителя нормами законодательства страны его проживания, если имело место хотя бы одно из обстоятельств: заключению договора предшествовала в этой стране адресованная потребителю оферта или реклама, и потребитель совершил действия, необходимые и достаточные для заключения договора; контрагент или его представитель получили заказ потребителя в этой стране; заказ на оказание услуг

сделан потребителем в другой стране, посещение которой инициировано контрагентом в целях побуждения к заключению договора» [10, с. 72].

Между тем, оказание туристских услуг ненадлежащего качества может привести не только к нарушению условий договора и неудовлетворенности туриста, но и к причинению вреда его здоровью и жизни, что предопределяет применение правил гл. 59 ГК РФ о деликтной ответственности, если договором не предусмотрен более высокий размер ответственности, чем установлен гл. 59 ГК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное законодательство о защите прав потребителей при оказании туристских услуг имеет много пробелов и несовершенств, которые используются недобросовестными исполнителями как возможность нарушения прав потребителей.

Необходимо расширять перечень способов защиты прав туристов, либо в договоре по туристскому обслуживанию между туристом и туроператором должны быть выработаны такие условия договора, что туристу бы не пришлось, потом обращаться за дополнительной защитой в суд, даже если его права нарушены. Также необходимо внести изменения в действующее законодательство и устранить пробелы, которые порождают почву для нарушения прав туристов.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. – 1996. – № 49. – Ст. 5491.

2. Толстова, А.Е. Договор об оказании туристской услуги: отдельные проблемы правовой характеристики / А.Е. Толстова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 3 (44). – С. 69-75.

3. Постановление Правительства РФ от 18.07.2007 № 452 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» (ред. от 30.11.2018) // СЗ РФ. – 2007. – № 30. – Ст. 3942.

4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 24.04.2020) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

5. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (ред. от 28.11.2018) // СЗ РФ. – 2002. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5140.

6. Черноморец, В.В. Защита прав туристов как направление государственного регулирования туристской деятельности в Российской Федерации / В.В. Черноморец // Молодой ученый. – 2019. – № 10 (248). – С. 200-202.

7. Ахмедова, Ю.О. О стратегии государственной политики в области защиты прав потребителей / Ю.О. Ахмедова // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы,

достижения и инновации сборник статей XIX Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – СПб., 2019. – С. 146-148.

8. Прохорова, Ю.С. Процессуальные особенности правового положения лиц, участвующих в деле, по спорам о защите прав потребителей, возникающих из ненадлежащего оказания или неоказания туристических услуг / Ю.С. Прохорова // Академическая публикация. – 2019. – № 1. – С. 79-82.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9.

10. Сирик, Н.В. Существенные условия договора о реализации туристского продукта / Н.В. Сирик // Современное право. – 2016. – № 4. – С. 71-73.

КНЯЗЕВА Ксения Александровна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; sheiskssk@gmail.com

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА О ПОКАЗАНИИ СВИДЕТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В статье анализируются порядок получения показаний свидетеля, недочеты ключевых положений существующих нормативных актов и предлагаются решения по совершенствованию системы дачи и получения свидетельских показаний.

Ключевые слова: *свидетель, свидетельские показания, допрос свидетеля, лжесвидетель.*

Показания свидетеля – это сведения, выраженные в устных ответах свидетелей, об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения судебного дела, а также это наиболее распространенные доказательства, без которых не обходится практически ни одно расследование преступления. После любого свершившегося преступления всегда остаются следы не только материальные, но и в воспоминаниях людей. Возможность использования этих следов в доказывании позволяет установить необходимые обстоятельства, что является важнейшим условием для принятия справедливого решения. По этой причине значимость надлежащего правового регулирования для свидетельских показаний очень высока. Но, тем не менее, в этой области существует множество проблем, которые мы рассмотрим.

Понятие «свидетель» закреплено в ст. 56 УПК РФ, где сказано, что свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Также вышеуказанное лицо при этом не должно иметь другого процессуального статуса в одноименном деле: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, специалиста, эксперта. Самая главная обязанность свидетеля заключается в том, чтобы давать правдивые показания, за неисполнение оной – дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний – для свидетеля предусмотрена уголовная ответственность (ст. 307, 308 УК РФ). Одновременно с этим лицу предоставляется свидетельский иммунитет – право свидетеля не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом (п. 40 ст. 5 УПК РФ). В ч. 3 ст. 56 УПК РФ обозначены категории лиц, которые об определенных обстоятельствах (например, священнослужитель – об обстоятельствах, узанных им из исповеди), а иногда и при определенных условиях (например, депутаты Государственной Думы – без их согласия) не подлежат допросу.

Обозначим, что в УПК РФ упомянуты не все случаи предоставления свидетелям иммунитета, несмотря на то, что ст. 7 этого Кодекса запрещает суду, прокурору, следователю, органу дознания и дознавателю применять федеральный закон, противоречащий Кодексу, и требует, чтобы суд при установлении несоответствия федерального закона Кодексу принимал решение исходя из последнего. Между тем иногда эти противоречия решаются не в пользу УПК РФ. Чтобы проиллюстрировать вышесказанное, обратимся к положениям ч. 2 главы II ст. 28 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [1], согласно которым Уполномоченный не вправе разглашать сведения о частной жизни лиц без их письменного согласия, о которых он узнал в связи с выполнением его обязанностей. Федеральный закон имеет более высокую юридическую силу, чем Кодекс, поэтому правоприменители в первую очередь будут руководствоваться им и исполнять его волю. Но для устранения противоречивости тем же правилам следовало бы быть закрепленными и в УПК РФ. Тогда в п. 40 ст. 5 УПК РФ была бы вернее формулировка: право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных законом; а не исключительно Кодексом.

Другой важный вопрос, какие именно сведения, сообщаемые свидетелем, относятся именно к его показаниям? Толкование положений ст. 79 УПК РФ объясняет, что показания могут быть получены лишь ввиду единственного следственного действия – допроса, и это в корне неверный вывод. Одновременно с этим детальное изучение ст. 192-194 УПК РФ выявляет, что можно признать показаниями свидетеля и ту информацию, которая сообщена им в виду таких следственных действий, как очная ставка, предъявление для опознания и проверка показаний на месте. Более того, в ч. 2 ст. 192 УПК РФ говорится прямо, что все полученные сведения являются показаниями. Вышеизложенное означает, что статье 79 УПК РФ необходимо соответствующее уточнение. Сделать это необходимо как можно быстрее, потому что, к примеру, при даче свидетелем ложных показаний на опознании или в ходе показаний на месте, очевидная вина свидетеля будет достаточно трудно доказуема с точки зрения закона, а привлечь свидетеля к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ будет весьма сложно.

Показания, не являющиеся по закону показаниями, могут быть даны свидетелем при производстве других следственных действий, например, в ходе осмотра или обыска. При участии в вышеупомянутых следственных действиях свидетель может сообщить очень значимую информацию по обнаруженным предметам или следам. Но ведь неразумно было бы не включать это в доказательственную базу как показания? Посмотрим, что нам на это скажут действующие положения российского законодательства. Статьи 177 и 182 УПК РФ о порядке осмотра и обыска не упоминают о том, чтобы кто-то из

участвующих в данных процессах, в том числе и свидетель, сообщил важные для дела сведения в виде свободного рассказа или ответов на вопросы (также не говорится о том, чтобы считать эти сведения показаниями). Это приводит к возможно чересчур поспешному выводу о невозможности использования сведений, полученных таким образом, в доказывании. С этим положением согласна некоторая часть ученых. Например, по утверждению Н.В. Власенко и В.В. Степанова, слова свидетеля в ходе осмотра «носят ориентирующий, не имеющий процессуального значения характер» [2]. Данные ученые считают, что указания и пояснения привлекаемых к осмотру лиц, относящиеся к обстановке места происшествия и к произошедшему в нем событию, вообще «не находят отражения в протоколе осмотра, так как там описывается только то, что следователь обнаружил на месте в ходе осмотра места происшествия, без указания на то, с чьей помощью были обнаружены определенные обстоятельства» [2, с. 17].

Но такой подход, на наш взгляд, нецелесообразен. Начнем с того, что статья об общих правилах производства следственных действий предусмотрела необходимость предупреждения свидетеля, если он в них участвует, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Это как бы указывает на то, что показания могут быть даны лицом, являющимся свидетелем, в ходе абсолютно любого следственного действия при его участии в нем. Продолжим тем, что закон, который устанавливает общие правила составления протокола следственного действия, требует, чтобы в таком протоколе не только описывались процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, и выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, но и излагались заявления лиц, участвующих в следственном действии (ч. 4 ст. 166 УПК РФ). Поэтому мы считаем, что сведения, сообщенные свидетелем в ходе осмотра, обыска или другого следственного действия с его участием, должны обязательно быть отражены в протоколе и должны признаваться допустимыми доказательствами по делу. При этом необходимо учитывать положения ч. 2 ст. 11 УПК РФ, по которым свидетель должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть и будут использованы в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу. Вышесказанное, разумеется, не означает, что нормы, которые регулируют порядок некоторых следственных действий, таких как обыск, осмотр, следственный эксперимент, выемка, не нуждаются в некоторой доработке. Наоборот, во избежание дальнейших споров, а также для большей защиты прав и обязанностей лица, сообщающего значимые сведения при производстве вышеизложенных следственных действий, требуется внесение в закон ряда уточнений, чтобы точнее отрегулировать порядок и условия получения таких сведений.

Очередной значимый момент по регламентации порядка допроса (чрезмерно строгий, на наш взгляд) – подход к установке предельно допустимой продолжительности допроса (ч. 2, 3 ст. 187 УПК РФ). Предположим, что свидетель хочет давать показания и после четырех часов непрерывного законодательно обозначенного допроса. Предположим, что и сведения, получаемые от него, необычайно значимы для справедливого разрешения дела, и как раз это промедление с их фиксацией и проверкой приведет к невосполнимой утрате доказательств. Но, тем не менее, свидетель обязан в данной ситуации, независимо от желания свидетеля и интереса дела, прервать допрос как минимум на один час, что может повлечь за собой необратимые негативные последствия. Вероятно, более целесообразным было бы уточнить в дополнительном положении к статье, что допрос не может длиться непрерывно более четырех часов без желания допрашиваемого. Следовало бы обязать дознавателя по истечении законодательно установленного времени допроса узнать, хочет ли свидетель продолжить дачу показаний или ему нужен перерыв. Этот порядок, во-первых, смог бы защитить права свидетеля, а во-вторых – смог бы поспособствовать решению основных задач уголовного судопроизводства.

Еще один вопрос, на который необходимо обратить внимание, – это четкость и эволюция правовых мер, которые мотивируют свидетелей давать исключительно правдивые показания (что практически равно термину «достоверность», а это, как известно, является основой необходимой информации при получении сведений по уголовному делу). Если говорить о свидетелях, то меры, которые стоит четче отрегулировать, включают в себя две группы: меры ответственности и меры защиты. Сегодня обе эти группы имеют в России огромный потенциал для развития.

Взяв на рассмотрение меры ответственности, мы можем отметить, что лжесвидетельство на протяжении долгого времени является слабым местом российского уголовного судопроизводства. Исследование судебной практики по этому вопросу подтверждает печальный вывод о том, что привлекаются к уголовной ответственности лишь единицы из тысяч, причем наказание чаще всего ограничивается незначительнейшими штрафами [3]. Следует внести определенные изменения в уголовное законодательство, чтобы качество мер ответственности существенно выросло.

На наш взгляд, необходимо, с одной стороны, придать гораздо большее значение уголовной ответственности за дачу свидетелями заведомо ложных показаний, усилив его строгость вплоть до лишения свободы (на данный момент в России самое строгое наказание за ложную дачу показаний – три месяца ареста максимум, что слабо помогает общей превенции данного преступления). Во Франции за такое преступление предусмотрено наказание до 5 лет лишения свободы, в Израиле – до 7 лет, в Японии и США – до 10 лет. Зарубежные правоприменители, выступая на международных семинарах,

часто обозначают, что они довольно редко сталкиваются с лжесвидетельством, ведь, к примеру, в США это одно из серьезнейших нарушений закона, реальное наказание за которое обычно неотвратимо [4, с. 26].

С другой стороны, стоило бы изменить примечание к ст. 307 УК РФ, заключающееся в том, чтобы у лжесвидетеля, добровольно сообщившего о своей лжи, оставалась лишь возможность освобождения от уголовной ответственности, а не обязательность этого. Это небольшое уточнение существенно повысит качество статьи и ее исполнения, что успешно демонстрируется в других развитых странах. В России же норма, которая в категоричной форме требует освобождать лицо от уголовной ответственности при добровольном признании, заставляет допрашиваемого подумать о том, что он останется безнаказанным, что у него есть возможность в любой момент (до вынесения судом окончательного решения) преспокойно отказаться от прежних показаний. Так оно и есть на данный момент, но главным минусом здесь является то, что в подавляющем большинстве случаев на проверку ложных сведений тратятся силы и время сотрудников правоохранительных органов, более того, зачастую в результате лжи нарушаются права и законные интересы других лиц.

Показания свидетеля играют важнейшую роль в уголовно-процессуальном доказывании, крайне значимы и необходимы для четкого и правильного установления обстоятельств совершенного преступления. Изложенные в данной статье проблемы имеют глубокое влияние на допустимость и достоверность сообщаемых свидетелем сведений. Поэтому изъяны и недочеты правового регулирования в рассмотренном нами вопросе необходимо незамедлительно разрешить законодательным путем. Надеемся, что высказанные выше предложения достаточно серьезно и аргументировано рассмотрены, чтобы привлечь к ним пристальное внимание и успешно решить.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.
2. Власенко, Н.В. Сущность и тактика проверки показаний на месте / Н.В. Власенко, В.В. Степанов. – М., 2004.
3. Новиков, С.А. «К вопросу о существующей практике борьбы с лжесвидетельством» / С.А. Новиков // Российский следователь. – 2008. – № 15. – С. 31-32.
4. Быканов, М. Лжесвидетельство – враг правосудия / М. Быканов // Законность. – 2006. – № 5.

КРАСНОВА Наталья Евгеньевна,
*Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики, аспирант
кафедры Административного права и
процесса krasnova-natasha@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРОТИВОПРАВНЫЕ И ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЯНИЯ

В статье рассмотрены некоторые вопросы административного и уголовного наказания в отношении несовершеннолетних, совершивших противоправные и преступные деяния.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, административная ответственность, уголовная ответственность, наказание.*

Ежегодно в нашей стране несовершеннолетние совершают ряд деяний, противоречащих закону. Согласно законодательству об административных правонарушениях, ответственность за большинство таких деяний наступает только при достижении лицом возраста 16 лет. Уголовный же закон предусматривает наступление ответственности за совершенные несовершеннолетним преступные деяния с момента достижения последним 14 лет.

Известно, что уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях преследуют разнонаправленные цели. Исследователь Черняев С.Г., следуя обобщенному выводу многих известных российских ученых разных поколений и положений действующего законодательства, отмечает следующие цели административного наказания:

а) частное и общее предупреждение административных правонарушений;

б) воспитание законопослушных граждан при «хороших» законах;

в) кару как отрицательное отношение общества и государства и возмездие за совершенное противоправное деяние [7].

Цель уголовного наказания, согласно 2 ст. 43 УК РФ, с ч. 2 ст. 43 УК РФ, заключается в целях восстановления социальной справедливости; в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

К восстановлению социальной справедливости следует отнести справедливость объема уголовной ответственности, возложенной на виновное лицо, и возмещение причиненного им вреда [8].

Исправление же осужденного юристы толкуют как на нравственном (широком), так и на юридическом (узком) уровнях. В частности, в узком смысле, исправление – это такая коррекция личности осужденного, при которой он не совершает новых преступле-

ний. В широком смысле исправление осужденного предполагает изменение его нравственного сознания [5].

Количество преступлений и административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, не демонстрирует критического роста. Показатели, ее демонстрирующие, согласно статистическим данным, в последние годы снижаются. Статистические данные, демонстрирующие вышеозначенное, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними в 2017-2019 гг.

Вид деяния	2017	2018	2019	Темп роста/снижения, %
Уголовное преступление	42504	40860	37953	89,29
Административное правонарушение	233941	221531	203197	86,85
Отношение количества совершенных административных правонарушений к количеству уголовных преступлений, совершенных несовершеннолетними	В 5,5 раз	В 5,42 раза	В 5,35 раз	-

На рис. 1. можно наглядно увидеть, что количество административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, значительно превышает количество совершенных ими уголовных преступлений (рис. 1).

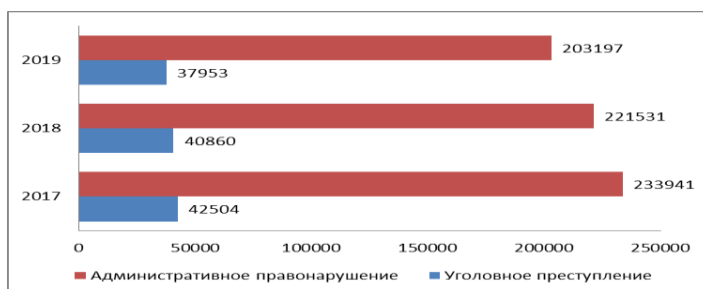

Рис. 1. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними в 2017-2019 гг.

Согласно данным таблицы 1, также можно сказать, что в течение анализируемого периода соотношение между совершенными несовершеннолетними административными правонарушениями и уголовными преступлениями составило более чем в пять раз больше в пользу первых. Данная тенденция может быть обусловлена, как нам кажется, недостаточной степенью опасности наказания для несовершеннолетних, а также недостаточным уровнем профилактики административных правонарушений с данным контингентом.

Как было указано выше, цель административного наказания заключена как в частном и общем предупреждении административных правонарушений, так и в отрицательном отношении общества и государства, которое может быть выражено через возмездие за совершенное преступление. Однако перечень наказаний несовершеннолетних за совершенные ими административные правонарушения в соотношении с взрослыми правонарушителями незначителен. В частности, особенностью административной ответственности несовершеннолетних следует назвать неполную дееспособность несовершеннолетних, которая обуславливает особые цели данного вида ответственности, а также то, что репрессивные меры к последним применяются редко, некоторые не применяются вообще (например, административный арест).

Административная ответственность лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, предполагает применение административного наказания и административно-восстановительных мер, которые на виновного накладывают обременительные последствия личного, имущественного и морального свойства, а также мер морально-нравственного воспитательного воздействия [4].

К лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста, из всех десяти наказаний, которые предусмотрены административным законодательством, чаще всего применяются только два: административный штраф и предупреждение. С учетом отсутствия у несовершеннолетних правонарушителей постоянного дохода, за счет которого может произойти возмещение материального вреда, причиненного ими, такой вред за них возмещают родители. В результате имеет место следующая ситуация: ответственность за совершение административного правонарушения несовершеннолетними практически в полном объеме несут родители, законные представители или опекуны, которые вместе со своими детьми или подопечными оказываются вовлечены в административный процесс и которые по закону отвечают за совершенные несовершеннолетними противоправные деяния в рамках КоАП.

В этой связи умалется одна из целей административного наказания, т.к. за проступок, по сути, отвечает в полном объеме не лицо, его совершившее, а субъект, который отвечает на поведение по поступку такого лица. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается причина значительного количества административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними: они понимают, что

уровень ответственности за совершенные ими противоправные деяния недостаточен для применения к ним превентивных мер ответственности, и продолжают нарушать административное законодательство. Поэтому можно говорить, что большая часть административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, остается практически безнаказанной, что чаще всего и провоцирует детей на совершение более серьезных деяний – уголовных преступлений [3].

Уголовная ответственность несовершеннолетних преступников, как и взрослых, предусматривает в обязательном порядке исправление осужденного с целью предупреждения совершения новых преступлений. Здесь несовершеннолетний отвечает за свои преступления самостоятельно уже с момента наступления возраста 14 лет. Как и при совершении административных правонарушений, несовершеннолетние имеют право на то, чтобы в качестве их законных представителей в уголовном процессе выступали родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства (п. 12 ст. 5 УПК РФ) [4]. Но при этом привлечение вышеуказанных лиц в качестве представителей несовершеннолетнего необходимо для соблюдения его законных прав, а вся ответственность за совершение уголовного преступления целиком и полностью ложится уже на несовершеннолетних, и к ним в рамках уголовного процесса применяются те или иные виды наказания.

Данная мера оказывает свое позитивное влияние на динамику преступности несовершеннолетних. Оказавшись в статусе обвиняемого и получив реальное наказание за свое преступление, несовершеннолетние уже оценивают свой проступок совершенно иначе, с позиции неотвратимости наказания. Именно данный фактор позволяет говорить о том, что эффективность административного наказания несовершеннолетних низка в соотношении с таковой в уголовном праве, а незначительность некоторых административных правонарушений может при определенных условиях перерасти в уголовное преступление. Так, заведомо ложный вызов «скорой помощи» может повлечь за собой смерть другого человека, которому в данный момент помощь медиков была необходима, но оказать ее не представилось возможным по причине указанного ложного вызова. В данной ситуации можно говорить о косвенной вине несовершеннолетнего за смерть человека.

На современном этапе на законодательном уровне необходимо пересмотреть степень, объем и механизм административной ответственности несовершеннолетних, поскольку тот уровень латентной безнаказанности, который имеет место сейчас, только усугубляет ситуацию с правонарушениями, совершаемыми данной категорией населения, поскольку пользуясь возможностью избежать наказания,

дети снова и снова нарушают административный закон и потенциально готовы преступить черту закона уголовного.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020).

3. Дугенец, А.С. Административная ответственность в российском праве: Дисс. ...докт. юрид. наук / А.С. Дугенец. – М., 2005. – 91 с.

4. Лядов, Э.В. О применении к несовершеннолетним видов уголовного наказания, альтернативных лишению свободы / Э.В. Лядов // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2009. – № 2. – С. 77-81.

5. Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность / Ю.Е. Пудовочкин. – Ставрополь, 2002. – С. 164-165. Рыбак, М.С. К вопросу о законодательном обеспечении достижения целей уголовного наказания / М.С. Рыбак // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним. Саратов, 2004. – Ч. 1. – С. 89.

6. Разгильдиев, Б.Т. Систематизация видов уголовной ответственности посредством категории «цель» / Б.Т. Разгильдиев // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского конгресса уголовного права. – М., 2009.

7. Черняев, С.Г. К вопросу о целях административных наказаний / С.Г. Черняев // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 3. – С. 149-152.

8. Шошин, С.В. Проблемы определения категории «цель» в современном российском уголовном праве / С.В. Шошин // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского конгресса уголовного права. – М., 2009.

ЛАВОРЕНКО Сабрина Юрьевна,
*Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова, магистрант;*
lavorenko.98@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

Статья посвящена международно-правовым стандартам в области защиты права на частную жизнь.

Ключевые слова: *права человека, неприкосновенность, частная жизнь, личная жизнь, персональные данные.*

В современном мире отношение к правам человека, к их соблюдению и защите переживает серьезный кризис, что вновь делает актуальной проблему обеспечения на национальном уровне международных стандартов в области прав человека и осуществления контроля за их реализацией. В полной мере это относится и к защите права на частную жизнь.

К числу важнейших универсальных международных документов, содержащих международно-правовые стандарты в области защиты личных прав человека принято относить, прежде всего, Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. Перечень основополагающих прав и свобод содержится также в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

В белорусском законодательстве и международных документах четкой формулировки понятия «частная жизнь», о котором пойдет речь, не существует, однако прослеживается очевидная необходимость в единообразном подходе в понимании сущности данной сферы жизни индивида.

Частная жизнь в большей степени регулируется нормами морали, а право может лишь закрепить пределы допустимого вмешательства в частную сферу. Исходя из этого, следует как на национальном законодательном, так и на международном уровне, прийти к единому механизму по защите частной жизни и определиться с международными стандартами защиты права на частную жизнь.

Впервые на международном уровне, право на неприкосновенность частной жизни нашло свое отражение в статье 12 Всеобщей Декларации прав человека 1948 года, которая гласит, что «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [1, ст. 12]. Пакт о гражданских и политических правах 1966 года в статье 17 содержит в себе аналогичную формулировку [2, ст. 17].

В дальнейшем рассматриваемое право получило закрепление в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3, ст. 8], Американской конвенции о правах человека [4, ст. 11], Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [5, ст. 9].

Так, статья 8 Европейской конвенции закрепляет право каждого «на уважение его личной и семейной жизни...». Конвенция не допускает вмешательство со стороны публичных властей в сферу частной жизни, за исключением случаев, «когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц» [3, ст. 8].

В решениях Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) прослеживается основная цель, которая состоит в обеспечении защиты лица от произвольного вмешательства со стороны властей. В решениях ЕСПЧ сформулированы следующие условия, которые могут легально ограничить частную жизнь без видимого согласия лица:

- в каждом случае, без исключения, должны быть предоставлены доказательства того, что без ограничения права на неприкосновенность частной жизни вред публичным интересам будет нанесён в любом случае;

- должен быть определён строгий определённый промежуток времени, в пределах которого возможно ограничение неприкосновенности частной жизни и только при соответствующем контроле со стороны уполномоченных государственных органов;

- необходимо чётко закрепить основания и пределы допустимости ограничения права на неприкосновенность частной жизни, которые должны регламентироваться законом и только по решению суда [6, с. 7-11].

Следует отметить, что с принятием данной Конвенции государства, входящие в Совет Европы, получили эффективную и уникальную систему гарантий прав человека, в основе которой лежит принцип субсидиарности [7, с. 80]. Данная система включает в себя механизмы, обеспечивающие реализацию принципа обязательности положений Конвенции для всех государств, ее ратифицировавших. ЕСПЧ осуществляет судебный контроль за соблюдением закреплённых положений. Созданный правовой механизм позволяет в полной мере обеспечивать право лица, исчерпавшего все доступные национальные правовые ресурсы, подать жалобу в ЕСПЧ и получить судебную защиту неприкосновенности частной жизни.

Следует обратить внимание на закрепление неприкосновенности частной жизни в таком своеобразном международном правовом акте, как Арабская хартия прав человека. В Хартии зафиксирована

формулировка «личная жизнь» и подробно раскрывается сущность данного понятия, а именно:

- невмешательство в семейные отношения лица;
- неприкосновенность жилища;
- тайна переписки и любых других видов общения [8, ст. 12].

Как уже отмечалось, право на неприкосновенность частной жизни фиксируется и в Американской конвенции о правах человека, в Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека и других документах международного характера.

Таким образом, в мире действует значительное число международно-правовых актов, которые закрепляют неприкосновенность частной жизни и гарантируют защиту этого права.

Анализируя упомянутые международные документы и судебную практику, стоит отметить, что право на неприкосновенность частной жизни является многокомпонентным термином, которому сложно дать исчерпывающее определение, так как оно охватывает и физическую и психологическую стороны лица и, исходя из этого, может включать в себя различные аспекты его идентичности. Другими словами, право на неприкосновенность частной жизни должно иметь единство, которое, прежде всего, характеризуется широким спектром гарантий в самых разных сферах жизнедеятельности лица.

Следует подчеркнуть, что действенная охрана и защита рассматриваемого права, его гарантии – это один из ключевых критериев демократического общества и формирования правового государства.

С появлением и развитием информационных технологий возникла и актуализировалась проблема защиты прав личности от несанкционированного сбора персональных данных. Современные информационные и цифровые технологии, несомненно, расширили возможности обработки и распространения информации в больших масштабах, усилили эффективность социального управления, но одновременно создали острую проблему соблюдения права на неприкосновенность частной жизни в виде широких возможностей произвольного вмешательства в частную жизнь.

В развитых странах при создании новых технологий государство заботится о создании условий, который улучшали бы государственный правопорядок, который обеспечивает права граждан. Совет Европы разработал правовой механизм, который был закреплён в Конвенции № 108 «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» 1981 года [9]. Этот документ устанавливает законные требования к сбору и использованию, а также срокам хранения персональных данных; определяет те категории данных, которые в последующем будут подвержены автоматизированной обработке; в конвенции содержатся требования по принятию надлежащих мер безопасности при хранении персональных данных.

На рубеже XX-XXI веков на национальном уровне (первоначально в США и Канаде, затем во многих других странах) был принят ряд законодательных актов по защите информации, а в ряде государств созданы специализированные органы по защите личных персональных данных.

В статье 28 Конституции Республики Беларусь закреплена норма о том, что «каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство» [10, ст. 28].

Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает наказания за нарушение неприкосновенности частной жизни – незаконные собирание либо распространение информации о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия, повлекшие причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего (ст. 179 УК Республики Беларусь).

По мнению Н.Г. Беляевой, необходимо особо учесть ситуации, когда сбор информации направлен на обеспечение общественной безопасности, в таких случаях необходимо строгое законодательное урегулирование и судебное обжалование, с чем нельзя не согласиться [11, с. 113].

В Республике Беларусь, в отличие от ряда других стран, закона о неприкосновенности частной жизни не существует. Более того, так как Республика Беларусь не является членом Совета Европы, граждане страны не имеют возможности получить судебную защиту нарушенных прав в рамках указанного выше европейского конвенционального механизма.

В настоящее время в Республике Беларусь отношения в области охраны персональных данных регулируются Законом «Об информации, информатизации и защите информации, в частности статьей 32 Закона, посвященной защите персональных данных [12, ст. 32].

Впервые легальное понятие «персональные данные» было закреплено в вышеуказанном законе, однако формулировка данного понятия не раз подвергалась критике, так как включает в себя лишь основные и дополнительные данные физического лица. На наш взгляд, стоит обратиться к опыту Российской Федерации, где в понятие персональные данные входит любая информация, относящаяся к физическому лицу.

Стремительный уровень развития информационных технологий диктует новые условия, в связи с этим возникает ряд задач, которые требуют правового закрепления как на международном, так и на национальном уровне.

В Республике Беларусь необходимо принять Закон «О персональных данных», который, должен дать четкое определение понятий, закрепить основные принципы, обеспечить защиту прав и свобод граждан при сборе, обработке, распространении или предостав-

лении их персональных данных. Данный закон существует пока в виде проекта, а личные данные белорусов обрабатываются фактически без их согласия («в силу требований законодательства»).

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 04.10.2020).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 04.10.2020).

3. Европейская конвенция по правам человека. Заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 06.10.2020).

4. Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.concourt.am/hr/rus/un/6_3.htm (дата обращения: 06.10.2020).

5. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека. Заключена в Минске 26.05.1995 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966/ (дата обращения: 06.10.2020).

6. Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/5b8fe83c4.pdf> (дата обращения: 08.10.2020).

7. Афанасьева, О.В. Право на неприкосновенность частной жизни. Укрепляет ли его закон о персональных данных / О.В. Афанасьева // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. – С. 76-88.

8. Арабская хартия прав человека и народа в арабском мире // URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=134> (дата обращения: 06.10.2020).

9. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/ (дата обращения: 06.10.2020).

10. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Эталон – Беларусь. – Минск, 2020.

11. Беляева, Н.Г. Право на неприкосновенность частной жизни и доступ к персональным данным / Н.Г. Беляева // Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 101-114.

12. Об информации, информатизации и защите информации:
Закон Республики Беларусь, 10 ноября 2008 г. № 455-3 // Эталон –
Беларусь. Минск, 2020.

ЛУКАШУК Матвей Михайлович,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; lukaschuk.mat@yandex.ru

ВНЕСУДЕБНЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Статья посвящена анализу конфликтных ситуаций в трудовых коллективах и внесудебным способам разрешения трудовых споров.

Ключевые слова: внесудебные способы, разрешение трудовых конфликтов, трудовой коллектив, трудовой конфликт, медиация, метод принципиальных переговоров, конференция трудового коллектива.

Конфликтные ситуации в трудовом коллективе выступают в роли сигнала, который способен предупредить о существующих проблемах и противоречиях, конструктивное урегулирование которых способно улучшить как психологический климат в коллективе, так и работу организации в целом.

Устранение проблем в трудовой сфере зачастую ассоциируются с формальными, юридическими методами урегулирования противоречий, что не учитывает специфику коллектива и другие субъективные факторы. В данной статье затронуты как формальные, так и альтернативные способы разрешения конфликтов.

В.А. Толочек определяет «трудовой коллектив как группу людей, которые объединены одной трудовой и профессиональной деятельностью, местом работы или принадлежностью к одному предприятию, учреждению, организации. Трудовой коллектив может устанавливать собственные внутригрупповые нормы, ценности и определенную культуру» [1, с. 146]. Данное определение передает конфликтную природу трудового коллектива: каждый человек, приходя и находясь в трудовом коллективе, сталкивается с непривычными нормами и ценностями, которые могут противоречить нормам и ценностям личности. Здесь возникает внутрилличностный конфликт, который может вылиться в акт протеста, что создаст конфликтную ситуацию.

Таким образом, конфликтная ситуация в трудовом коллективе представляет собой объективное противоречие, сопровождающееся напряженностью, которое при игнорировании или неправильном регулировании приводит к конфликту.

Трудовой конфликт, по мнению Д.В. Лобок и Е.И. Макарова – вид социального конфликта, в основе которого лежат противоречия сферы трудовых отношений [2, с. 15]. К сфере трудовых отношений относится и трудовой коллектив, следовательно, конфликтные ситуации в трудовых коллективах являются частью трудовых

конфликтов. В трудовом коллективе необходимо своевременно решать трудовые споры, чтобы избежать судебного разбирательства.

А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов предложили следующие методы по разрешению конфликтных ситуаций в трудовых коллективах:

1. Одним из наиболее важных механизмов по разрешению конфликтных ситуаций в трудовых коллективах является заключение трудового договора, который исключит возможность возникновения подобных конфликтов в будущем путем включения спорных положений в договор.

2. Конфликтные ситуации в отношениях работодателя и работника могут рассматриваться комиссиями по трудовым спорам или народными судами.

3. Разрешению конфликтных ситуаций способствует работа советов и конференций трудовых коллективов, отдельных отраслей, регионов.

4. Принятие ведомственных и межведомственных конвенций между представителями государства в лице государственных органов, работодателями и представителями работников (профессиональными союзами) [3, с. 379-380].

Ученые перечислили формальные методы разрешения конфликтных ситуаций, что применимо далеко не ко всем конфликтным ситуациям, возникающим в трудовых коллективах.

Можно выделить следующие структурные методы разрешения конфликтных ситуаций в трудовых коллективах:

1. Разъяснение требований к работе. Данный метод в большинстве случаев подразумевает профилактику возникновения конфликтов. Работникам разъясняются требования, стандарты компании, конечные цели их деятельности, процедуры, правила действий, а также полномочия. Данный метод способен как урегулировать уже возникшее противоречие, так и предотвратить появление конфликтных ситуаций в будущем.

2. Координационные и интеграционные механизмы. Примером данного метода разрешения конфликтных ситуаций может служить установление иерархии полномочий: конфликтующие стороны могут обратиться к начальнику с целью урегулирования ситуации.

Не менее полезны и средства интеграции: если конфликт возник между отделами, создается определенная промежуточная служба, координирующая смежные для отделов вопросы.

3. Общезонационные комплексные цели. В пример можно привести компанию «McDonalds», которая с самого начала ставила общую для всех сотрудников цель – обслуживание людей с ограниченными средствами по всему миру. Данная «социальная миссия» является объединяющим началом для всех сотрудников, а поварам и официантам легче соблюдать жесткие стандарты компании во благо обществу.

4. Структура системы вознаграждений. Вознаграждения также можно использовать как метод управления конфликтными ситуаци-

ями. Например, премии, повышение, благодарность способны стимулировать сотрудников искать компромисс друг с другом и избегать дисфункциональных последствий, в результате которых они могут лишиться вознаграждения.

Р. Фишер и У. Юри предложили интересный метод принципиальных переговоров, который основан на следующих четырех критериях:

1. Люди. Необходимо разграничивать участников и предмет спора. Нельзя заикливаться на личности другой стороны, иначе переговоры зайдут в тупик. Участники должны прийти к пониманию необходимости работать с проблемой, а не друг с другом.

2. Интересы. Важно сосредоточиться не на позициях, а на интересах. Целью переговоров является не обозначение позиций сторон, а поиск взаимоприемлемого решения. За позицией могут скрываться истинные интересы сторон, что мешает достижению соглашения.

3. Варианты. Нужно рассматривать большое количество взаимоприемлемых вариантов, а не искать единственно верное решение. Поиск одного решения может завести переговоры в тупик. Важно найти время для поиска и анализа всех вариантов разрешения ситуации, а также смотреть на проблему под разными углами.

4. Критерии. Каждая из сторон должна настаивать на том, чтобы решение проблемы базировалось на каких-то объективных для обеих сторон критериях. Нежелание идти на уступки не является таким критерием, и сторона может заявить о том, что соглашение должно основываться на справедливости, а не на «железной» воли одной из сторон [4, с. 20-32].

Стоит отметить медиацию как метод разрешения конфликтных ситуаций в трудовых коллективах. Медиация является внесудебным методом урегулирования конфликтов и федеральным законом определяется как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [5].

Медиация строится на определенных принципах, которые закреплены в Федеральном Законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»:

1. Добровольность. Данный принцип характеризует медиацию как добровольный процесс. Если в ходе медиации выяснится, что одна из сторон присутствует на процедуре по принуждению, медиатор будет вынужден остановить процесс.

2. Конфиденциальность. Вся информация, которую получает медиатор в ходе процедуры, не может храниться и использоваться без согласия сторон. Также медиатор не имеет права передавать информацию, полученную на фокусе, другой стороне.

3. Сотрудничество. В ходе медиации стороны должны сотрудничать друг с другом, искать наиболее выгодный для обеих сторон

исход, а не заикливаться на собственных позициях. Принцип сотрудничества тождественен принципиальным переговорам, которые ставят в центр проблему, а не личность другой стороны.

4. Равноправие. Стороны в процессе медиации должны быть равны и не иметь привилегированного положения относительно друг друга. Каждая сторона имеет право быть услышанной, высказывать предложения и идеи.

5. Беспристрастность. Медиатор не должен симпатизировать и отдавать предпочтение ни одной из сторон. Если медиатор по каким-то причинам не может соблюдать данный принцип, он предлагает сторонам другого специалиста.

6. Независимость медиатора. Медиатор не должен быть зависимым ни от какой-то из сторон, ни от внешних факторов [5].

Таким образом, медиация представляет собой процесс урегулирования противоречия, который базируется на принципах сотрудничества, равноправия сторон, добровольности и конфиденциальности, с участием независимого, беспристрастного посредника.

Для эффективного регулирования конфликтов и конфликтных ситуаций необходимо использовать несколько методов одновременно. Например, метод принципиальных переговоров будет более результативным при участии посредника.

Методы разрешения трудовых споров можно разделить на две большие группы: формальные и неформальные. К формальным методам относятся обращение в суд, комиссии по трудовым спорам, а к неформальным – переговоры, посредничество, координационные и интеграционные механизмы и другие способы.

Список литературы:

1. Толочек, В.А. Психология труда / В.А. Толочек. – СПб.: Питер, 2019. – 480 с.

2. Макаров, Е.М. Трудовые конфликты: история, теория, методы мониторинга: учеб. Пособие / Е.М. Макаров, Д.В. Лобок. – СПб.: СПбГУП, 2014. – 220 с.

3. Анцупов, А.Я. Конфликтология: Учебник для вузов. 5-е издание, переработанное и дополненное / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – М.: Юнити, 2013. – 512 с.

4. Фишер, Р. Путь к согласию или переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. – М.: Наука, 1990. – 158 с.

5. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 26.07.2019 (дата обращения: 24.09.2020).

МАГОМЕДОВА Луиза Магомедовна,
*Санкт Петербургская юридическая академия,
магистрант; luiza96.2009@mail.ru*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

В статье проводится анализ наиболее типичных и спорных вопросов, возникающих при рассмотрении судами споров о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, гражданско-правовые способы защиты, возмещение морального вреда, возмещение репутационного вреда.

Пробельность правовых норм, регулирующих отношения по защите чести, достоинства и деловой репутации порождает проблему единообразного применения судами законодательства при разрешении соответствующей категории споров.

При разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации указанной категории дел судом должны быть установлены следующие юридические факты, причем именно в обозначенной последовательности:

- факт распространения ответчиком сведений об истце;
- факт умаления такими сведениями чести, достоинства и деловой репутации физического лица или деловой репутации юридического лица (сведения должны носить порочащий характер);
- факт несоответствия этих сведений действительности.

В свете вышеизложенного возникает ряд закономерных вопросов. Что считать распространением? Отметим, что в отечественном законодательстве правовое содержание понятия «распространение сведений» не раскрыто. Большинство исследователей под распространением понимает сообщение указанных выше сведений хотя бы одному постороннему лицу, независимо от того, получило ли эта информация дальнейшее распространение. Верховный Суд РФ в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [1] (далее – Постановление № 3) указывает, что под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях,

адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу.

Приведем пример. Л.Ф. Маклакова обратилась в суд с иском к В.П. Шелуханову о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда. В обоснование требований было указано, что 22 декабря 2015 года в Интернет-издании на информационном новостном портале KazanFirst.ru в статье «Экс-председатель правления ТСЖ «Азино-1»: «После того, что про меня тут написали, я сам принял решение уйти» В.П. Шелухановым были употреблены выражения, содержащие порочащие честь, достоинство и деловую репутацию истца.

«Какова причина ухода? Вы устали, Вам надоело или что-то другое?» – спросила журналист Юлия Яковлева у ответчика. «Мне надоело воевать с неадекватными 10-ю человеками. Если хотите, я их перечислю пофамильно: Кашапова, Маклакова, Тютюгина, Шестопалова, Филиппова и все. У половины справки из психбольницы. Остальные (жильцы) как раз довольны работой».

Как указал суд, в приведенной публикации ответчик осознанно распространил порочащую честь, достоинство и деловую репутацию истца, называя истца неадекватной. Высказывания ответчика в указанном Интернет-издании направлены для прочтения неопределенного круга лиц, являются осознанным распространением информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию истца. Действия ответчика, распространившего порочащие честь, достоинство и деловую репутацию сведения, причинили истцу моральный вред, выразившийся в нравственных страданиях, так как были распространены для достояния огромного количества граждан Российской Федерации, знающих истца как ответственного и справедливого человека защищающего права и свободы граждан в сфере ЖКХ (Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан. Дело № 33-17178/2016 [2]).

Далее в Постановлении № 3 специально оговаривается, что «сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам».

Так, например, В.С. Попов обратился в городской суд г. Лесного Свердловской области с исковым заявлением к М.В. Орлову о защите чести, достоинства, деловой репутации и возмещении морального вреда. В обоснование своих требований истец указал, что он являлся членом Региональной общественной организации «Лесной охотник и рыболов Свердловской области» (далее – РОО «ЛО и РСО»). В.С. Попов был исключен из РОО «ЛО и РСО». Причиной исключения В.С. Попова из РОО «ЛО и РСО» послужило Открытое письмо Председателю правления Общества охотников и рыболов г. Лесного, подписанное 23 членами общества, в том числе М.В. Орло-

вым По мнению В.С. Попова, сведения, содержащиеся в письме не соответствуют действительности, порочат его честь, достоинство и деловую репутацию, нарушают его личные неимущественные права, в связи с чем, ему нанесен моральный вред. В.С. Попов просил суд признать сведения, указанные в открытом письме, подписанном М.В. Орловым не соответствующими действительности; взыскать в пользу В.С. Попова моральный вред, причиненный в результате распространения М.В. Орловым сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Как было установлено судом, было написано обращение в адрес председателя правления РОО «ЛЮИРСО» от охотников – членов данной организации, подписанное коллективом (23 подписи). Данное письмо было передано одним из членов Общества председателю Общества Н.И. Яровенко.

Вместе с тем истец не представил суду достоверных, допустимых и достаточных доказательств того, что ответчик, как один из подписавших данное письмо занимался его распространением, путем передачи для ознакомления текста письма другим лицам, не членам, Общества, которым письмо не было адресовано. Данное обстоятельство является самостоятельным основанием для отказа в иске.

Кроме того, разрешая настоящий спор, учитывая пояснения ответчика и свидетеля относительно содержащихся в письме сведений, суд пришел к выводу, что изложенная в письме информация была доведена членами Общества до ее председателя с целью проведения проверки по указанным в письме обстоятельствам и принятию организационных мер, как полагали авторы письма к нарушителю Устава Общества охотников В.С. Попову, что в частности, явилось уже предметом судебной проверки. При этом сам по себе факт составления коллективного обращения не может являться самостоятельным способом распространения информации, а лишь свидетельствует о реализации законодательно предоставленного им права на коллективное обращение за защитой.

На основании изложенного в удовлетворении исковых требований было отказано (Решение городского суда г. Лесного Свердловской области. Дело № 2-1239/2016 [3]).

Способ распространения может выражаться в любой форме (устной, письменной, в анонимном заявлении, в служебной характеристике, в приказе или представлении должностного лица, в ответе на запросы и жалобы).

Важно отметить, что для определения понятия «распространение сведений» не имеет значения факт получения информации (сведений) лицами, которым она доносится. Ведь можно допустить, что статья газеты, содержащая какие-либо сведения, не была прочитана ни одним из читателей (подписчиков). Тем не менее, с правовой точки зрения, нельзя сказать, что сведения не были распространены. Таким образом, можно сделать вывод, что свойством, характеризую-

ющим распространение сведений, является лишь донесение информации до неопределенного круга лиц.

При этом существенным аспектом факта распространения сведений является их относимость к истцу или так называемая персонализация сведений. Следовательно, в распространенной информации любой человек может сразу и однозначно идентифицировать ее «героев». В данном случае особый интерес представляют случаи, когда распространенная информация носит обобщающий характер, а именно относится к группе лиц, одним из которых является истец. Из анализа судебной практики однозначно можно сделать вывод о том, что для возникновения основания иска о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо указание на конкретное лицо в оспариваемом тексте.

Распространение может происходить как в присутствии потерпевших, так и заочно, то есть в их отсутствии. В любом случае распространяемая информация должна восприниматься другим лицом или лицами как ложная, порочащая честь и достоинство потерпевшего либо подрывающая его репутацию.

В основе определения того, какие сведения порочат честь и достоинство лица либо подрывают его репутацию лежат два критерия:

а) критерий потерпевшего (личный критерий), который реализуется в момент обращения потерпевшего лица в суд;

б) судебный критерий (общественный критерий), которые реализуется в момент принятия судом решения.

Как правило, в судебной практике порочащими считаются сведения содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, незтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица (п. 7 Постановления № 3).

Заметим, что до разъяснений, данных в Постановлении № 3 (т.е. до 2005 г.) считалось, что, рассматривая дело о защите чести, достоинства и деловой репутации, суд должен установить наличие в распространенной информации отрицательных характеристик истца, утверждений о совершении им общественно порицаемого поступка. Соответственно установление данного факта влекло признание распространенных сведений порочащими, что, в свою очередь (в совокупности с другими обстоятельствами рассматриваемого дела) являлось основанием для удовлетворения исковых требований. Например, из обзора судебной практики рассмотрения судами Липецкой области гражданских дел о защите чести, достоинства, а также деловой репутации граждан и юридических лиц в 2002-2004 годах следу-

ет, что из 105 дел, по которым были вынесены решения, по 32 делам требования истцов удовлетворены (30,5%), т.е. практически по каждому третьему делу заявленные требования удовлетворялись [4].

В последние года российское правосудие по-иному стало относиться к рассматриваемой категории дел. Так, апелляционной инстанцией Верховного суда Республики Карелия за 2015 год рассмотрено 26 дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, из них три вступивших в законную силу судебных акта приняты в пользу истцов (11,5%), по остальным делам в удовлетворении заявленных требований отказано [5]. И отказ в удовлетворении исковых требований более всего обосновывается именно недоказанностью факта, что распространенные сведения являются порочащими.

Подобное изменение судебной практики связано не только с разъяснениями Постановления, но и с положениями Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12.02.2004 на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы [6], в соответствии с п.п. 3.4 которой «политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ, так и со сложившейся практикой Европейского суда по правам человека» [7, с. 10].

Поскольку Россия является участником Конвенции о защите прав человека и основных свобод [8], судам следует учитывать положения ее п. 10, в соответствии с которым каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Вместе с тем осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Положения данной нормы должны толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского суда, выраженной в его постановлениях.

Учитывая данную правоприменителям установку на возможность государственных должностных лиц быть подвергнутыми критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, суды национальной правовой системы отказывают в удовлетворении их исков, ссылаясь на «отсутствие негативных характеристик или сведений, указаний на противоправ-

ную деятельность» (Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.09.2013 № ВАС-13214/13 [9]), на то, что характер оспариваемых сведений «является не констатацией о событиях, а изложением предположений, мнений, оценок, взглядов» (Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 19.07.2013 № 33-2172/2013 [10]), на то, «что спор представляет собой конфликт между правом на свободу выражения мнения и защитой репутации» (Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 24.12.2013 № 33-4141/2013 [11]), что «целью высказываний ответчика являлось привлечение внимания жителей района к вопросу процедуры выборов главы районного совета и главы администрации района» (Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 04.10.2013 № 33-3169/2013 [12]).

Наконец, последним фактом, подлежащим установлению, является несоответствие распространенных порочащих сведений действительности. Следует обратить внимание на то, что несоответствие действительности фактов, фигурирующих в распространенной информации, презюмируется. И, следовательно, именно на ответчика возлагается обязанность доказывать обратное, т.е. что факты, содержащиеся в информации, имели место в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения.

Так, по делу, рассмотренному Петрозаводским городским судом Республики Карелия 24.12.2012, истцу Ш. было отказано в взыскании с ответчика компенсации морального вреда за распространение по телеканалу «Сампо ТВ» информации о задержании истца сотрудниками правоохранительных органов по подозрению в продаже наркотического вещества и о наличии у него судимости. Указанные в телерепортаже факты основывались на комментарии заместителя начальника отдела информации и общественных связей МВД по Республике Карелия и были подтверждены в судебном заседании сведениями об оперативно-розыскных мероприятиях, а также вступившим в законную силу приговором суда в отношении истца [13, с. 48].

Делая общий вывод о том, что складывающаяся по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации судебная практика, направленная на установление справедливого равновесия между различными конституционно защищаемыми ценностями, в целом ведет к снижению удовлетворяемых исков, нельзя не отметить, что в случаях, когда права гражданина (юридического лица) действительно нарушаются, суд встает на защиту его чести и доброго имени, о чем свидетельствуют судебные акты об удовлетворении заявленных исковых требований.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства

граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.

2. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан. Дело № 33-17178/2016 // URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-535279293> (дата обращения: 22.09.2020).

3. Решение городского суда г. Лесного Свердловской области. Дело № 2-1239/2016 // URL: <https://rospravosudie.com/court-gorodskoj-sud-g-lesnogo-sverdlovskaya-oblast-s/act-535290278> (дата обращения: 22.09.2020).

4. Центр защиты прав СМИ // URL: <http://mmdc.ru/publications/analitics/analit20> (дата обращения: 22.09.2020).

5. Верховный Суд Республики Карелия // URL: http://vs.kar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=3917 (дата обращения: 22.09.2020).

6. Декларация о свободе политической дискуссии в СМИ от 12.02.2004 // СПС «Гарант».

7. Переплеснина, Е.М. Тенденции развития судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Е.М. Переплеснина // Судья. – 2014. – № 4. – С. 8-11.

8. Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

9. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.09.2013 № ВАС-13214/13 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 19.07.2013 № 33-2172/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 24.12.2013 № 33-4141/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 04.10.2013 № 33-3169/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Барсукова, В.Н. Понятие и виды способов защиты чести и достоинства личности в Российской Федерации / В.Н. Барсукова // Российская юстиция. – 2019. – № 9. – С. 47-50.

МАКЕЕВА Елена Сергеевна,
Санкт Петербургская юридическая академия,
магистрант; tak27el@yandex.ru

ЗАЩИТА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ГРАЖДАНИНУ ОТ РОЖДЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы правового положения гражданина в случае посягательства на его нематериальные блага первостепенного характера, то есть данные ему от рождения.

Ключевые слова: *физические лица, правовое положение, нематериальные блага, правоспособность, правовая защита.*

Одним из фундаментальных составляющих основы не только отечественной, но и мировой гражданско-правовой системы является человеческое право жить, обеспечивать и быть обеспеченным условиями для поддержания здоровья, сохранить неприкосновенность и достоинство своей личности.

Данные права изначально выступают точкой отправления всей законодательно-правовой системы в целом. Законодатель объединил данные права гражданина, принадлежащие ему с момента его рождения и до момента смерти, и выделил в категорию нематериальных благ первого уровня.

Формирование цивилизованного общества невозможно без признания права на жизнь и здоровье высшей ценностью не только для каждого члена общества в отдельности, но и для государства в целом. Обеспечение защиты данной категории прав является обязанностью государства, а право на защиту рассматриваемых нематериальных благ является неотъемлемой, неотчуждаемой частью каждого человека, живущего в обществе.

Если государство и проживающее в нем общество не рассматривает права граждан на жизнь и здоровье как свою первостепенную составляющую, то функционирование данной государственной системы нерационально в силу того, что оно не справляется со своими основными обязанностями, а данное общество не может считаться цивилизованным.

На протяжении всего времени существования гражданского права именно право на обеспечение защиты жизни и здоровья личности регулярно подвергается угрозе. Гражданско-правовая защита со стороны государства, способная обеспечить сохранность основных жизненно необходимых прав человека, проявляется в специфике нарушенных гражданских прав [6, с. 62].

Так, в случае возникновения угрозы и нанесения вреда нематериальным благам первостепенного значения оно подлежат восстановлению в случае, когда это возможно и данный факт не зависит от

вины правонарушителя согласно ст. 150 ГК РФ. Также способы защиты не должны противоречить законодательству и нарушать или ограничивать права других граждан, а должны быть направлены на предупреждение их дальнейшего нарушения. Так, к примеру, при обеспечении защиты права на здоровье пострадавшего лица нельзя нарушать данные права и комплекс других прав самого правонарушителя.

Стоит отметить, что в первую очередь от самого гражданина зависит, воспользуется ли он своими правами и предусмотренными для этого способами защиты своих нематериальных благ. И тут возникает актуальный вопрос, какие именно способы защиты необходимы к применению и какие действия должны быть предприняты.

Возникновение в данной категории споров третьих лиц обосновывается осуществлением и защитой интересов лица в случае смерти его наследниками или уполномоченными лицами для отстаивания юридически значимых интересов умершего. Примером обеспечения такого рода защиты может служить нынешняя эпидемиологическая ситуация, сложившаяся как на территории Российского государства, так и распространившаяся по всему миру в связи с появлением нового неизученного инфекционного заболевания COVID-19.

Коронавирусная инфекция стала новым объектом медицинской проблематики, где как процесс диагностики заболевания, так и непосредственно способы лечения приходится выявлять в режиме «реального времени», подбирая методы терапии эмпирическим путем. Протоколы лечения пациентов поддаются регулярным изменениям, так как методы лечения не оправдывают себя, а лекарства могут непредсказуемо повлиять на процесс протекания болезни. В связи с этим увеличение числа исков в судебные органы от родственников погибших в результате несоответствующего лечения и не своевременного оказания медицинской помощи неизбежно.

А в ст. 208 ГК РФ обозначено, что на защиту нематериальных благ первостепенного значения не распространяется срок исковой давности кроме случаев, предусмотренных законодательством.

Наиболее значимые из неотчуждаемых и неотделимых от личности прав является право гражданина на жизнь. Это подтверждают такие международные правовые акты, как Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [2], провозгласившая ряд основных принципиальных положений о правах и свободах человека. Декларация прав и свобод человека и гражданина, утвержденная Верховным Советом РСФСР 22.11.1991 [3], указала основные направления развития института прав и свобод в отечественной правовой системе.

Конституция РФ также подтверждает важность и ценность человеческой жизни, закрепляя данный факт, тем самым возлагая на Российское государство бремя обязанностей по обеспечению сохранения и

защиты жизни и здоровья гражданина, а также предупреждение нарушений, способных повлечь за собой невосполнимые потери.

Еще в Римской Империи на правовой основе были закреплены обязательства, возникающие из деликтов. Римское право на законодательном уровне приравнивало нанесение личной обиды к факту нанесения вреда здоровью гражданину и посягательства на его неотъемлемое право. Данная проблема характерна и для нашего времени.

Отечественное законодательство не является совершенным органов власти, вследствие чего возникают основания для существования многочисленных пробелов и недочетов, выражающихся в несоответствии между теоретическим обоснованием и практическим применением этих обоснований.

Данное несоответствие наглядно прослеживается при рассмотрении вопросов, связанных с гражданскими внедоговорными обязательствами. Наиболее распространенным основанием для возникновения такого рода обязательств является нанесение вреда жизни и здоровью индивидуума [4, с. 24].

За всю историю существования гражданско-правовых отношений судебные решения нередко противоречили друг другу, а меры ответственности, назначаемые за причинение вреда жизни и здоровью, не всегда определялись исходя их соображений справедливости и разумности [5, с. 18].

Анализируя судебную практику последних лет, можно отметить, что в условиях развития обязательного медицинского страхования увеличился рост жалоб пациентов на качество оказываемых медицинских услуг. В судебные органы стали активно поступать иски о возмещении вреда, причиненного ненадлежащим и некачественным оказанием медицинской помощи. По статистическим данным Федерального фонда обязательного медицинского страхования ежегодно отмечается рост жалоб на отказ в оказании специализированной медицинской услуги либо на не надлежащее оказанную медицинскую помощь в размере примерно 1,5 миллиона заявок, около 320 из которых это врачебные ошибки [6, с. 14].

Актуальным на сегодняшний день является вопрос оказания обязательной медицинской помощи в условиях объявленного на территориях нашей страны карантина из-за новой вирусной инфекции. Хотя во многих регионах в настоящее время объявлен режим повышенной готовности, число жалоб от граждан в связи с не оказанием должной медицинской помощи только увеличивается. При обнаружении гражданином у себя симптомов нового вируса он обязан сообщить о данном факте в медицинское учреждение либо вызвать скорую медицинскую помощь, согласно Указу Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» [7] для подтверждения наличия у него заболевания. Но практика показыва-

ет, что сдача анализов и проведение дополнительного обследования не всегда представляется возможным в силу отказа в подобном медицинском обследовании со стороны медицинского учреждения.

Данные действия со стороны медицинских организаций считаются противоправными в силу несоблюдения обязанностей по охране здоровья как непосредственно самого гражданина, так и граждан, проживающих с предполагаемым заболевшим на одной территории с учетом особенности передачи данного вида инфекции. В данном случае родственники потерпевшего либо сам потерпевший вправе обратиться в суд с иском о нарушении его прав согласно ст. 150 ГК РФ, а также в вышестоящие инстанции с жалобой согласно Федеральному Закону от 26.12.2008 № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [8], что может спровоцировать внеплановую проверку данного медицинского учреждения.

В силу сложившегося на сегодняшний день положения законодатель пытается в сжатые сроки осуществить надлежащие меры по совершенствованию правового механизма, адаптируя их под нынешнюю эпидемиологическую ситуацию. Так, Постановлением Правительства РФ от 02.04.2020 № 417 «Об утверждении правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» [9] было решено ввести обязательное ношение средств индивидуальной защиты для предотвращения стремительного распространения болезни, а также на уровне регионов были вынесены постановления, регулирующие поведение людей в общественных местах и ограничивающие проведение массовых мероприятий.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим защиту нематериальных благ, связанных с обеспечением защиты жизни и здоровья, является Федеральный Закон от 21.11.2011 № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [10]. Данный закон содержит положения о конфиденциальности информации, составляющей медицинскую тайну, для обеспечения сохранения личной тайны, а также основные принципы охраны здоровья гражданина, в которых обозначено возложение ответственности за обеспечение охраны здоровья на органы государственной власти, органы местного самоуправления и должностные лица организаций, обеспечивающих данное право.

В общей сложности существующая проблема недостаточной разработанности вопросов, связанных с возмещением, предупреждением причинения вреда жизни и здоровью граждан и с фундаментальным исследованием данной категории вопросов, будет актуальна еще долгое время [11, с. 69].

При наличии достаточного количества правовых источников, раскрывающих ограничительные нормы и последствия причинения

вреда жизни и здоровью личности, остается нерешенным вопрос о создании единой концепции судебной практики по поводу решения споров о возмещении причиненного вреда жизни и здоровью гражданина, как о стабильно функционирующей отлаженной системе.

Список литературы:

1. Шевчук, Д.А. Гражданское право: учебный курс лекций для студентов юридических колледжей / Д.А. Шевчук. – М.: Эксмо, 2009. – 386 с.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.

3. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865

4. Сохарева, Е.В. Понятие обязательств, возникающих вследствие причинения вреда / Е.В. Сохарева // Актуальные проблемы гражданского и трудового права». – 2013. – № 1. – С. 23-28.

5. Емельянов, В.С. Правовой конфликт в системе исполнения наказаний / В.С. Емельянов // Вестник Владимирского юридического института. Выпуск 1. – М.: ВЮИ ФСИН, 2011. – 72 с.

6. Хлыстак, Е. Понятие обязательств вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств в современном российском гражданском праве / Е. Хлыстак // Юрист. – 2007. – № 8. – С. 12-16.

7. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 2082

8. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 13.07.2020) // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6249.

9. Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // СЗ РФ. – 2020. – № 15 (часть IV). – Ст. 2274.

10. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

11. Лысенко, Т.И. Необходимость введения нового основания возмещения вреда в кодифицированное законодательство: возмещение вреда при осуществлении медицинской деятельности / Т.И. Лысенко, А.И. Лысенко // Научные труды Казанского юридического института МВД России. – Казань, 2005. – С. 67-72.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

На основе анализа доктринальной и нормативно-правовой базы в статье рассмотрены проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка.

Ключевые слова: охрана жизни человека, убийство, новорожденный, квалификация, привилегированное убийство, смежный состав преступления.

Сложности в квалификации уголовно наказуемых деяний, как правило, обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, исследователи связывают проблемы квалификации преступления с разграничением квалифицируемого состава со смежными составами преступных посягательств.

Во-вторых, в периодической научной литературе неоднократно отмечалось, что верная квалификация осложняется наличием в составе преступного посягательства оценочных признаков.

Несмотря на наличие специального субъекта и объекта (а наличие специальных субъекта и объекта преступления, безусловно, снижает возможность ошибок в квалификации), в таком преступном посягательстве, как убийство матерью новорожденного ребенка (ответственность за которое регламентирована положениями ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], далее – УК РФ), детальное исследование позволяет выявить проблемы, с которыми неизбежно сталкивается правоприменитель в процессе квалификации рассматриваемого деяния.

К.В. Дядюн, на протяжении многих лет исследующий особенности и сложности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, выделяет основные проблемы следующим образом:

- отсутствие законодательного определения критерия новорожденности в целях верной квалификации убийства матерью новорожденного ребенка;

- поспешная неверная квалификация любого умерщвления младенца по ст. 106 УК РФ [4, с. 39].

Опуская глубокий анализ доктринальной базы, с такими выводами следует согласиться.

В отечественном уголовном праве не определен «период новорожденности». Причем не определен ни момент начала уголовно-правовой охраны жизни человека, ни момент окончания «новорожденности».

По общепринятому в педиатрии мнению, границы периода новорожденности определяются, с одной стороны, моментом перерезания пуповины, с другой – сроком в четыре недели (28 календарных дней) с момента перерезания пуповины. На протяжении последних пятнадцати лет в научной литературе формулируются предложения об уменьшении периода новорожденности до 24 календарных дней с учетом прогрессирующих акселерационных процессов [7, с. 4].

В акушерстве периодом новорожденности считается первая неделя жизни ребенка [2].

В судебной медицине период новорожденности считается оконченным по истечению первых суток после рождения ребенка [9, с. 6].

Юридическая научная литература предлагает множество подходов к определению длительности периода новорожденности ребенка, однако единого общепринятого подхода к решению данного вопроса на настоящий момент не выработано, что существенно осложняет правильную квалификацию убийства матерью новорожденного ребенка.

Отдельные авторы ставят длительность периода новорожденности в зависимости от признаков объективных признаков состава преступного посягательства, предлагая считать по общему правилу неонатальным периодом сутки, а в случае наличия психотравмирующей ситуации для субъекта преступления продлевать этот период до четырех календарных недель [6, с. 135]. Такой подход представляется недопустимым, поскольку период новорожденности (неонатальный период) не может зависеть от признаков объективной стороны преступления и определяется исключительно объективными факторами – медицинскими критериями и принципом гуманизма, обусловившим выделение рассматриваемого привилегированного состава преступления на законодательном уровне.

Отсутствие границ периода новорожденности, установленных на законодательном уровне, влечет и сложности в разграничении убийства матерью новорожденного со смежными составами преступления, равно как необоснованное возбуждение уголовного дела по ст. 106 УК РФ и необоснованное прекращение уголовных дел за отсутствием состава преступления.

Так, например, согласно сообщению СМИ, 14 июля 2020 года в лесополосе на территории деревни Мотяково городского округа Люберцы был найден скелет младенца, в связи с чем следствие возбудило уголовное дело по статье 106 УК РФ. Тело пролежало в лесном массиве около года, а приблизительный возраст ребенка составляет 6-7 месяцев [8]. Как говорится в релизе пресс-службы Главного следственного управления СК РФ по Московской области, на теле ребенка был обнаружен медицинский зажим. В данный момент по этому уголовному делу ведутся необходимые следственные дей-

ствия и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление личности и местонахождения матери младенца.

С целью установления давности и причины смерти ребенка назначена судебно-медицинская экспертиза [3]. Однако вызывает недоумение возбуждение уголовного дела именно по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, поскольку по предварительной информации возраст ребенка составил «6-7 месяцев», что явно не соответствует периоду новорожденности, даже с учетом отсутствия границ такого периода, закрепленных на законодательном уровне.

Таким образом, первая проблема квалификации убийства матерью новорожденного тесно взаимосвязана со второй – разграничением со смежными составами преступления. Как было указано выше, вторая проблема дифференцируется в зависимости от последствий неправильной квалификации и влечет такие последствия как неправильную квалификацию деяния, необоснованное возбуждение уголовного дела по ст. 106 УК РФ и необоснованное прекращение уголовного дела в связи с неправильной квалификацией.

Примеры таких последствий приводит К.В. Дядюн. Он отмечает, что на практике абсолютно идентичные действия женщин, направленные на умерщвление новорожденного ребенка, квалифицируются и по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и по ст. 106 УК РФ. Кроме того, отсутствие состава преступления, предусмотренного нормами ст. 106 УК РФ, влечет прекращение уголовного дела по ст. 106 УК РФ (и в случае, когда изначальная квалификация была неверной, такое прекращение является необоснованным) [4, с. 39-48].

Кроме того, в правоприменительной деятельности вне зависимости от признаков объективной стороны, как убийство матерью новорожденного ребенка, изначально квалифицируется любое умышленное умерщвление новорожденного матерью. Более того, нахождение тела новорожденного ребенка также влечет возбуждение уголовного дела по рассматриваемой статье, что подтверждается вышеприведенным примером возбуждения уголовного дела по ст. 106 УК РФ.

Проведенное исследование позволяет сгруппировать проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка:

- отсутствие законодательного определения критерия новорожденности в целях верной квалификации убийства матерью новорожденного ребенка;
- наличие оценочного критерия «в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» в диспозиции ст. 106 УК РФ;
- поспешная неверная квалификация любого умерщвления младенца по ст. 106 УК РФ.

Безусловно, устранение проблем квалификации посредством выработки и претворения в жизнь предложений по совершенствованию законодательного регулирования уголовно-правовой ответ-

ственности за убийство матерью новорожденного ребенка (в частности, диспозиции ст. 106 УК РФ) представляет собой одно из самых востребованных направлений актуализации отечественного уголовного законодательства.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

2. Айламазян, Э.К. Акушерство. Национальное руководство / Э.К. Айламазян, В.Н. Серов, Г.М. Савельева. – М.: ГОЭТАР-Медиа, 2019. – 608 с.

3. В Люберецком городском округе возбуждено уголовное дело по факту обнаружения тела новорожденного ребенка. Главное Следственное Управление Следственного комитета Российской Федерации по Московской области // URL: <https://mosobl.sledcom.ru/news/item/1373332/> (дата обращения: 18.09.2020).

4. Дядюн, К.В. Проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / К.В. Дядюн // Адвокат. – 2016. – № 5. – С. 39-48.

5. Кабанова, И.В. Детоубийство: криминологический анализ / И.В. Кабанова // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сборник материалов международной научно-практической конференции, 17-18 мая 2007 г. – Хабаровск: Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД РФ, 2007. – С. 133-135.

6. Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / А.Н. Красиков. – Саратов: Полиграфист, 1996. – 211 с.

7. Сергеева, К.М. Физиология и патология периода новорожденности. Пособие для студентов старших курсов и врачей общей практики / К.М. Сергеева, Н.Н. Смирнова, А.П. Суровцева. – СПб.: Издательство СПбГМУ, 2008 – 22 с.

8. Скелет новорожденного ребенка нашли в лесополосе Люберец. 16.09.2020 // URL: <https://lubertsyriamo.ru/article/295861/skeleton-povorozhdenno-rebenka-nashli-v-lesopolose-lyuberets.xl> (дата обращения: 17.09.2020).

9. Шопен, И.В. Судебно-медицинская экспертиза плодов и новорожденных. Учебно-методические рекомендации для студентов педиатрического факультета, врачей-интернов, врачей ординаторов / И.В. Шопен, А.В. Безбородов. – Ставрополь: Издательство СтГМА. – 44 с.

МАРТЫНЮК Дарья Андреевна,
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
аспирант; Darya.a.martynyuk@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается проблемный аспект привлечения к административной ответственности государственных гражданских служащих в Российской Федерации.

Ключевые слова: административная ответственность, государственные служащие, должностное лицо, государственная гражданская служба.

Исследование основных проблем, существующих в рамках привлечения к административной ответственности государственных гражданских служащих, является сегодня очень актуальной задачей. В целом вопрос привлечения к административной ответственности является сложным и многогранным, именно поэтому до сих пор нет единого мнения по некоторым аспектам этой концепции. Административная ответственность государственных гражданских служащих сегодня является одним из элементов правового статуса работника, способствующим повышению качества государственной гражданской службы, исключению лиц, использующих служебное положение в корыстных целях, повышению уровня профессионализма работников. Она защищает права и свободы граждан и организаций, права, свободы и законные интересы которых нарушаются в случае совершения противоправного деяния государственным гражданским служащим. Согласно статье 10 Федерального закона № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», государственный служащий – это гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, оплату) за счет средств федерального бюджета. Понятие «правовой статус» государственных служащих включает фундаментальные институциональные характеристики правового статуса государственных служащих, которые определяют их место на государственной службе [1]. Основным источником привлечения данного лица к административной ответственности является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, в котором общая и особенная части положений регулируют порядок применения санкций к официальному лицу, находящемуся на государственной гражданской службе. Государственный служащий является особым субъектом административного правонарушения, это связано с тем, что к ряду противоправных

деяний, указанных в Особенной части Кодекса об административных правонарушениях, должностное лицо может быть привлечено только в том случае, если это деяние затрагивает интересы государственной службы в связи с исполнением им своих должностных полномочий [2]. При этом он может выступать в качестве общего субъекта при совершении им административного правонарушения независимо от должности государственного гражданского служащего.

Особенности административной ответственности:

1. Административную ответственность могут устанавливать не только органы законодательной власти, но в пределах своей компетенции государственные органы всех ветвей власти.

2. Если наложение дисциплинарных взысканий осуществляется в порядке служебной подчиненности, то наложение административных наказаний производится должностными лицами исполнительной власти, назначаемых Президентом РФ, и в некоторых случаях судами (судьями).

3. Административная ответственность по сравнению с дисциплинарной в большей мере заформализована, она наступает, как правило, независимо от того, есть ли непосредственные отрицательные последствия от данного нарушения или нет (достаточно самого факта нарушения).

4. В отличие от дисциплинарной, административная ответственность распространяется не только на граждан и должностных лиц, но и на предприятия, организации, учреждения (например, в случаях экологических правонарушений).

5. Административная ответственность отличается от дисциплинарной и мерами воздействия. Все меры административного принуждения обычно делятся на три группы: административно-предупредительные; меры административного пресечения; административные взыскания [3, с. 172-173].

Основанием для привлечения к административной ответственности в общем смысле для любой категории лиц является факт совершения административного правонарушения, который выражается в деянии-действии или бездействии. Статья 2.4 КоАП РФ гласит, что должностное лицо подлежит административной ответственности в случае совершения административного правонарушения в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих обязанностей. Для изучения всех возможных оснований привлечения государственного служащего к административной ответственности мы рассмотрим более подробно различные составы. Специфическая функция КоАП состоит в том, чтобы обеспечивать защиту прав, которые в той или иной степени связаны с управленческими, то есть административными действиями и решениями. За действия, связанные с реализацией управленческих решений чаще всего, несут ответственность два субъекта: юридическое и должностное лицо. К примеру, административное правонарушение, где специальным

субъектом правонарушения являются государственные гражданские служащие. Так, количество административных правонарушений государственных гражданских служащих в действующей редакции КоАП РФ закреплены в следующих статьях: статья 9.22, статья 13.25, статья 14.24, статья 14.25, 14.55, 15.17-15.22 и т.д. Наряду с развитием самих отношений государственной службы не следует забывать и о проверенных временем способах применения мер ответственности, которые непосредственно не входят в Институт государственной службы. Прежде всего речь идет о мерах административной ответственности. Более того, в последнее время расширяется сфера административной ответственности субъектов данных. Например, в 2011 году были внесены поправки в статью 5.59 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, а затем в 2013 году. Граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам. Недавно в КоАП были введены новые статьи об административной ответственности должностных лиц, например, статья 5.63 (нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг), статья 5.39 (отказ в предоставлении информации).

Таким образом, законодатель расширяет перечень случаев, когда за нарушение сотрудником своих обязанностей применяются административные санкции. Иными словами, проступок переводится в разряд административных правонарушений. Поскольку основанием для привлечения должностного лица к административной ответственности является нарушение им своих служебных обязанностей, следует отметить, что обязанности, возложенные на должностное лицо, должны быть достаточно четко сформулированы в соответствующем акте, которым они возложены на лицо или соответствующую организацию, в которой должностное лицо находится на службе. Это способствовало бы правильному применению на практике норм, содержащих составы должностных административных правонарушений, исключало бы субъективизм в оценке поведения должностных лиц. В то же время необходимо сказать, что государственный гражданский служащий может совершить административное правонарушение при совершении деяния, не связанного с осуществлением должностных полномочий. При привлечении этого лица к административной ответственности в данном случае государственный служащий не будет иметь статуса специального субъекта. Здесь уже речь идет об обычной административной ответственности граждан – физических лиц. С учетом того, что законодательством

предусмотрен обширный перечень оснований для привлечения к административной ответственности государственных служащих, это явление в юридической практике встречается крайне редко по сравнению, например, с дисциплинарными санкциями. По словам В. В. Кизилова, «административная ответственность за административные правонарушения, совершенные государственными служащими, наступает в редких избирательных случаях, поскольку отсутствует вневедомственный механизм осуществления такой ответственности». Мерами правового воздействия на этих лиц может быть предупреждение, штраф и дисквалификация. Выбор санкции зависит от того, как сотрудник правоохранительных органов оценивает противоправность деяния, совершенного государственным гражданским служащим [4, с. 162-169].

Из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 6 февраля 2004 года № 26-О следует, что установленный особый порядок производства в отношении отдельных категорий лиц, в том числе должностных лиц (представителей) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, имеет целью обеспечение свободного исполнения указанными лицами своих профессиональных или иных обязанностей, их самостоятельности и независимости, а также исключение попыток необоснованного преследования; повышенные гарантии неприкосновенности этих лиц обусловлены их особым правовым статусом и являются важным условием защиты публичных интересов, связанных с характером их обязанностей, а также самостоятельности и независимости, исключения попыток необоснованного судебного преследования. Повышенные гарантии неприкосновенности этих лиц обусловлены их особым правовым статусом и являются важным условием защиты публичных интересов, связанных с характером их обязанностей. Административная ответственность государственных служащих может наступить за проступок административного характера.

В настоящее время понятие «государственная гражданская служба» используется в двух смыслах: во-первых, для обозначения объективного процесса регулирования (упорядочения) административной (аппаратной) деятельности государства, во-вторых, для выделения науки и дисциплины об этом процессе. Государственная (гражданская) служба как вид профессиональной деятельности возможна и реально происходит только в системе государственного управления, которая использует не только политические, правовые, но и моральные (нравственные) регуляторы. В частности, моральные нормы широко используются на государственной службе. Исходя из этого, вполне можно утверждать, что в государственной гражданской службе, как и в любой другой человеческой деятельности, регуляторами взаимоотношений и поведения выступают право и мораль, которые находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Так, общепризнанные нравственные критерии оценки пове-

дения служащих во многом определяют содержание правовых норм, регулирующих правоотношения в этой сфере [5, с. 152-158].

Пока не будет оформлена административная ответственность, не может быть выработан соответствующий механизм привлечения должностных лиц к ответственности в течение такого же длительного времени. Речь идет как о несовершенстве административного судопроизводства, так и о практическом применении существующих процессуальных норм. Из статьи 5.59 явно следует, что нарушение ответственным должностным лицом любого из положений действующего законодательства, регулирующего порядок рассмотрения отдельных обращений граждан, а также принятие решения по ним, образует объективную сторону указанного правонарушения. Нарушение порядка, установленного, например, для рассмотрения заявления о совершении административного правонарушения или уголовного правонарушения. Представляется правильным распространить вышеуказанную административную ответственность на такие обращения граждан, поскольку, несмотря на закрепление в законе порядка и возможности обжалования незаконных решений и действий (бездействия) ответственных должностных лиц, само административное наказание за те же правонарушения служит иной цели и направлено в первую очередь на предупреждение таких нарушений под угрозой привлечения к административной ответственности с наложением значительных финансовых санкций, при этом возможность обжалования решений и действий (бездействия) необходима прежде всего для защиты уже нарушенных прав граждан. Позднее появилась статья 5.63 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части административной ответственности за специальные кадры – нарушение законодательства об организации оказания государственных и муниципальных услуг.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных статьями в действующей редакции, дифференцируется по тяжести последствий, а также по субъектному составу. В общем, это нарушение сроков предоставления государственной или муниципальной услуги, в том числе и ее не предоставление, требование должностного лица не предусмотренных нормативными правовыми актами документов или платы (ч. 2). Нарушение порядка и сроков рассмотрения жалоб на нарушение порядка предоставления государственной или муниципальной услуги (ч. 3) [6].

В КоАП РФ (ч. 4 и 5 ст. 5.63) предусмотрена ответственность за повторение правонарушения, причем наказание может быть ужесточено как в части штрафа, так и в его виде (допускается даже дисквалификация должностного лица). Целесообразность наложения штрафа в качестве наказания на органы власти также вызывает сомнения. Штраф как мера ответственности выступает способом денежного удовлетворения публично-правовых интересов. Однако ч. 5 ст. 3.5 КоАП РФ, ст. 46 Налогового кодекса РФ говорит о том, что сумма административного штрафа подлежит перечислению в пол-

ном объеме в федеральный бюджет и (или) бюджета субъекта Российской Федерации, и (или) бюджеты городских округов и муниципальных районов, городов федерального значения в соответствии с законодательством Российской Федерации. Следовательно, возможно, что штраф будет зачислен в тот же бюджет, из которого финансируется деятельность органа, и согласно принципу целевого расходования бюджетных средств из того же бюджета, и средства будут выделены на уплату этого штрафа. Следует отметить, что КоАП РФ содержит ряд статей, согласно которым ответственность должна быть возложена непосредственно на лицо, которое в результате исполнения или неисполнения служебных обязанностей явилось правонарушителем, либо на орган власти.

Таким образом, в соответствии со ст. 5.59 КоАП РФ нарушение установленного законодательством Российской Федерации порядка рассмотрения обращений граждан должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления влечет наложение административного штрафа на должностное лицо в размере от 5 тыс. до 10 тыс. рублей. 5.63 КоАП РФ за нарушения закона должностным лицом федерального органа исполнительной власти или органа государственного внебюджетного фонда РФ, работником многофункционального центра, работником иной организации, осуществляющей функции многофункционального центра в соответствии с законодательством Российской Федерации или работником государственного учреждения предусматривает наложение административного штрафа на указанных должностных лиц и работников. Представляется, что данная тенденция должна последовательно реализовываться в КоАП РФ. Из числа субъектов административной ответственности должны быть исключены органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также усилена персональная ответственность должностных лиц и работников этих органов. На данный момент проблемы практического применения этих норм сводятся не столько к сложности соответствующих квалификаций, сколько к процедурным аспектам. В соответствии с частью 1 статьи 28.4 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.39, 5.59 и 5.63 кодекса, возбуждаются прокурором.

Другим должностным лицам КоАП РФ не предоставляет право возбуждать дела по этим статьям. Как следует из пункта 3 части 1 статьи 28.1 КоАП РФ, поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении дела об административном правонарушении может быть сообщение или заявление физических или юридических лиц. В части 1 статьи 45 Конституции Российской Федерации каждому человеку и гражданину гарантируется государственная защита прав и свобод. Это предполагает, с одной стороны, признание государством на самом высоком уровне обязанности государства по защите прав и свобод граждан, с другой – наличие соответствующих прав человека и гражданина требовать от него в лице его

органов, должностных лиц выполнять свои обязанности. Привлечение к административной ответственности органов государственной власти или органов местного самоуправления наравне с другими юридическими лицами и за те же нарушения не является оправданным [7].

Более того, вред, наносимый этой нормой общественным отношениям, очевиден: авторитет государственной власти снижается. Производят негативное впечатление и случаи, когда один орган несет ответственность перед другим за неисполнение приказа, требования, ненормативных актов, вытекающих из привлечения к ответственности органа власти, или случаи, когда правонарушение заключается в неисполнении обязанностей, непосредственно возложенных законом на обвиняемый орган.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что административная ответственность должностных лиц, чьи противоправные действия (бездействие) ущемляют охраняемые государством общественные интересы, является обоснованной. Но сейчас в России назрела острая необходимость законодательного закрепления персонафицированных мер административного взыскания в отношении государственного служащего, нарушающего права граждан.

Недостаточная информированность граждан о фактах привлечения к ответственности руководителей, поскольку ее ведомственный характер, не только подрывает авторитет власти, но и негативно влияет на умы людей, создавая тем самым недоверие ко всем институтам гражданского общества. Основными проблемами совершенствования механизма ответственности являются два вопроса: отсутствие единого определения должностного лица в административном законодательстве и «размывание» норм об административной ответственности из КоАП в другие нормативные акты. Решение может заключаться в принятии нового Кодекса об административных правонарушениях, который бы четко устанавливал общие принципы применения административной ответственности на территории Российской Федерации. Разработанная Правительством программа реформирования системы государственной гражданской службы позволит на наш взгляд исправить также существующее положение в отношении граждан, поступающих на должности гражданской службы и привести систему государственной гражданской службы к отдельно взятому механизму, слаженно работающему и приносящему пользу на нише государственного управления и законотворческой деятельности.

Список литературы:

1. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 58 (27 мая).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020) // СЗ РФ. – 2001. – № 195.
3. Граждан, В.Д. Государственная гражданская служба / В.Д. Граждан // Юриспруденция. – 2007. – С. 96-97.
4. Кизилов, В.В. Фикция административной ответственности государственных служащих / В.В. Кизилов // Теория и практика административного права и процесса. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2008. – С. 162-169.
5. Ноздрачев, А.Ф. Государственная служба: Учебник для подготовки государственных служащих / А.Ф. Ноздрачев // Юриспруденция. – 1999. – С. 152-158.
6. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 58 (27 мая).
7. О Федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003-2005 годы)»: указ Президента Российской Федерации от 19.11.2002 N 1336 // СЗ РФ. – 2002. – № 1336.

МАХСУДОВА Альфия Алисултановна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; alfiya-rasulova@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕРЕНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье проанализированы критерии латентности, определено понятие латентной преступности, уточнены виды латентной преступности, предложены некоторые новые методы их исследования, а также рассмотрены причины латентной преступности и указаны основные направления профилактического воздействия на них.

Ключевые слова: *аспекты, латентная преступность, методы измерения, прогнозирование, методология, криминологическое исследование.*

Важнейшей проблемой изучения латентной преступности является разработка методов ее измерения. Именно установление фактических размеров латентной преступности является одной из основных задач криминологии в изучении и понимании преступности.

Однако не все криминологи разделяют представленную позицию. Так, М.П. Клейменов пишет, что «факт наличия латентной преступности не может, тем не менее, сколько-нибудь существенно исказить наше представление о ней, и что для прогнозирования «движения преступности» достаточно использовать данные о регистрируемой преступности, которые вполне обеспечивают возможность разработки прогнозов тенденций и закономерностей изучаемого явления, в том числе путем использования выборочного метода статистики» [1, с. 276].

Тем не менее, это мнение поддерживают не все ученые. Так, например, В.В. Панкратов, высказывая сомнения в том, что зарегистрированную преступность можно брать в качестве репрезентативной выборки, отмечает, что в силу значительной доли латентности отдельных преступлений могут быть не учтены некоторые важные признаки, характеризующие их содержательную сторону.

Применительно к познавательной деятельности в научном обороте чаще всего употребляются слова: методология, метод, методика. При этом методы традиционно понимаются как совокупность приемов и операций теоретического и практического освоения действительности.

Методология как система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе, – это система социально апробированных правил и нормативов познания и действия, которые соотносятся со свойствами и законами действительности. В отличие от метода, яв-

ляющегося способом построения и обоснования знания, методология – это рефлексия над методом, наука о методе, своеобразная метатеория, формулирующая наиболее общие принципы познавательного процесса.

Если метод в основном носит частнонаучный, специально-научный характер, то методология стремится к наиболее универсальному, всеобщему, междисциплинарному. Методика – это совокупность конкретных технических приемов и способов наиболее целесообразного проведения тех или иных действий, в том числе и научного исследования [2, с. 311].

Применяемый метод никогда не является произвольным, он определяется характером задачи (предмета) научной или практической деятельности, исследуемым объектом.

В криминологических исследованиях широко применяются специальные методы: статистические, опросные, экспертные, математические, моделирования, метод криминологического прогнозирования, и т.п. Каждый из них имеет свое функциональное назначение для исследования определенного вида объектов или их частей.

Данные методы в различных вариациях находят применение и при измерении скрытых явлений, в том числе и латентной преступности. Прежде чем рассматривать конкретные методы и методики измерения латентной преступности, целесообразно проанализировать методологические основы данной деятельности.

Понятие измерения неоднозначно определяется в научной литературе. В Новейшем философском словаре оно обозначено как «процедура присвоения рубрикационных символов наблюдаемым объектам в соответствии с некоторыми правилами. Целью измерения является получение формальной модели, исследование которой может в определенном смысле заменить исследование самого объекта. В Социологическом словаре дается такое значение: «определение соотношения количественной величины с однородной ее величиной, принимаемой за единицу меры. Результат измерения выражается числом, показывающим, сколько раз выбранная единица содержится в измеряемой величине».

В.А. Штофф указывает, что измерение относится к числу количественных методов, цель которых состоит в том, чтобы наиболее полно отобразить в научном знании объективные количественные отношения, выраженные в числе и величине. К. Берка отмечает, что «с методологической точки зрения измерение есть эмпирико-математический метод, включающий в себя на равных началах две компоненты: эмпирико-операциональную и концептуально-математическую (каждая из них теоретически обосновывается на разных уровнях общности)» [3, с. 560].

Очевидно, что в каждом из представленных определений имеется свое рациональное зерно, освещается одна из сторон рассматриваемого метода. При этом представляется неприемлемым ограничивать содержание измерения лишь совокупностью математических

процедур и правил. Указанный метод имеет свою эмпирическую основу, обусловленную особенностями исследуемого объекта. Как пишет В.А. Ядов, «проблема первичного измерения лишь частично математическая. Чтобы по определенным правилам приписать числа свойствам социального объекта, надо обстоятельно уяснить их содержательную структуру и найти соответствие между нею и инструментом измерения, то есть это задачи качественно-количественного анализа».

В научном методе, как историческом результате познавательной деятельности, должны быть отражены существенные связи и отношения объективной реальности. Следовательно, соблюдение требований метода, выражающихся в определенной созданной субъектом системе правил оперирования с объектом, обеспечивает эффективные результаты как в научно-теоретической, так и в практической деятельности.

В связи с этим целесообразно проанализировать методы измерения теневых явлений. Особенности методов измерения данных явлений обуславливаются их сокрытием от учета, контроля, регистрации [4, с. 281].

Множество методов, предлагаемых наукой для осуществления целенаправленной и максимально эффективной деятельности, в том числе и для развития собственно научных исследований (теоретического познания), предполагает их упорядоченность, субординацию и координацию, систематичность в науке и, соответственно, в практическом познании [5, с. 76].

Поэтому представляется необходимым методы измерения теневых явлений классифицировать.

В зависимости от объема исследуемого объекта методы установления скрытых явлений можно выделять на макроуровне (уровне массового явления в целом) и на микроуровне (уровне видов изучаемого объекта либо единичного видового объекта).

Указанные методы подразделяются на прямые и косвенные. Прямые методы применяются при непосредственном установлении размеров теневого явления. В их состав входят методы опроса, проверки документов и др. Так, например, установление параметров теневой экономики посредством использования данного метода предполагает применение информации специальных обследований, опросов, проверок и их анализа для выявления расхождений между доходами и расходами отдельных групп налогоплательщиков, а также для характеристики отдельных аспектов теневой деятельности или для ее оценки по определенной группе экономических единиц.

Косвенные методы, основанные на измерении некой величины, связанной с измеряемой величиной заранее известным отношением, позволяют устанавливать состояние скрытого явления посредством определения и диагностики его основных параметров. К ним относятся метод моделирования, структурного анализа и др. Эти

методы широко применяются при невозможности непосредственной прямой фиксации исследуемых параметров.

Как показывают результаты расчетов параметров теневой экономики, прямые методы дают, как правило, заниженную оценку теневой экономики; косвенные методы, методы скрытых переменных, мягкого моделирования, структурный метод – завышенную [6, с. 152]. В связи с этим наиболее объективная оценка скрытых явлений возможна при комплексном использовании различных методов.

Диалектика становления методологического направления научных исследований в криминологической науке требует изучать всякое явление в исторической связи. Это требование должно реализовываться в так называемых историко-генетических методах анализа. При этом важно проследить, как это явление возникло, какие главные этапы в своем развитии прошла история измерения латентной преступности, чем стала криминологическая методология теперь.

Такой анализ позволяет видеть основные направления криминологической методологии измерения латентной преступности и прогнозировать ее будущее состояние [7, с. 132].

Используя основные законы диалектики, российские криминологи подошли к изучению латентной преступности, применив метод системно-структурного анализа при измерении латентной преступности. В частности, данное явление рассматривалось посредством рассмотрения структуры зарегистрированной преступности, имеющей свои закономерности, установленные в процессе криминологических исследований, сравнительного анализа изменений, происходящих в обществе и структуре зарегистрированной преступности [8, с. 302].

В современный период исследование скрытых явлений вышло на качественно иной уровень. Во-первых, расширились объекты изучения, более подробному и комплексному исследованию подверглась латентная преступность и ее виды, предметом изучения стала латентность отдельных видов преступлений, особую актуальность приобрело установление параметров теневой экономики. Во-вторых, были разработаны методы изучения существующей реальности: математические, экономические, а также усовершенствованы ранее применяемые. На этой основе были модернизированы и созданы новые косвенные методы установления латентной преступности [9, с. 252].

Список литературы:

1. Клейменов, М.П. Прогнозирование латентной преступности / М.П. Клейменов // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: Сборник материалов международного семинара. – М.: ВНИИ МВД РФ, 2017. – С. 276-278.
2. Кожевников, И.Н. Борьба с латентностью: возможности судопроизводства / И.Н. Кожевников // Латентная преступность: по-

знание, политика, стратегия: Сборник материалов международного семинара. – М.: ВНИИ МВД РФ, 2017. – С. 311-314.

3. Берка, К. Латентные функции социальных институтов. // Американская социологическая мысль / К. Берка; под ред. В.И. Добренко. – М.: Издание Международного института Бизнеса и управления, – 2015. – 260 с.

4. Рузавин, Г.И. Методология научного исследования / Г.И. Рузавин. – М., 2015. – 281 с.

5. Сборник материалов международного семинара // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М.: ВНИИ МВД РФ, 2015. – 82 с.

6. Статистика жертв преступлений в США // Борьба с преступностью за рубежом. – 2017. – № 5. – 169 с.

7. Шляпочников, А.С. Выявление латентной преступности / А.С. Шляпочников, Г.И. Забрянский // Советское государство и право. – 2016. – № 5. – 175 с.

8. Шнайдер, Г.Й. Криминология / Г.Й. Шнайдер. – М.: Прогресс- Универс, 2018. – 502 с.

9. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования / В.А. Ядов. – М., 2016. – 306 с.

МИХАЛЕВА Александра Владимировна,
*Санкт Петербургская юридическая академия,
магистрант; alex.mihaleva@yandex.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ТОРГОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются этапы закупочной деятельности, нормативно-правовое регулирование споров в сфере электронных торгов, а также основные проблемы и возможные пути их решения.

Ключевые слова: закон, закупка, электронные торги, тендер, заказчик, поставщик, контракт.

На сегодняшний день вопрос участия в электронных торгах особенно остро возникает при размещении государственного или коммерческого заказа. Для эффективной работы предприятия необходимо определить потребности, затем сформировать на этой основе заказы, разместить их, а далее установить договорные отношения и исполнить принятые обязательства. Все эти этапы сопровождаются не только экономическими вопросами, но и возникает достаточно большое количество правовых вопросов, которые необходимо знать специалистам тендерных отделов.

В настоящее время сферу закупок регулируют Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ [1] (далее – Закон о контрактной системе), Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ [2], а также ГК РФ. Но, порой, и они не дают однозначного ответа на сложившуюся ситуацию.

В связи с тем, что система электронных закупок – один из самых часто применяемых инструментов для функционирования предприятия, возникает ряд проблем, которые препятствуют эффективной работе предприятия.

Рассмотрим перечень проблем системы электронных торгов и возможные пути их решения.

1. Проблема недостаточной квалификации сотрудников тендерного отдела как заказчика, так и поставщика.

Неквалифицированные сотрудники не знают особенностей правовой стороны механизма закупок, что сказывается не только на исполнении или неисполнении заказа, но и на деловой репутации организации [3, с. 127].

В качестве решения данной проблемы можно предложить законодательно закрепить необходимость прохождения сотрудниками профессионального обучения или прохождения курсов повышения

квалификации в сфере закупочной деятельности. При этом следует понимать, что важно не просто научить шаблонно проводить закупочные процедуры, но и знать юридические аспекты той или иной сделки, правила заключения договора и соблюдение зеркальной ответственности обеих сторон.

2. Проблемы в корректном составлении конкурсной документации. В этом случае если не знать тонкостей заказа, можно получить совершенно не то, что требовалось организации. Зачастую это приводит к неудовлетворению потребности организации-заказчика, трате времени и материальных средств.

В данном случае решением может послужить либо привлечение профессионалов в области применения закупаемого товара, либо составление корректного перечня параметров, отражающих основные важные характеристики требуемого товара или услуги. На данный момент законодательно этот вопрос регулируется ст. 33 «Правила описания объекта закупки» Закона о контрактной системе, но не все субъекты системы закупок следуют данной правовой норме. В связи с этим можно принять меры по ограничению доступа публикации закупочной процедуры без технического задания или с некорректным техническим заданием.

Проблема отсутствия у предпринимателей возможности защитить свои права при исполнении контракта. Как правило, поставщики и заказчики обращаются в суд для рассмотрения споров тогда, когда уже испробованы все возможные способы урегулирования в досудебном порядке. К таким случаям можно отнести претензионный порядок по неустойке; запрет на членство в комиссиях по осуществлению закупок (ст. 39 Закона о контрактной системе); организация общественного контроля (ст. 102 Закона о контрактной системе); организация общественного обсуждения (ст. 20 Закона о контрактной системе); механизм раскрытия информации об аффилированных лицах и руководителях; включение в контракт пункта об ответственности обеих сторон (ст. 34 Закона о контрактной системе); признание недействительным контракта (ст. 34 Закона о контрактной системе) [4, с. 31].

Но не редкими остаются случаи, когда приходится урегулировать спорные моменты в судебном порядке, применяя гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые способы защиты.

На практике наиболее часто встречающаяся ситуация - односторонний отказ от исполнения контракта. В большинстве случаев это рассматривается как злоупотребление по отношению к добросовестной стороне. Чаще всего заказчики пользуются правом отказаться от заключения контракта с поставщиками, не испытывая при этом на себе негативных последствий, что нельзя сказать о поставщиках.

Проблема возникает, когда поставщик по объективным причинам не может исполнить договор (причинами могут быть долгое

рассмотрение конкурсной документации заказчиком, значительные скачки курса валют и т.д.) и в худшем случае, когда информация о нём публикуется в реестре недобросовестных поставщиков [5, с. 94]. После этого компания на два года лишается права участия в закупках и исполнения контрактов. Фактически это означает крах компании, т. к. поставщики (не будучи производителями) остаются лишёнными средств к существованию и функционированию. В то время как заказчик не испытывает на себе каких-либо санкций. При этом в ряде ситуаций неисполнение обязательства было связано с нарушениями со стороны не поставщика, а с недобросовестностью самого заказчика.

Это одна из самых главных проблем электронных торгов и её достаточно просто смоделировать. Например, заказчиком и подрядной организацией заключен контракт на выполнение работ по строительству детского сада согласно календарному графику. Важным фактом являлось то, что на земельном участке планируемой застройки находился газопровод.

Результат работ к установленному в договоре сроку не был сдан заказчику, и он обратился в суд с иском о взыскании неустойки за просрочку выполнения работ.

Подрядчик выступил против удовлетворения иска, ссылаясь на допущенную самим заказчиком просрочку выполнения обязательства по передаче строительной площадки в состоянии, пригодном для осуществления подрядчиком работ.

Суд отказал в удовлетворении требования на следующих основаниях: задержка выполнения работ была вызвана несвоевременным выполнением заказчиком работ по переносу газопровода, нахождение которого в зоне строительства препятствовало выполнению работ. При этом подрядчик неоднократно письмами уведомлял заказчика о необходимости скорейшего выполнения работ по выносу сетей газоснабжения из зоны застройки для соблюдения сроков строительства. Однако данные работы были завершены с существенной просрочкой, что и повлекло перенос сроков выполнения работ подрядчиком.

При таких обстоятельствах заказчиком не исполнена предусмотренная законом и договором обязанность по своевременному предоставлению земельного участка в состоянии, соответствующем условиям договора и обеспечивающем своевременное начало работ, нормальное их ведение и завершение в срок (ст. 747 ГК РФ).

В таком случае подрядчик не считается просрочившим выполнение обязательств, поэтому неустойка не подлежит начислению и взысканию и срок выполнения работ продлевается на период, соответствующий просрочке выполнения обязательств заказчика.

В разрезе данной проблемы нередко встречается и то, что одна из сторон нарушает свои обязательства, не имея при этом злого умысла. Это можно смоделировать и такой ситуацией, когда организация была признана победителем закупочной процедуры и имела

обязательство, связанное с предоставлением обеспечения исполнения контракта, но не выполнила его в установленный срок. В связи с этим организация-поставщик была внесена в реестр недобросовестных поставщиков.

После этого организация обратилась в арбитражный суд для оспаривания решения антимонопольного органа о включении её в реестр недобросовестных поставщиков по причине уклонения от заключения договора. В числе аргументов было то, что организация предпринимала активные действия по информированию заказчика о незначительной ошибке в перечислении денежных средств по обеспечению контракта (ранее был выполнен платеж в размере 5000 рублей вместо необходимых 7200 рублей). При этом организация перечислила недостающую сумму заказчику за сутки до оформления протокола о признании её уклонившейся от заключения контракта, что подтверждает отсутствие пренебрежительного отношения к обязанностям, установленным законом.

Важным фактом является и то, что организацией была представлена информация, подтверждающая наличие у него на момент размещения электронного аукциона товаров в количестве, необходимом для надлежащего исполнения всех требований заказчика.

Арбитражный удовлетворил иск, указав, что установление одного факта нарушения участником порядка предоставления обеспечения не является достаточным основанием для включения его в реестр недобросовестных поставщиков. Организация проявила ответственность в части самостоятельного выявления совершенной ошибки, а также объективно имела возможность исполнить контракт.

Решением данной проблемы может послужить разработка нормативно-правовых актов, в которых будет отражен перечень случаев, когда поставщик имеет право на односторонний отказ от сделки не влекущий за собой значительных последствий.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что цель и задача любой конкурсной системы – сделать экономические отношения прозрачными. Возможным это становится только при доступной, понятной и реализуемой правовой системе в сфере закупок. Всё чаще заказчикам и поставщикам приходится обращаться за помощью к юристам, что подтверждает неспособность регулировать процесс закупок самостоятельно. Из этого можно сделать вывод об актуальности данных проблем на сегодняшний день.

Список литературы:

1. Федеральный закон РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

2. Федеральный закон РФ от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4571.

3. Костина, Т.В. Актуальные проблемы, связанные с проведением торгов при поставке товаров, выполнении работ и оказании услуг для государственных нужд / Т. В. Костина // Молодой ученый. – 2018. – № 3. – С. 126-129.

4. Плещенко, В.В. Эффективность корпоративных и государственных закупок: критерии «чистоты» и рациональности / В.В. Плещенко // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 1. – С. 27-32.

5. Ревина, С.Н. Управление закупками и заказами: учебное пособие / С.Н. Ревина, П.А. Паулов, Д.В. Борякин. – Самара.: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2019. – 182 с.

ЗАЩИТА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК И ЗНАК ОБСЛУЖИВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы, посвящённые защите прав на товарный знак и знак обслуживания.

Ключевые слова: *товарный знак, виды, способы, защита прав, незаконное использование, ответственность.*

При интенсивном развитии товарооборота и промышленного производства, сферы услуг, возникает необходимость правовой защиты различных средств индивидуализации, и в первую очередь товарных знаков (знаков обслуживания), следовательно, и вопрос о месте средств индивидуализации в системе объектов гражданского права. Данные средства являются объектами нематериальными, на которые необходимо установить юридическую монополию определённого правообладателя (производителя, торговца), а в отношении них должно признаваться исключительное право.

Благодаря средствам индивидуализации, товары или услуги фиксируются в памяти потребителей. Складывается деловая репутация правообладателя. Это отражается на уровне доходов производителей, торговцев, их месте на определённом товарном рынке. Товарные знаки индивидуализируют товары, а знаки обслуживания – работы и услуги юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Они предназначены для привлечения внимания потребителей к товару, его производителю или продавцу [1, с. 21].

Важность защиты прав на средства индивидуализации обусловлена периодически возникающими случаями их незаконного использования, ростом числа контрафакта, нарушением прав производителей товаров и услуг [2, с. 26].

Существуют различные виды товарных знаков (знаков обслуживания):

- словесный знак – это название компаний или товаров, им может быть как существующее слово, так и неологизм или вымышленное слово;

- изобразительный знак – это вид товарного знака, который представляет собой оригинальные изображения различных геометрических фигур, предметов, животных, людей, символов, эмблем;

- комбинированный знак включает в себя различные комбинации слов и изображений (т.е. сочетания словесных и изобразительных знаков;

- объёмный знак имеет сам товар (коробки, тубы, флаконы и т.п.);

- звуковой знак представлен фрагментами музыкальных произведений или краткими звуками (позывные радиостанций, заставки телепередач и др.);

- обонятельный знак представлен ароматами (например, цветочный аромат, напоминающий розу – для автопокрышек), обычно не свойственными конкретным товарам (данные знаки являются крайне редкими не только в России, но и во всём мире, они практически не регистрируются, поскольку данный процесс вызывает сложности, а также само оповещение потребителей о том, что данный аромат является товарным знаком) [3, с. 54].

Согласно ст. 1477 ГК РФ товарный знак идентифицирует товары юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, а знак обслуживания индивидуализирует работы и услуги данных субъектов.

По отношению к средствам индивидуализации (товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и т.д.) можно говорить только об их владельце, но не авторе. Их владельцем может являться только субъект, товары или бизнес которого обозначаются подобными символами. Не исключено, что само обозначение (рисунок, слоган и т.д.) имеют автора. Но его права защищаются как права автора на художественное произведение (изображение, фраза); к охране средства индивидуализации как обособленного объекта исключительных прав это не относится [4, с. 22].

Пренебрегая процедурой регистрации (хотя во многих странах – участницах Парижской конвенции существует необходимость обязательной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания), юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям будут не доступны предусмотренные законом способы защиты в отношении недобросовестных лиц зарегистрировавших их товарный знак на собственной имя. Согласно международной классификацией товаров и услуг (МКТУ), полностью могут быть зарегистрированы идентичные или сходные до степени смешения обозначения в разных классах МКТУ.

Статья 1479 ГК РФ регулирует исключительное право на товарный знак, (знак обслуживания) зарегистрированный федеральным органом исполнительной власти на территории РФ. Свидетельство о регистрации знака выдаётся Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатентом). Подобное свидетельство удостоверяет исключительное право на товарный знак (знак обслуживания) по отношению к товарам, отмеченным в свидетельстве. Если данные знаки зарегистрированы на территории других государств, для их использования и охраны в России необходима их регистрация именно в Российской Федерации.

Суд по интеллектуальным правам в качестве суда I инстанции рассматривает дела о досрочном прекращении правовой охраны то-

варного знака (знака обслуживания) вследствие его неиспользования [5, с. 25-26].

Доказательствами использования товарного знака могут быть договоры о рекламе, поставке и т.д. Для обеспечения дополнительной информации о правовой защищённости обозначения правообладатель имеет возможность применить предупредительную маркировку. Её использование носит рекомендательный характер, а отсутствие не освобождает от ответственности нарушителя за незаконное пользование товарным знаком.

Отчуждение исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) происходит по договору, где одна сторона (правообладатель) передаёт или обязуется передать в полном объёме принадлежащее ей исключительное право на определённое обозначение в отношении всех товаров или части товаров, для идентификации которых он зарегистрирован, другая сторона – приобретателю исключительного права [6].

Разновидностью данных договоров является лицензионный договор о предоставлении права использования данных знаков идентификации. Лицензионный договор предполагает, что одна сторона, как обладатель исключительного права на индивидуализирующий знак (лицензиар), предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право пользования знаком в определённом договором пределах с обозначением территории или без её указания, на которой допустимо использование, относительно конкретной сферы предпринимательской деятельности.

Лицензиату необходимо обеспечить соответствие качества производимых или продаваемых им товаров, оказываемых услуг (под лицензионным знаком), требованиям к качеству, устанавливаемым лицензиаром. Лицензиар наделён правом осуществлять контроль за данным условием. При этом по предъявляемым требованиям к лицензиату как изготовителю товаров, лицензиат и лицензиар подлежат солидарной ответственности.

Договор об отчуждении исключительного права на товарный знак (знак обслуживания), лицензионный договор, а также иные договоры, позволяющие осуществлять распоряжение исключительным правом на данные средства индивидуализации (ст. 1490 ГК РФ), должны заключаться в письменной форме и подлежат госрегистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности [7].

Незаконное использование товарного знака или знака обслуживания может выражаться в нескольких видах нарушений (в том числе в аудиосообщениях, видеосообщениях, через Интернет и любые средства связи):

- предложение к продаже товаров или услуг с незаконным использованием товарного знака или знака обслуживания, без разрешения его правообладателя;

- фиксация товарного знака на товарах (этикетке, упаковке) которые производятся, продаются, демонстрируются на публичных мероприятиях или иным способом выпускаются в гражданский оборот на территории России, либо хранятся и транспортируются в пределах страны, либо экспортируются на её территорию без согласования с правообладателем;

- фиксация товарного знака (знака обслуживания) на документации;

- использование товарного знака (знака обслуживания) без согласия его законного владельца в оферте о продаже товаров, оказании услуг, а также в объявлениях, на вывесках и в иной рекламе [8].

Защита права на товарный знак и знак обслуживания осуществляется в административном, гражданском и уголовном порядке.

В административном порядке протекционно-правовой механизм реализуется через предупреждение идентичных обозначений. Сходность знака препятствует выдачи охранного свидетельства на него Роспатентом. Защита данного рода зависит от заявки на регистрацию знака [9, с. 14].

Контрафактным товарным знаком (знаком обслуживания) признаётся тот, который используется с изображением идентичным изображению на чужом товарном знаке, а также являющийся тождественным знаку, зарегистрированному ранее. В настоящее время органом исполнительной власти, реализующим функцию контроля и надзора за законностью пользования данными знаками, является Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (ФАС РФ). ФАС РФ обладает правом осуществлять проверки за законностью использования коммерческими организациями фирменных наименований, коммерческих обозначений, товарных знаков и знаков обслуживания, а в случае обнаружения соответствующих нарушений привлекать правонарушителей к административной ответственности [10, с. 18].

Статья 14.10 Кодекса Российской Федерации «Об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ» [11] перечисляет санкции за незаконное использование товарного знака, знака обслуживания, которые выражаются в наложении штрафа и конфискации предметов, содержащих незаконное воспроизведение товарного знака, знака обслуживания.

В гражданском порядке восстановление нарушенных прав (вред и убытки) реализуется через возмещение ущерба, причинённого тождественностью знака (ст. 1515 ГК РФ). В состав ущерба входят не только фактически понесённые расходы, но и расходы, которые потерпевший должен будет нести для восстановления нарушенного права.

Пренебрежение запретом на исключительное право использования товарного знака обязует нарушителя компенсировать вред и убытки потерпевшему.

Гражданско-правовая защита направлена на устранение возникшего положения, которое противоречит чьим-либо субъективным правам, и на восстановление нарушенного интереса. Цель защиты будет достигнута, если на подготовленных к реализации товарах, уничтожатся неправомерно присвоенные знаки, а потерпевшему будет возмещена та ценность, которая утеряна им вследствие некоторого распространения чужих товаров (услуг) под его символикой. Защита не зависит от наличия вины. Как только будет обнаружено неправильное, случайное пользование чужим знаком, результаты этого должны быть уничтожены, а убытки возмещены. Само возмещение ущерба основывается на доказывании суммы понесённых убытков [12, с. 59].

Незаконное использование чужого средства индивидуализации товаров, услуг становится преступным (согласно Уголовному кодексу Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [13]), если оно совершено неоднократно или причинило крупный ущерб (более 250 тысяч рублей).

Из материалов судебной практики можно привести следующие примеры споров о правомерности использования данных обозначений:

Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.01.2018 № С01-1078/2016 по делу № Ф35-8325/2015, где публичное акционерное общество «КАМАЗ» обратилось в Арбитражный суд Курской области с иском к ООО «Торговый Дом Авто Ресурс». Суд отказал в удовлетворении иска ссылаясь на то, что имеющиеся в рекламном каталоге и в Интернете (на сайте ответчика) обозначения, тождественные с товарными знаками (знаками обслуживания) истца, с целью предложения к продаже и ремонту оригинальной автотехники не указывают на незаконность их использования (т.е. нарушение прав не доказано) [14].

Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.10.2018 № С01-886/2017 по делу № А27-5303/2017, где ИП Баженова Н.А. (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.) обратилась в Суд по интеллектуальным правам с кассационной жалобой на решение Арбитражного суда Кемеровской области от 19.03.2018 и постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2018 по иску ООО «Маша и Медведь» к данному ИП о взыскании компенсации в размере 70 000 руб. за нарушение исключительных прав на товарный знак.

ООО было установлено, что 13.02.2014 ИП Баженова Н.А. реализовывала товар – наклейки с обозначениями, сходными до степени смешения с товарными знаками ООО «Маша и Медведь» (факт подтверждается товарным чеком, видеосъёмкой, товаром). Суды предыдущих инстанций исходили из факта нарушения. Суд по интеллектуальным правам оставил их решение и постановление по данному делу без изменения, кассационную жалобу индивидуально-го предпринимателя – без удовлетворения [15].

Важно подчеркнуть, что большинство спорных ситуаций данной категории дел разрешаются в досудебном урегулировании. А специального законодательства с протекционнно-правовым механизмом по отношению к средствам индивидуализации в сети «Интернет» ни в одном из государств не существует. Защита прав владельцев товарных знаков (знаков обслуживания) в случае их использования в Интернете или в радио(теле)-сообщении основывается на отдельных законах, принятых во многих странах. Поэтому, безусловно, существует необходимость дальнейшего детального развития как законодательства Российской Федерации в данной сфере отношений, так и на международном уровне. Для совместной защиты средств индивидуализации в Интернете, в спутниковых радио, ТВ, для пресечения сбыта контрафактной продукции, (в т.ч. аудио, видео) на глобальном рынке и др.

Список литературы:

1. Шербак. Н.В. Право интеллектуальной собственности: общее учение. Авторское право и смежные права: учебное пособие для вузов / Н.В. Шербак. – М.: Юрайт. 2020. – 309 с.
2. Невзоров, И.В. Скрытые возможности правообладателя: о защите различительной способности товарного знака от «размытия» / И.В. Невзоров // Судья. – 2016. – № 2. – С. 26-29.
3. Права на товарный знак: монография / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожечин, В.В. Голофаев и др.: отв. ред. Л.А. Новоселова. – М.: НОРМА, ИНФРА-М. 2016. – 144 с.
4. Новосёлова, Л.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / Л.А. Новосёлова. – М.: Юрайт. 2020. – 343 с.
5. Силина, Е.В. Судебная защита прав и интересов предпринимателей: учебное пособие / Е.В. Силина. – СПб.: АНО ВО «СЮА». – 72 с.
6. Долгополов, П.С. Товарный знак / П.С. Долгополов // СПС «КонсультантПлюс». 2020.
7. Иванова, С.В. Договор об отчуждении исключительного права на товарный знак / С.В. Иванова // СПС «КонсультантПлюс».
8. Ворожечин, А. Нарушение прав на товарный знак: деликт или неосновательное обогащение / А. Ворожечин // ИС. Промышленная собственность. – 2018. – № 10. – С. 9-16.
9. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 2. Товар. Торговые сделки / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юрайт, 2020. – 480 с.
10. Рузакова, О.А. Функции ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак / О.А. Рузакова // Патенты и лицензии. – 2018. – № 6. – С. 16-22.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 1.
12. Богданова, О.В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами: монография / О.В. Богданова. – М.: Юстицинформ, 2017. – 212 с.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.01.2018 № С01-1078/2016 по делу № А35-8325/2015 // СПС «Гарант».

15. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.10.2018 № С01-886/2017 по делу № А27-5303/2017 // СПС «Гарант».

ПРОЦЕНКО Надежда Юрьевна,
*Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; nad1430@bk.ru*

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ВОПРОСОВ ОБ УСЛОВНО- ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами участия потерпевших при рассмотрении материалов по ходатайствам об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, потерпевший, осужденный, наказание, лишение свободы, суд.

Нормами международного права определено, что каждый осужденный за преступление имеет право просить о смягчении наказания, что является непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости и законности.

Согласно части 3 ст. 50 Конституции РФ каждый осужденный за преступление может просить о помиловании или смягчении наказания[1].

В обеспечение реализации данного права осужденного в ст. ст. 79, 93 УК РФ и ст. 175 УИК РФ закреплены основания, условия и порядок обращения такого лица в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении.

Вопрос об условно-досрочном освобождении решается судом по месту нахождения учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание. Поэтому его предназначением, как справедливо отмечается в юридической литературе, не является исправление судебных ошибок. В отличие от амнистии и помилования, такое освобождение от отбывания наказания также не является и не должно восприниматься как прощение [13, с. 134].

Условно-досрочное освобождение от наказания, по сути, представляет собой некую поощрительную меру, по своему характеру являющуюся исключением из общего правила об обязательности вступившего в законную силу судебного решения, стимулирующую осужденных к законопослушному поведению.

В настоящее время уголовным законом в качестве достаточных оснований для условно-досрочного освобождения лица, отбывающего наказание, указываются лишь признание осужденного не нуждающимся в полном отбывании назначенного судом наказания для своего исправления, отбытие осужденным определенной части назначенного ему наказания, размер которой зависит как от категории (особо тяжкое, тяжкое, средней тяжести, небольшой тяжести) и

характера (против половой неприкосновенности несовершеннолетних, тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, предусмотренные ст. ст. 205 - 205.5, 210 и 361 УК РФ) преступления, за совершение которого лицо осуждено, так и от данных о личности осужденного, полное или частичное возмещение причиненного преступлением вреда в размере, определенном решением суда.

Следует отметить, что действующая редакция ст. 79 УК РФ, в отличие от ст. 53 УК РСФСР 1960 г., не требует от осужденного доказательств его исправления. Если судом будет признано, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, то он подлежит условно-досрочному освобождению. Предполагается, что осужденный полностью пройти путь своего исправления может и после применения к нему условно-досрочного освобождения, а доказательством его исправления будет несовращение им новых преступлений.

При этом все указанные обстоятельства, подлежащие учету при применении условно-досрочного освобождения от наказания, за исключением установленного законом размера неотбытой части наказания, носят оценочный характер и могут рассматриваться как основание для применения указанного института или, наоборот, для отказа в его применении только с учетом всей совокупности обстоятельств дела.

Отсутствие в законе каких-либо формальных критериев, на основании которых суду можно было бы констатировать, что для дальнейшего исправления осужденного нет необходимости в полном отбывании наказания, усложняет работу судов и вносит в их деятельность излишние элементы субъективизма, не способствующего обоснованному применению условно-досрочного освобождения.

Как правильно указала О.В.Макарова, при применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания важным представляется не только предоставить возможность лицам, вставшим на путь исправления, досрочно покинуть места лишения свободы, но и не допустить случаев досрочного выхода на свободу лиц, которые фактически не встали на путь исправления. Решение этой задачи возможно только благодаря совместным усилиям законодателя и правоприменителей [10, с. 240].

Большинство осужденных, отбывающих наказание в колониях, мечтают выйти на свободу раньше окончания своего срока, то есть, условно-досрочно. Однако, реализация этой мечты требует приложения значительных юридических усилий и наличия благоприятных факторов, среди которых не последнее значение имеет мнение потерпевшего по вопросу УДО.

В УПК РФ были внесены изменения, благодаря которым участие потерпевших в процедуре рассмотрения ходатайств об условно-

досрочном освобождении от отбывания наказания стало более активным.

Законодатель, реализуя предписание ст. 52 Конституции РФ, обязывающей государство обеспечивать лицам, потерпевшим от преступлений, доступ к правосудию, принял ряд законов, предоставляющих потерпевшим возможность отстаивать свои имущественные и неимущественные интересы, в том числе путем обжалования судебных постановлений, вынесенных по результатам рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

К ним, во-первых, относится Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве". Указанным Законом ч. 1 ст. 79 УК РФ, определяющая требования, соблюдение которых необходимо для применения условно-досрочного освобождения, была дополнена положением, закрепляющим обязательность полного или частичного возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда.

Во-вторых, законодателем была принята норма, позволившая усилить процессуальную роль потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Речь идет о Федеральном законе от 23 июля 2013 г. № 221-ФЗ "О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации", дополнившим ст. 399 УПК РФ ч. 2.1, в которой устанавливается право потерпевшего на участие в судебном заседании при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. ст. 79, 80 УК РФ.

В соответствии с законом, само по себе, согласие или несогласие потерпевшего на условно-досрочное освобождение осужденного не требуется и для суда обязательным не является. Суд вправе освободить осужденного досрочно и в случае протеста со стороны потерпевшего. Однако, следует иметь в виду, что на практике, в суде к позиции потерпевшего часто прислушиваются, так как, в свое время еще Конституционный суд России обратил внимание на то, что участие потерпевшего в судебном разбирательстве по вопросу условно-досрочного освобождения является одной из гарантий учета его интересов как лица, в первую очередь пострадавшего от преступления.

Повышенный интерес к правовому положению лиц, пострадавших от преступных посягательств, объясняется слабой эффективностью компенсационных механизмов охранительных правоотношений, фактически не позволяющих восстановить нарушенные права граждан.

Цели уголовного судопроизводства для потерпевшего считаются достигнутыми при возмещении, компенсации причиненного вреда (физического, имущественного, морального), а также восстановлении социальной справедливости в виде состоявшегося акта правосудия над виновным.

Законодательные изменения, наделившие потерпевшего правом на участие в судебном заседании при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, следует воспринимать в контексте, во взаимосвязи с правовой позицией Конституционного Суда РФ, сформулированной в Постановлении от 18 марта 2014 г. N 5-П "По делу о проверке конституционности части второй статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области" по результатам рассмотрения дела о конституционности ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области [2].

Следует отметить, что участие потерпевшего при рассмотрении судом вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания обусловлено возможностью содействия суду в принятии мер к обеспечению его личной безопасности, защиты его семьи и близких от угроз со стороны лица, совершившего преступление, возмещению причиненного этим преступлением вреда путем представления соответствующих документов, дачи объяснений, заявления ходатайств. При этом судебное заседание может быть проведено без участия потерпевшего, которому было направлено соответствующее извещение по имеющемуся в распоряжении суда адресу. Безусловно, сама по себе позиция потерпевшего не предопределяет окончательное решение суда по рассмотрению ходатайства об условно-досрочном освобождении.

По результатам обобщения практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания Верховный Суд РФ, констатируя различные подходы судов к оценкам мнения пострадавшей стороны относительно ходатайств осужденных, подтвердил их рекомендательный характер [7], поскольку мнение потерпевшего не отнесено законодателем к числу обязательных условий применения положений ст. 79 УК РФ.

Ряд исследователей, критически оценивая законодательные изменения относительно участия потерпевших при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении и апеллируя к правоприменительной практике, приходят к выводу, что при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении мнение потерпевшего не является обязательным для председательствующего в силу закона [12, с. 32]. В связи с этим, продолжает цитируемый автор, гарантированно реализуемым является лишь право гражданина на обжалование постановления суда об удовлетворении ходатайства осужденного [12, с. 34].

Сейчас потерпевший не только вправе участвовать при рассмотрении судом вопросов об условно-досрочном освобождении (или хотя бы быть своевременно извещенным о предстоящем судебном заседании по указанному вопросу), но и вправе обжаловать в апелляционном, кассационном или надзорном порядке постановление суда, вынесенное по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства осужденного.

Согласно последнему разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, которое содержится в Постановлении от 17 ноября 2015 г. № 51 «О внесении изменений в Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 “О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания”» и от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», право обжалования судебного решения в апелляционном, кассационном или надзорном порядке принадлежит не только осужденному, его законному представителю, адвокату, прокурору, но и потерпевшему, а также его законному представителю.

Думается, что указанные законодательные изменения, с одной стороны, ужесточающие требования для применения условно-досрочного освобождения, с другой, усиливающие процессуальную роль потерпевшего, а также связанные с ними разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, безусловно, повлияли на судебную практику условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

При этом суды руководствуются не просто мнением потерпевшего, а подкрепляют его объективными данными о том, что осужденный не возместил ущерб, не принес извинения. Необходимо отметить, что позиция потерпевшего по ходатайству оценивается судами наряду с другими обстоятельствами и не является решающей. Во-вторых, суды однозначно расценивают отсутствие сведений об извещении потерпевшего как безусловное основание для отмены постановления суда по вопросу об условно-досрочном освобождении.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // Российская газета. 2014. – 28 марта.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 18.02.2020) // СПС «Консультант Плюс».

4. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // СПС «Консультант Плюс».

5. Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

6. Федеральный закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» // СПС «Консультант Плюс».

7. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 8.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (в ред. от 17 ноября 2015 г.) // СПС «Консультант Плюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС «Консультант Плюс».

10. Макарова, О.В. Об участии потерпевшего при рассмотрении судом вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Комментарий судебной практики / О.В. Макарова; отв. ред. К.Б. Ярошенко. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. – С. 237-249.

12. Скифский, И.С. Оценка процессуальных возможностей потерпевшего при рассмотрении ходатайств осужденного, отбывающего лишение свободы // Российская юстиция. – 2017. – № 12. – С. 32-34.

13. Червоткин, А.С. Проблемы судебной практики рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении лиц, отбывающих лишение свободы / А.С. Червоткин // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 131-138.

САБИРОВА Анна Кудратовна,
*Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
аспирант; Ledi.999@inbox.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Речь идет об исторических особенностях создания системы, обеспечивавшей пожарную безопасность в России.

Ключевые слова: законодательство, пожарная безопасность, пожарная охрана, государственный пожарный надзор.

Раньше при возникновении пожары очень быстро распространялись. Это было связано с тем, что для строительства домов применяли легковоспламеняющиеся материалы, дома располагали очень близко друг к другу. Чаще всего пожары возникали из-за небрежного обращения с огнем в повседневной жизни. По этой причине пожары предотвращали всегда, главным образом, посредством их предупреждения, а также посредством наказания.

Когда у власти находился князь Владимир I, он попытался регламентировать существовавшие на тот момент меры, направленные на обеспечение пожарной безопасности. В «Законе Судным людям», который являлся основным законодательным актом в те времена, речь идет и о нормах, в соответствии с которыми закреплена юридическая ответственность за случаи небрежного обращения с огнем. Так, в данном законе прописано: «Если кто-либо, желая зажечь жнивьё или стерню на своей ниве, а огонь перейдет на чужую ниву или чужой виноградник и загорится, необходимо разобраться в следующем: если случилось так, что это сделал нечаянно или необдуманно, в таком случае пусть возместит вред. Или, если зажег огонь в ветреный день и не был внимателен, думая, что огонь не распространится дальше, или ему было лень, а мог... то, что сгорело, пусть возместит и пусть будет высечен розгами. А если старался, а неожиданно началась буря, и ввиду этого огонь распространился далеко, то пусть он не осуждается» [1].

Указанный «Закон» представляет собой весьма важный правовой источник. Он был первым законодательным актом, направленным на регламентирование норм, касающихся юридической ответственности за случаи, когда кто-либо нарушал требования, которые необходимо соблюдать для обеспечения пожарной безопасности.

Впоследствии борьбе с огнем также уделяли много внимания, поскольку пожар каждый год уничтожал много строений. Оказавшийся у власти Ярослав Мудрый издал Свод законов. Он известен на сегодняшний день как «Русская Правда». Данный законодательный документ некоторым образом менял применявшиеся до этого

уголовные и процессуальные нормы. Это было необходимо, чтобы удовлетворять интересы, которые преследуют феодалы. «Русская Правда» обозначала поджоги как правонарушение, имеющее особую тяжесть. В ней в статье 32 было предусмотрено наложение штрафа за такие случаи, когда кто-либо уничтожает борть князя: «а в княжей борти 3 гривны либо пожгут, либо издрут» [2, с. 121].

Итак, можно подытожить, что рассматриваемый нами правовой источник предусматривал наказание в виде штрафа за случаи неосторожного обращения с огнем. Но в то же время в этом документе не было закрепления непосредственно вопросов, которые затрагивали напрямую требования по пожарной безопасности.

1493 год ознаменовался двукратным горением Московского Кремля. Это было связано с тем, что начинали гореть многочисленные постройки из дерева, расположенные рядом с его стенами.

Ввиду такого неблагоприятного положения вещей Иван Васильевич дал распоряжение о том, что необходимо сносить постройки за Неглинной, которые расположены в 110 саженей (230 м) от Кремлевских стен. Этот момент можно считать первой мерой, принятой целенаправленно для того, чтобы не допустить пожары. Как раз в указанное время началось оформление предпосылок для того, чтобы появился институт юридической ответственности за такие случаи, когда кто-то нарушает противопожарные требования.

Спустя четыре года издали Судебник, в рамках которого была непосредственно закреплена смертная казнь для так называемого «ведомого лихого человека». «Лихое дело» при этом может быть представлено убийством государя, поджогом, душегубством, повторной татьбой, убийством землевладельца и пр.

Судебник, изданный в 1497 году, содержит специальные нормы юридической ответственности, которые назначались за случаи нарушения противопожарных требований. Необходимо отметить, что в этом законодательном акте законодатель впервые дифференцирует преступления, совершенные умышленным образом от тех, которые совершены по неосторожности.

В 1547 году Иваном Грозным, который на тот момент был у власти, был издан специальный указ. В нем было прописано, что жителям Москвы обязательно следует ставить в свои дворы бочки с водой в противопожарных целях. Обустройство печей и очагов должно было осуществляться на определенном расстоянии от жилища [3, с. 65].

В 1550 году был принят новый Судебник. В нем так же имела норму о том, что за случаи поджога должна налагаться на виновного смертная казнь. Поджигатель считался равным такому преступнику, как государственный убийца.

В статье 12 Судебника, принятого в 1550 году, был закреплён специальный порядок, в соответствии с которым следовало решать самые опасные дела, к которым относился непосредственно и поджог.

Можно сказать, что этот Судебник не выступал как совершенно новый законодательный документ. В целом он был направлен на расширение и детальное разъяснение положений, которые уже имелись в Судебнике, изданном в 1497 году.

Во второй половине XVI-XVII вв. активно искали действенные профилактические меры, которые могут предупреждать пожары в строительной сфере. В это время стремились ужесточить ответственность за случаи нарушения требований пожарной безопасности, а также хотели усовершенствовать систему контроля за тем, как соблюдаются законы противопожарной направленности.

1649 год ознаменовался на Руси изданием Соборного Уложения царя Алексея Михайловича и Наказа о градском благочинии.

В первом законодательном акте было предусмотрено, что на строгость наказаний за случаи нарушения требований пожарной безопасности влияет форма вины. По составу преступления назначался тот или иной вид наказания.

Чтобы активно бороться с поджогами, осуществляемыми умышленно, и не допускать мародерства в случае пожара, 24 июля 1699 г. приняли соответствующий указ «О поимке и наказании кнутом тех, кто на пожаре входят в дома для воровства и грабежа и о приводе зажигателей в Стрелецкий приказ и об учинении им смертной казни». Когда при тушении огня солдатами либо посадскими людьми осуществлялось мародерство, они подвергались жестокому наказанию и ссылались насильно в дальние края. Отсюда можно понять, что как самое тяжелое преступление, уничтожающее имущество государственного и частного характера, как и прежде, выступал поджог. Поэтому в отношении поджигателей было принято пользоваться наиболее суровыми мерами наказания.

Петр I очень много внимания уделял вопросам, затрагивающим профилактику пожаров. Весьма большое значение имеет указ 1718 г. под названием «О строении в Санкт-Петербурге домов, с наблюдением всего того, что к прочности и безопасности оных от огня надлежит».

В 1722 г. издали Указ под названием «О строении крестьянских дворов по установленному чертежу», согласно которому после пожара разрешалось строить новые дома только в ряд по два в одну линию. Между домами должно было иметься расстояние, составляющее 30 сажень.

1832 год ознаменовался изданием нового нормативного документа, который был призван упорядочить имеющееся противопожарное законодательство. Речь идет о Пожарном Уставе. Он являлся своеобразным консолидированным актом, вменившим в себя все имевшиеся законы, затрагивающие пожарную безопасность, и которые вошли в Полное собрание законов Российской Империи [4, с. 54]. Когда был принят Пожарный Устав, был закреплён ряд направлений, по которым можно развивать законодательство Российской империи, затрагивающее пожарную безопасность.

В апреле 1918 г. СНК издал декрет под названием «Об организации государственных мер борьбы с огнем». Согласно положениям, внесенным в этот документ, начала формироваться система, обеспечивающая требуемую пожарную безопасность в виде самой новой общественно-политической формации. Чтобы эффективно охранять имущество Республики Советов от появляющихся время от времени пожаров, проводить специальные мероприятия по борьбе с огнем, образовали Пожарный Совет.

В 1926 г., чтобы упорядочить охрану предприятий промышленной сферы и использовать рабочие массы в пожарном деле, пожарным отделом НКВД был создан «Нормальный Устав для пожарных дружин в промышленных предприятиях». В 1927 году СНК СССР было издано постановление «О мерах охраны государственных и имеющих государственное значение предприятий, складов и сооружений», согласно которому руководители начали нести личную ответственность.

Как завершающий этап формирования пожарной охраны государства выступают положения, внесенные в постановление, изданное в 1936 году ВЦИК и СНК СССР, о Государственном пожарном надзоре. Этот документ стал играть главную роль в работе, направленной на предупреждение пожаров в стране. Его действие распространялось вплоть до 1977 года.

Когда была Великая Отечественная война, 3 сентября 1942 года было издано Постановление СНК СССР «Об ответственности за нарушение правил пожарной безопасности», в соответствии с которым была усилена действенность работы, направленной на предупреждение пожаров [5]. Это было обусловлено стремительным ростом количества пожаров в годы войны.

Список литературы:

1. Закон судный людем. – М., 1961.
2. Зимин, А.А. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X-XII вв. / А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. – 287 с.
3. Макаркин, С.В. Пожарная безопасность как вид безопасности в России: становление, развитие, конституционно-правовое регулирование: монография / С.В. Макаркин. – М., 2015. – 124 с.
4. Смирнова, А.А. Проблемы обеспечения пожарной безопасности в Российской Империи / А.А. Смирнова, Е.А. Титова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2015. – № 4 (29). – С. 51-55.
5. Постановление СНК СССР №1364 «Об ответственности за нарушение правил пожарной безопасности» от 13 августа 1942 г. // СП СССР. – 1942. – №8. – Ст. 119.

САДОВЩИКОВА Ника Вадимовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; Sado-nika@yandex.ru

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ

В статье рассмотрены основные отличия насильственных преступлений на примере уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Ключевые слова: *убийство, смерть потерпевшего, тяжкий вред здоровью, умысел.*

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации существует много составов преступлений, которые схожи по некоторым элементам друг с другом, в связи с чем в некоторых случаях появляется конкуренция норм, которая порождает проблемы квалификации.

Сама по себе квалификация преступления является ничем иным как сопоставлением действий лица с нормой Особенной части УК РФ, то есть юридическая оценка совершенного поступка, которая исходит из оценки признаков того или иного состава преступлений и выделения признаков одного из них.

Некоторые трудности имеют место при разграничении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Первая норма закрепляет в качестве преступления умышленное лишение жизни, то есть убийство. Вторая считает уголовно наказуемым причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего.

Родовым объектом изучаемых преступлений являются общественные отношения, складывающиеся в свете реализации личностью своих прав и законных интересов, видовым – жизнь и здоровье (ст. 105 УК РФ, ст. 111 УК РФ).

В рамках уголовно-правовой охраны жизни моментом начала жизни принято считать с момента рождения. Поскольку роды проходят в три этапа и имеют некоторую временную протяженность, под моментом начала жизни понимается момент начала физиологических родов [1, с. 256]. Под жизнью понимается физиологический процесс, начинающийся полным отделением живорожденного плода от тела матери через роды и заканчивающийся полной смертью головного мозга. Здоровье же предполагает состояние живого организма, при котором все его органы могут выполнять свои функции в полном объеме.

Зачастую объективная сторона данных преступлений выражена в виде схожих действий. Часто телесные повреждения причиняются в драках, с использованием оружия или тяжелых предметов.

Оба состава имеют материальную конструкцию. Объективная сторона состоит в совершении действий, наступлении последствий в виде смерти человека и причинно-следственной связи между совершенными ранее действиями и летальным исходом для потерпевшего. Кроме того, для двух данных составов законодателем понижен возрастная ценз с 16 до 14 лет.

В связи с этим возникает вопрос, как можно отграничить два схожих преступления. Ключевые отличия заключаются в субъективной стороне. Оба преступления является умышленными по отношению к непосредственным действиям, при убийстве – направленным на лишение жизни, при совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ – на причинение тяжкого вреда здоровью, однако в этом случае лицо не желает наступления в виде смерти потерпевшего, в связи с чем у него усматривается двойная форма вины, состоящая из прямого умысла на причинение вреда здоровью и неосторожности по отношению к последствиям в виде лишения жизни. Аналогичную позицию высказывает в своих разъяснениях Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своей Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

В рамках установления состава одного из рассматриваемых преступлений, необходимым является выяснить направленность умысла, поскольку цели их совершения разные. Кроме того, приведенное Постановление разъясняет, что при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения. Аналогичных позиций при определении направленности умысла придерживаются Н.Г. Борзенков [1, с. 256] и М.Н. Лопашенко [4, с. 540].

Несмотря на то, что цель не выделяется многими авторами как специальная часть субъективной стороны как убийства, так и причинения тяжкого вреда здоровью, на нее необходимо обращать внимание при отношении действий лица к одному из рассматриваемых преступлений. При этом, мотивы могут быть совершенно различными и даже одинаковыми (личная неприязнь, ревность, обида и прочие). Повлиять на смену квалификации могут только некоторые специфичные мотивы.

Понятие мотива необходимо для того, чтобы получить ответы на следующие вопросы: почему, для чего, из-за чего? Ответы на данные вопросы характеризуют мотивацию человека при совершении преступления, почему и для чего он так поступил. При этом побуждение не дает ответов ни на один из вышеуказанных вопросов. Отмечается, что по отношению к непроизвольной активности этот вопрос лишен смысла, поскольку ей нельзя приписать намере-

ния, то есть человеку необходимо или предлагается что-либо сделать, но он сознательно не делает, потому что отсутствуют побуждения, что мешает установить тождественность понятий «мотив» и «побуждение».

Разберем понятие мотива преступления, разработанное в доктрине уголовного права.

По мнению Ю.В. Грачевой и А.И. Чучаева, мотивом преступления считается побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении деяния [5]. В.П. Ревин под мотивом понимает побудительный стимул, источник активности человека [6]. А.В. Бриллиантов считает, что мотив преступления (заинтересованность) представляет собою внутренние побуждения, толкнувшие человека на совершение преступления [7].

Как мы видим, большинство теоретиков уголовного права сходятся на мысли о том, что «мотив» и «побуждение» являются тождественными понятиями, поскольку мотив преступления объясняется с употреблением слова «побуждение». В случае если насильственные действия совершены из корыстных побуждений или хулиганских, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной ненависти или вражды, либо же в связи с осуществлением лицом своим служебных обязанностей или выполнением общественного долга, то убийство приобретает статус квалифицированного состава, и оценка действиям будет даваться по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, а в случае причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего квалификация действий останется неизменной – ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку данная норма является самым тяжким составом преступления и охватывает все вышеприведенные признаки, при этом в описании квалификации действий лица мотив совершения преступления будет указан.

Согласно приговору Нововоронежского городского суда Воронежской области от 26.02.2019 по уголовному делу № 1-3/2019, во время их драки подсудимый понял, что физически тот мужчина был крепче его, и он не сможет его одолеть сам, достал из бокового кармана свой куртки оранжевого цвета нож, закричал мужчине: «не подходи, зарежу тебя», нож в это время он держал на вытянутой от себя правой руке, но мужчина все равно пошел на него и наткнулся на нож куда-то в грудь [8]. Действия подсудимого были квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В ходе судебного разбирательства была проведена медико-криминалистическая судебная экспертиза по данному уголовному делу, результаты которой исключили самонадеянность на клинок ножа. Суд нашел несостоятельным также и довод подсудимого об отсутствии у него умысла на убийство, поскольку об умысле на лишение жизни потерпевшего, свидетельствует характер действий подсудимого, использование им ножа в качестве орудия преступления, локализация нанесенного удара ножом в область расположения жизненно важных органов, а причиненное при этом

телесное повреждение квалифицируется как причинившее тяжкий вред здоровью, так как повлекло за собой опасный для жизни человека вред здоровью, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни, а в данном случае привело к наступлению смерти. Указанный пример показывает, что, несмотря на утверждения подсудимым о случайности смерти, суд в ходе рассмотрения уголовного дела по существу, принял решение о назначении специального вида экспертизы, результаты которой утвердили выводы о направленности умысла непосредственно на лишение жизни.

При установлении конкретного вида вины в отношении смерти потерпевшего важным моментом является также то, что осознание общественно опасного характера своих действий подразумевает под собой тот факт, что лицо понимает их содержание. Это включает себя представление о посягательстве, фактическими составляющими объективной стороны совершаемого преступления, то есть время место способ обстановка. Таким образом, вышеперечисленные обстоятельства отражают понимание виновного возможности осознать общественную опасность совершаемого им преступления.

Предвидение наступления общественно опасных последствий предполагает, что лицо, совершая определенные действия, подразумевает события, которые должны произойти вследствие совершения или могут произойти в будущем. Предвидение предполагает мысленное представление субъекта преступления о вреде, который может быть причинен или который будет точно причинен от его действий, а также понимание социального значения, то есть запрета совершения преступления не только законодательством, но и морально этическими нормами, а также вреда обществу. Третьей составляющей предвидения является осознание причинно-следственной связи между действиями или бездействием и теми общественно опасными последствиями, которые наступили или могут наступить после совершения.

Уголовный закон говорит о том, что прямой умысел характеризуется предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий. Таким образом, можно сделать вывод о том, что интеллектуальный элемент прямого вида умысла характеризуется обязательным элементом предвидения неизбежности общественно опасных последствий. Только в некоторых случаях лицо, совершая преступление с прямым умыслом, предвидит общественно опасные последствия ни как обязательные для наступления, а как реально возможные. Волевой элемент прямого умысла отражает направленность желание субъекта, то есть эго стремление к определенному результату. Желание виновного может иметь разные психологические оттенки.

Говоря же о неосторожности, которая характеризует отношение к последствиям, у виновного отсутствует элемент предвидения. Получается, что совершая действия, направленные на причинение повреждений, которые могут привести к смерти потерпевшего, в

случае преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ лицо осознает, что может наступить смерть, и более того желает ее наступления, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ виновный может даже исключать последствия в виде смерти, а соответственно не желать их наступления. Для квалификации действий лица как умышленного причинения вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, важно в какой именно форме выступила неосторожность. В некоторых случаях, это может быть небрежность, при которой лицо самонадеянно рассчитывало на предотвращение последствий, а в некоторых – легкомыслие, когда лицо при должной внимательности и предусмотрительности должно было или могло их предвидеть. Полагается, что в большинстве случаев при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ неосторожная форма вины выражается в виде легкомыслия, поскольку потерпевшему могут быть причинены травмы несовместимые с жизнью, в связи с чем лицо вполне могло их предвидеть в силу логических мыслей.

Таким образом, анализ насильственных преступлений на примере двух схожих уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ показал, что основные разграничения кроются в субъективных признаках. В случае похожести или идентичности нанесения телесных повреждений как указано в разобранных приговорах, внимание следует обращать на направленность умысла и степень осознания последствий виновно совершенных действий. Преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ всегда характеризуется неосторожностью по отношению к смерти потерпевшего, а убийство предполагает прямое желание ее наступления как конечный результат действий виновного. При причинении смерти по неосторожности интеллектуальный элемент в виде предвидения общественно опасных последствий своих действий отсутствует у виновного, несмотря на умышленность нанесения телесных повреждений.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // Российская газета, № 24, 09.02.1999,
2. Борзенков, Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: Учеб.-практ. пособие. – М., 2008. – 256 с.
3. Коробеев, А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека : монография / А. И. Коробеев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 317 с.
4. Лопашенко, Н.А. Убийства: монография / Н. А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 540 с.
5. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – М.: «КОНТРАКТ»,

2017. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения 13.04.2020.

6. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. - М.: Юстицинформ, 2016. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения 13.04.2020.

7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник (2-е издание, перераб. и доп.) / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект. – 2015. – 863 с.

8. Приговор Нововоронежского городского суда Воронежской области от 26.02.2019 по уголовному делу № 1-3/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: справочные правовые системы: Суды общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.04.2020).

САРУГЛАНОВА Зульфия Рауфовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; saruglanova96@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируется проблема ограничения правомочий прокурора в ходе предварительного следствия, связанная в значительной степени с предоставлением возможности реализации процессуальной самостоятельности следователя.

Ключевые слова: *органы прокуратуры, прокурорский надзор, уголовное преследование, уголовный процесс, государственный обвинитель.*

Одной из основных функций органов прокуратуры является участие прокурора в уголовном процессе, что регулируется ст. 35 Закона о прокуратуре и приказом Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 № 465 «Об участии прокуроров в стадиях уголовного судопроизводства».

Однако п. 1 ст. 35 Закона о прокуратуре указывает, что прокуроры участвуют в рассмотрении дел судами, когда случаи предусмотрены процессуальным законодательством РФ. Поэтому основной нормативной базой данного участия прокуроров в уголовном процессе является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Данный вопрос является дискуссионным, поскольку, хотя на законодательном уровне полномочия прокурора в ходе судебного разбирательства определены, на практике, в науке и с точки зрения законодателя, проблемные вопросы участия прокурора в уголовном процессе остаются актуальными.

Полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве отражены в ст. ст. 37 и 246 УПК РФ. Так как суды являются независимыми и подчиняются только закону, прокурор выступает лишь со стороны обвинения, а не осуществляет надзор за судом, как это было раньше [6, с. 83].

Согласно Федеральному закону № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”», прокурор был лишен права возбуждать уголовное дело. Но законодатель наделил его правом выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования (следствие и дознание) для решения вопроса об уголовном преследовании. Оно является лишь поводом к возбуждению уголовного дела.

В уголовном процессе прокурора принято называть государственным обвинителем. Данное понятие прямо закреплено в п. 6 ст. 5 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 37 прокурор в ходе уголовного судопроизводства осуществляет уголовное преследование. Пункт 55 ст. 5 УПК РФ определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Из этого следует, что прокурор в рамках данного процесса осуществляет активные действия, направленные на поиск подозреваемого (обвиняемого) и установление его вины.

А так ли это на самом деле? Прокурор не может проводить следственные действия, собирать доказательства по делу, потому что он не наделен правом возбуждать уголовное дело или ведения предварительного следствия. Таким образом, прокурор, являясь должностным лицом, осуществляющим надзор, участвует в рассмотрении уголовного дела, а не обвиняет.

С момента принятия действующего УПК РФ не утихают споры по поводу права государственного обвинителя, закрепленного в ч. 7 ст. 246 УПК РФ, отказаться от обвинения с изложением мотивов своего отказа. Предполагается, что есть несколько причин: необоснованное возбуждение уголовного преследования; признание основных обвинительных доказательств недопустимыми; изменение обвинительных доказательств в судебном процессе; доказательства, представленные защитой, ставят под сомнение доказанность обвинения. Данные обстоятельства могут свидетельствовать о том, что в ходе осуществления уголовного преследования может меняться фактическая база, на которой было основано субъективное отношение прокурора к обвинению, а также оценка уже известных событий. В этом случае у государственного обвинителя могут возникнуть сомнения или даже убеждение в невиновности подсудимого [8, с. 171].

Сам отказ от обвинения ведет к прекращению уголовного преследования или уголовного дела. Также прослеживаются противоречия по поводу последствий отказа прокурора от обвинения конкретно для потерпевшего. Одни авторы считают, что без согласия потерпевшего отказ прокурора от обвинения нарушает права первого, потому что государственный обвинитель оценивает доказательства с точки зрения своего внутреннего убеждения, а убеждения данных участников процесса далеко не всегда совпадают. В случае отказа прокурора потерпевший лишается права изложить суду основания своих убеждений в том, что вина подсудимого не доказана.

Другие авторы считают, что отказ прокурора от обвинения не влечет за собой нарушения прав потерпевшего, потому что бремя доказывания лежит исключительно на прокуроре, а несогласие потерпевшего с отказом государственного обвинителя не может рассматриваться как обстоятельство, препятствующее осуществлению прокурором своих полномочий. Если же отказ прокурора от обвине-

ния потерпевший поддерживает, то следует говорить о постановлении оправдательного приговора, так как в нем содержится вывод о невинности подсудимого, в то время как прекращение дела указывает на недоказанность вины.

Возникает вопрос и о последствиях для подсудимого в случае отказа прокурора от обвинения. Например, в извлечении из Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2011 № 11-011-83 сказано, что в случае отказа государственного обвинителя от обвинения уголовное дело прекращается даже при наличии несогласия с этим подсудимого.

Сами обвиняемые, проходившие по делу, от обвинения которого отказался прокурор, посчитали, что отказ нарушает их права на защиту. Однако судебная коллегия кассационные жалобы оставила без удовлетворения, сославшись на ч. 2 ст. 133 УПК РФ.

По нашему мнению, заслуживает особого внимания такое последствие отказа прокурора от обвинения, как немедленное прекращение уголовного дела. Здесь видятся явные противоречия Конституции РФ. Статья 120 гласит о независимости судей, то есть при осуществлении правосудия они принимают решения самостоятельно, руководствуясь лишь Конституцией РФ и другими федеральными законами. Поэтому отказ государственного обвинителя, думается, должен рассматриваться как ходатайство о прекращении уголовного дела.

Суд должен принимать самостоятельное решение с учетом выслушанного ходатайства и мнений всех участников процесса. В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ возможен частичный или полный отказ от обвинения. Однако бывают такие ситуации, когда с частичным отказом государственное обвинение из публичного переходит в частное. В связи с этим прокурор должен отказаться от поддержания частного обвинения, потому что это частное обвинение поддерживает сам потерпевший [7, с. 137].

Часть 5 ст. 37 УПК РФ указывает, что полномочия прокурора осуществляют районные прокуроры, прокуроры городов и их заместители, приравненные к ним прокуроры и вышестоящие прокуроры. Споры возникают по поводу поддержания государственного обвинения помощниками прокуроров. Одни ученые считают, что они имеют право поддерживать обвинение в суде, т.к. обладают всеми полномочиями прокурора, другие – в силу того, что помощники прокурора не обладают всеми полномочиями прокурора, не могут поддерживать государственное обвинение.

Данный вопрос заслуживает внимания и детального рассмотрения с целью разграничения полномочий данных участников процесса. В самом УПК РФ можно выявить руководящее положение прокурора среди участников уголовного судопроизводства. Это отчетливо прослеживается в ч. 1 ст. 21, в п. 47 ст. 5, а также в гл. 6 УПК РФ. Во всех случаях первым участником уголовного судопро-

изводства со стороны обвинения назван прокурор, а уже затем следователь, начальник следственного отдела, орган дознания, дознаватель.

Необходимо рассмотрение функции надзора и функции уголовного преследования как взаимно дополняющие друг друга и находящиеся в гармоничном сочетании друг с другом. Стремление законодателя ограничить «всевластие» прокурора в уголовном процессе оказалось чрезмерным. Сокращение его полномочий слишком превысило максимально допустимые пределы и обернулось снижением эффективности не только уголовного преследования, но и уголовно-процессуальной деятельности в целом.

Согласимся с мнением ученых [5; 6; 7; 8], что прокуратура не только выступает как карательный государственный орган, осуществляя уголовное преследование, является эффективным правозащитным органом, занимаясь правотворчеством, предупреждением преступности и правовым просвещением населения. Таким образом, проведенный анализ позволил выявить некоторые недочеты в законодательстве по вопросу участия прокурора в уголовном процессе. Это требует пересмотра и необходимости выработки законодателем четкой и ясной позиции, а также регламентации вышеуказанных проблем.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020).
2. Амирбеков, К.И., Функции прокуратуры России в уголовном судопроизводстве / К.И. Амирбеков, С.Е. Егоров, А.Г. Халиulin // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011.
3. Балакшин, В. Возбуждение уголовного дела / В. Балакшин. Возбуждение уголовного дела прокурором // Законность. – 2008.
4. Кругликов, А.П. Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / А.П. Кругликов. – М.: Проспект, 2016.
5. Сычев, Д.А. Уголовно-процессуальные функции прокурора, осуществляемые в ходе досудебного производства / Д.А. Сычев // КриминалистЪ. – 2017.
6. Харебава, Г.Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.15 / Г.Д. Харебава. – Ростов-на-Дону, 2018.
7. Дикарев, И.С. Четвертый повод для возбуждения уголовного дела / И.С. Дикарев // Законность. – 2017.
8. Гриненко, А. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела / А. Гриненко // Законность. – 2018.

ПОРЯДОК ОТСТРАНЕНИЯ ОТ НАСЛЕДОВАНИЯ НЕДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКОВ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТАКОГО ОТСТРАНЕНИЯ

В статье рассматривается порядок отстранения от наследства недостойных наследников.

Ключевые слова: *наследование, наследник, недостойный наследник, отстранение от наследования, судебный порядок, нотариальный порядок.*

Отстранение от наследования является одной из мер, которая призвана ограничивать наследственные права, в частности, права на наследство. Лишения права на наследство возможно в отношении недостойных наследников. О.В. Костина отмечает: «определяя круг наследников, необходимо установить и тех, кто не имеет наследственной правосубъектности либо может быть отстранен от наследования в силу определенных фактов, когда их призвание попирало бы устои общественной нравственности и морали» [1, с. 38].

Отстранение от наследования недостойных наследников возможно, как в судебном, так и нотариальном порядке. В научной литературе вопрос о представлении нотариусу права решать судьбу наследника является дискуссионным. По мнению Е.А. Останиной, «предоставление нотариусу права самостоятельно признавать гражданина недостойным наследником нельзя признать правильным. Только суд вправе разрешить вопрос о признании либо о непризнании гражданина недостойным наследником, т.к. право наследования является конституционным правом и возможность его реализации не может быть поставлена в зависимость от усмотрения кого-либо из должностных лиц» [2, с. 55]. Нам же представляется, что нотариус обладает таким правом и вправе его осуществлять.

Актуальным будет следующий порядок действий: сбор документов (свидетельство о смерти, бумаги, подтверждающие родственную близость истца с наследодателем); определение линии защиты и сбор соответствующей доказательной базы; оплата госпошлины; составление иска в установленном порядке, в котором указываются основания для открытия дела и ссылки на нормативные акты; приложение к иску квитанции об уплате пошлины, доказательств своей позиции, прочих документов; подача иска в суд [3, с. 235].

Обращаться нужно в районное учреждение по адресу регистрации лица, которого планируется отстранить от наследования.

Если суд посчитает основания законными, а доказательную базу неоспоримой, происходит признание наследника недостойным и отстранение его от наследования [4, с. 14]. Далее с судебным ре-

шением следует обратиться в нотариальную контору. Специалист аннулирует все выданные ранее свидетельства. Затем происходит перераспределение имущества без учёта одного лица.

В соответствии с ГК РФ на недостойного наследника (лицо, которое не имеет право наследовать или отстранено от наследования) возлагается обязанность возвратить в соответствии с нормами гл. 60 ГК РФ все имущество, которое было неосновательно получено им из состава наследственной массы.

Доля лица, которое было лишено права наследования, передается другим наследникам, которые призваны к наследованию, и по праву перераспределяется между ними.

Отстранение лиц от наследства – это одной из основных мер по ограничению наследственных прав, а именно – права на получения наследства. Отстранение от получения наследства возможно только в отношении наследников, признанными недостойными.

В своей статье А.В. Фиошин отмечает, что при «определении круга наследников, необходимо установить и тех, кто не имеет наследственной правосубъектности или может быть отстранен от наследования в силу определенных обстоятельств, когда их призвание попирало бы устои общественной нравственности и морали» [5, с. 16].

Недостойные наследники – это лица, которые имеют право на получение наследства, но совершили наследственное или другое правонарушение и из-за этого были отстранены судом или нотариусом от наследства. Согласно ст. 1117 ГК РФ: 1) не наследуют ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке. Т.И. Зайцева отмечает, что «признать право наследования, к примеру, за дочерью, из-за мести убившим своего отца... было бы по меньшей мере безнравственно» [6, с. 69]; 2) не наследуют по закону родители после детей, в отношении которых родители были в судебном порядке лишены родительских прав и не были восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства; 3) по требованию заинтересованного лица суд отстраняет от наследования по закону граждан, злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя.

В соответствии со ст. 1117 ГК РФ в доктрине в порядке отстранения от наследования выделяют две группы недостойных наследников: 1) ничтожные, отстраняемые от наследования нотариусом, если предъявлены ему необходимые документы (решения суда

и т.д.); 2) оспоримые, отстраняемые от наследования только в судебном порядке [7, с. 78].

Бывают случаи, когда отсутствует необходимость обращения в суд для признания наследника недостойным, по основаниям, которые указаны в п. 1 ст. 1117 ГК РФ. Пленум ВС РФ в подп. 6 п. 19 Постановления от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [8] (далее – Постановление), в согласно которому вынесения решения суда о признании наследника недостойным в соответствии с п. 1 ст. 1117 ГК РФ не требуется. В указанных в данном пункте случаях гражданин исключается из состава наследников нотариусом, в производстве которого находится наследственное дело, при представлении ему соответствующего приговора или решения суда.

Для признания лиц, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, недостойными наследниками нужно иметь решение суда, вступившее в законную силу. Наследник может призываться к наследованию в том случае, когда уже после совершения противоправного деяния наследодатель в завещании завещал ему имущество. Если сам наследодатель решил сам опровергнуть предположение законодателя и не захотел лишать недостойного наследника наследства, законодатель отступает в сторону и предоставляет наследодателю возможность самостоятельно распорядиться своим имуществом.

В доктрине по поводу мотива и цели поведения лица, которое совершило действия, указанные в абз. 1 п. 1 ст. 1117 ГК РФ, были выдвинуты две точки зрения: о субъективной и объективной направленности действий недостойного наследника [9, с. 7].

Согласно ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [10] (далее – УК РФ), лица, не достигшие возраста 14 лет, не подлежат уголовной ответственности, поэтому не могут быть признаны недостойными наследниками [11, с. 20]. Более того, другие положения ст. 1117 ГК РФ также не распространяются.

Важно отметить, что по российскому законодательству прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, например, деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), применение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), а равным образом и истечение срока давности (ст. 78 УК РФ) либо объявлением амнистии (ст. 84 УК РФ) все равно будет являться основанием для признания наследника недостойным, если в его действиях содержатся признаки, указанные в п. 1 ст. 1117 ГК РФ.

Одним из оснований, по которому лицо признается недостойным (абз. 2 п. 1 ст. 1117 ГК РФ) является лишение родителей в про-

цессе суда родительских прав, если они не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства. Данное правило применяется только к родителям, которые были лишены и не восстановлены в этих правах в отношении детей, если наследство открылось после их смерти.

Статья 69 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [12] (далее – СК РФ) содержит перечень оснований, по которым родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов; отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, из воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения или из аналогичных организаций; злоупотребляют своими родительскими правами; жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга [13, с. 13].

Статья 72 СК РФ регламентирует восстановление в родительских правах. В ней указаны основания, согласно которым родители, лишенные родительских прав, могут быть в них восстановлены, данная статья содержит и императивную норму, которая запрещает восстановление в родительских правах. Например, абз. 3 п. 4 ст. 72 СК РФ говорит о том, что восстановление в родительских правах не допускается, если ребенок был усыновлен и такое усыновление не отменено.

Суд вправе по требованию заинтересованного лица отстранить от наследования по закону граждан, которые злостно уклоняются от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя (п. 2 ст. 1117 ГК РФ).

Статья ст. 80 СК РФ обязывает родителей содержать своих детей, не достигших совершеннолетия, а также своих нетрудоспособных совершеннолетних детей, которые нуждаются в помощи. В ст. 87 СК РФ говорится о том, что совершеннолетние дети обязаны содержать своих родителей, если они являются нетрудоспособными и нуждающихся в помощи.

Отметим, что согласно абз. 2 п. 20 Постановления, злостный характер уклонения в каждом случае должен определяться с учетом продолжительности и причин неуплаты соответствующих средств. В качестве злостного уклонения от выполнения указанных обязанностей могут признаваться не только непредоставление содержания без уважительных причин, но и сокрытие алиментобязанным лицом действительного размера своего заработка и (или) дохода, смена им места работы или места жительства, совершение иных действий в этих же целях.

Как уже было сказано, наследник признается недостойным либо в судебном, либо нотариальном порядке. Судебное разбирательство обязательно только в случае, когда признается наследник недостойным в связи со злостным уклонением от исполнения возложенных на него по закону обязанностей. Поэтому нотариус вправе признать наследника недостойным по всем остальным основаниям. Но нотариус не разрешает споры, возникающие между наследниками по поводу открывшегося наследства. Следовательно, при возникновении спора о том будет ли наследник признан недостойным или нет, данный вопрос будет рассматривать суд [14, с. 11]. А.В. Никифоров в своей статье говорит о том, что «предоставление нотариусу права самостоятельно решать вопрос о недостойности наследника нельзя признать правильным. Только суд имеет право разрешать споры о признании или непризнании лица недостойным наследником, так как право наследования является конституционным правом, и возможность его реализации не может быть поставлена в зависимость от усмотрения кого-либо из должностных лиц» [15, с. 18]. Законодательство России предусматривает судебный и административный порядок рассмотрения вопросов, связанных с осуществлением прав. Следовательно, нотариус на основании закона обладает таким правом.

В своей деятельности нотариус руководствуется Методическими рекомендациями по оформлению наследственных прав [16] (далее – Методические рекомендации). В соответствии с п. 14 Методических рекомендаций при оформлении свидетельства о праве на наследство нотариус предварительно анализирует все документы, которые имеются в наследственном деле. Нотариус выясняет, имеются ли другие наследники, подлежащих призванию к наследованию, а также рассматривает вопрос о том, нет ли среди наследников, принявших наследство, недостойных наследников.

Предъявление заинтересованными лицами требований о признании наследника недостойным подведомственно суду общей юрисдикции. Следовательно, дела о признании наследников недостойными подсудны районным судам. Такой вывод был сделан на положениях ст. 23-27 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [17] и отражается в п. 2 Постановления, согласно которому все дела по спорам, возникающим из наследственных правоотношений, подсудны районным судам.

Предъявить иск в суд с требованиями признать наследника недостойным по основаниям, указанным в пункте 1 ст. 1117 ГК РФ, имеют право все наследники. А вот круг лиц, имеющих право предъявлять требования о признании наследника недостойным по причинам, обозначенным в п. 2 ст. 1117 ГК РФ, шире. Согласно п. 20 Постановления, иск может быть подан любым лицом, которое заинтересованно в призвании к наследованию или в увеличении причитающейся ему части наследства, отказополучатель или лицо,

на права и законные интересы которого может повлиять переход наследственного имущества.

Подводя итог проведенного исследования, можно отметить, что недостойный наследник лишается права наследования только по закону. Лицо может быть признано недостойным наследников как судебном, так и в нотариальном порядке. За гражданином, признанным судом недостойным наследником, сохраняется пассивная завещательная правосубъектность, также не ставится под сомнение и то, что его активная завещательная правосубъектность может быть реализована им в полном объеме.

Список литературы:

1. Костина, О.В. Конвергенция частного и публичного права при признании наследника недостойным / О.В. Костина // Современный юрист. – 2018. – № 2. – С. 34-45.

2. Останина, Е.А. Некоторые проблемы применения норм об отстранении от наследования недостойных наследников / Е.А. Останина // Закон. – 2017. – № 6. – С. 51-60.

3. Пылаева, Я.Е. Категория завещательной правосубъектности и основные аспекты ее отражения в наследственном законодательстве России / Я.Е. Пылаева // Закон. – 2009. – № 3. – С. 233-237.

4. Блинков, О.Е. Общие тенденции развития наследственного права государств - участников Содружества Независимых Государств и Балтии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.Е. Блинков. – М., 2009. – 56 с.

5. Фиошин, А.В. Оценочные понятия в нормах о недостойных наследниках / А.В. Фиошин // Российский судья. – 2015. – № 11. – С. 15-18.

6. Зайцева, Т.И. Судебная практика по наследственным делам / Т.И. Зайцева. – М., 2007. – 472 с.

7. Желонкин, С.С. Наследственное право: учебное пособие / С.С. Желонкин, Д.И. Ивашин. – М.: Юстицинформ, 2014. – 134 с.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 23.04.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.

9. Абраменков, М.С. Высшее судебное толкование отечественного наследственного закона: не обошлось без ошибок / М.С. Абраменков // Наследственное право. – 2013. – № 1. – С. 4-9.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25, ст. 2954.

11. Муртазина, Г.М. Правовые проблемы института недостойных наследников / Г.М. Муртазина // Юрист. – 2012. – № 21. – С. 18-21.

12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

13. Савина, Т.В. Отстранение недостойных наследников от наследования в связи с неисполнением алиментных обязательств / Т.В. Савина // Наследственное право. – 2018. – № 3. – С. 12-14.

14. Ананьева, К.Я. Наследники и иные лица как участники наследственного правоотношения / К.Я. Ананьева, М.В. Хлыстов // Наследственное право. – 2015. – № 2. – С. 10-13.

15. Никифоров, А.В. Разъяснение Верховным Судом Российской Федерации вопросов наследования / А.В. Никифоров // Наследственное право. – 2014. – № 1. – С. 17-20.

16. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

СЕРИКОВА Вера Анатольевна,
*Северо-Кавказский федеральный университет,
аспирант; vera.serickova@yandex.ru*

ОТКАЗ ОТ ДАЧИ СОГЛАСИЯ КАК ОТКАЗ ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В статье рассматриваются особенности правовой возможности по отказу в даче согласия в российском частном праве.

Ключевые слова: субъективное право, отказ от права, отказ от осуществления права, отказ от дачи согласия, sekundарное право.

Несмотря на то, что правомочие на дачу согласия имеет вспомогательный характер, оно входит в состав субъективного права, как правомочие на собственные действия.

По своей правовой природе согласие является гражданско-правовым юридическим актом, поскольку согласие имеет правовое значение для отношений гражданского оборота и в процессе юридической квалификации разрешительного волеизъявления учитываются способ его совершения, волевое содержание и хозяйственная цель. Как разновидность юридического акта согласие является действием односторонним, характеризуется содержательной простотой, неоднородностью правового основания, и обеспечивает охрану частных и/или публичных интересов [1, с. 21].

Хотя в последние несколько лет научный интерес к изучению согласия в цивилистической науке существенно возрос, за рамками научных исследований остался вопрос о такой разновидности отказа от субъективного гражданского права, как отказ от дачи согласия.

Следует отметить, что отказ от права представляет собой элемент содержания субъективного гражданского права, имманентно (внутренне) присутствует в нем и является универсальным основанием для его прекращения. Исключение составляют лишь некоторые виды прав, характеризующиеся особой правовой природой, невозможность отказа от которых предписывается законодателем [2, с. 104] (например, недопустимость отказа от наследства при наследовании выморочного имущества в силу ст. 1157 ГК РФ).

Дача согласия – это односторонняя сделка, а право на дачу согласия – это sekundарное право, которое подразумевает лишь претерпевание другой стороной последствий осуществления или неосуществления данной правовой возможности [3, с. 5]. С этой точки зрения, отказ в даче согласия – это такой способ осуществления sekundарного права, который выражается в форме отказа (односторонней сделки) и не влечет прекращения соответствующей правовой возможности. Иллюстрацией такого подхода может служить высказывание в отношении отказа в даче согласия на обработку персональных данных, которое признается автором не отказом от субъек-

тивного права, а квалифицируется как отказ от его осуществления [4, с. 224]. Другими словами, отказ в даче согласия выступает оборотной стороной самого согласия, включаясь в содержание самого этого права, и, как отмечают исследователи, является таким элементом согласия, как волеизъявление.

Однако возможно и иное доктринальное решение обозначенного вопроса. Речь идет о возможности квалификации отказа в даче согласия в качестве самостоятельного секундарного права. Допустимость такого подхода основывается на сходстве института согласия в частном и публичном праве. Общеизвестно, что органы публичной власти нередко наделяются возможностью в даче согласия (разрешения) (отказа в даче согласия (разрешения)) применительно к участникам частноправовых отношений [5, с. 6]. Традиционными примерами могут выступать согласие органов опеки и попечительства на отчуждение жилых помещений, находящихся в долевой собственности несовершеннолетних, или согласие органов местного самоуправления на переустройство и (или) перепланировку жилого помещения. Особенностью подобных примеров является то, что публичный орган одновременно наделен возможностями как дать согласие, так и отказать в его предоставлении в случаях, установленных законом.

Вместе с тем природа двух указанных самостоятельных возможностей в публичном праве не дает оснований для их квалификации в качестве секундарных прав, в первую очередь в силу совпадения в этом случае права и обязанности: публичный орган не только вправе дать согласие, но и обязан это сделать, а также не только вправе отказать в даче согласия (в случаях, установленных законом), но и обязан совершить данное действие. Это порождает возможность для участника частноправовых отношений оспорить правомерность отказа в даче согласия, которое нет оснований квалифицировать в качестве односторонней сделки [6, с. 62].

Неким промежуточным примером являются ситуации, в которых публичный орган действует как равноправный участник частноправовых отношений, но нормами законодательства установлены случаи, при которых недопустимо отказывать в даче согласия на совершение тех или иных действий. Ярким примером являются ситуации, закрепленные в нормах Жилищного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ [7] (далее – ЖК РФ). Речь идет, в частности, о ст. 74 ЖК РФ, в которой закреплено, что отказ наймодателя в даче согласия на обмен жилыми помещениями допускается только в случаях, предусмотренных ст. 73 ЖК РФ. Еще одним примером может служить положение ст. 70 ЖК РФ, которым установлено единственное основание отказа в даче согласия на вселение в жилое помещение членов семьи нанимателя. Наймодатель может запретить вселение граждан в качестве проживающих совместно с нанимателем членов его семьи в случае, если после их вселения об-

щая площадь соответствующего жилого помещения на одного члена семьи составит менее учетной нормы.

Изложенное позволяет определить правовую природу отказа от дачи согласия двояко: в тех случаях, когда отказ от дачи согласия не ограничивается никакими условиями, нормы законодательства не предусматривают возможность признания его незаконным по данной причине, его следует квалифицировать как способ неосуществления секундарного права на дачу согласия, с помощью которого лицу, запрашивающему согласие, демонстрируется прямое нежелание реализовывать принадлежащую правовую возможность. В тех ситуациях, когда законодатель закрепляет основания, при которых отказать в даче согласия нельзя, право на дачу согласия фактически превращается в обязанность, к исполнению которой можно понудить, а у субъекта возникает секундарное право на отказ в даче согласия.

Таким образом, отказ в даче согласия делится на два вида в зависимости от того, является ли он реализацией секундарного права на дачу согласия, либо самостоятельного секундарного права на отказ в даче согласия. Выделение самостоятельного секундарного права на дачу согласия необходимо тогда, когда законодатель сужает границы права на дачу согласия, устанавливая основания, при которых отказ не допускается или должен быть мотивирован.

Список литературы:

1. Касаткин, С.Н. Согласие в гражданском праве РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Н. Касаткин. – Нижний Новгород, 2014. – 24 с.
2. Суслов, А.А. Недопустимые отказы в гражданском праве России / А.А. Суслов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1. – С. 102-110.
3. Зими́на, М.Ю. Институт согласия в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Ю. Зими́на. – М., 2019. – 26 с.
4. Полетаева, Е.Л. Отказ от дачи согласия на обработку персональных данных / Е.Л. Полетаева // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: матер. V Межд. научн.-практ. конф. (Иркутск, 16-17 сентября 2016 г.): в 2 т. / отв. ред. С.И. Суслова, А.П. Ушакова. Т. 1. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – С. 224-229.
5. Брезгулевская, Л.К. Гражданско-правовое регулирование согласия лица на совершение сделки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.К. Брезгулевская. – СПб., 2016. – 19 с.
6. Суслов, А.А. Отказ в даче согласия в частном праве: правовая природа, форма выражения и правовые последствия / А.А. Суслов // Современное право. – 2020. – № 7. – С. 60-65.
7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 13.

ТИХОНЕНКО Мария Андреевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; tikhonenko_mari@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

В статье поднимаются вопросы правоприменительной практики при вступлении в брачно-семейные отношения с участием иностранных граждан.

Ключевые слова: брачно-семейные отношения, иностранные граждане, правовое регулирование.

В XXI веке у нас есть возможность легко и быстро, а самое главное – свободно пересекать границы государств, общаться с гражданами других стран независимо от их места жительства и национальной принадлежности. Граждане РФ стали чаще создавать семьи с лицами, имеющими иное гражданство и проживающими за рубежом. Государством регулируются вопросы, которые касаются заключения и расторжения брака, охраны интересов семьи, заботы о детях.

В сфере семейных отношений увеличилось число судебных дел с участием иностранных граждан. Коллизионные нормы, регулирующие брачно-семейные отношения, – наиболее сложные среди норм международного права, т.к. семья создается гражданами разных государств, соответственно, отношения регулируются различными правовыми системами.

Расширение международных связей России привело к миграции иностранцев, в нашу страну приезжают студенты, бизнесмены, политики и лица творческих профессий, а российские граждане уезжают жить за границу. При этом под термином «иностранец» (юридически более корректно – «иностранный гражданин») понимается «лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства» (ст. 3 ГК РФ).

При столь сильной социальной интеграции создаются семьи. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [1] (далее – СК РФ), брачно-семейные отношения основываются на «чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав» (п. 1 ст. 1 СК РФ).

Приезжающие в нашу страну иностранные граждане вступают в брак, расторгают брак, будучи супругами, распоряжаются своими личными и имущественными правами и обязанностями, заключают брачный договор; заключают соглашения об уплате алиментов,

устанавливают отцовство (материнство), оспаривают отцовство (материнство), принимают участие в разрешении судебных споров, связанных с воспитанием детей, усыновляют несовершеннолетних детей. Иностранный элемент гражданского отношения может выражаться в иностранном гражданстве лица, в нахождении объекта гражданских прав за границей или в том, что юридический факт, с которым связано возникновение, изменение или прекращение отношения, имел место за границей [2, с. 37].

Семейные отношения с участием иностранных граждан можно определить как отношения между членами семьи в социологическом ее понимании, а также между родственниками первой и второй степени родства регулируемые семейным и международным частным правом. Особенность брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, заключается в том, что между супругами, родителями (усыновителями), детьми (усыновленными) возникают доверительно-личностные взаимоотношения, основанные на морали, и имущественные отношения, базирующиеся на договорных началах [3, с. 125].

Поскольку брачно-семейные отношения с участием иностранных граждан связаны с правовыми системами нескольких государств, по-разному решающими вопросы брака и семьи, то правоприменительно необходимо определить компетентное право. Брачно-семейные отношения в РФ, осложненные иностранным элементом, регулируются нормами Раздела VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» СК РФ. Данные коллизионные нормы определяют, право какого государства подлежит применению к семейным отношениям с иностранным элементом.

К источникам правового регулирования семейных отношений с участием иностранных граждан в России можно отнести Конституцию Российской Федерации, СК РФ, ГК РФ, ряд федеральных законов и подзаконных актов. В других странах коллизионные вопросы могут быть урегулированы как международным частным правом (Австрия, Венгрия, Турция, Швейцария, Эстония), так и семейным кодексом (Марокко, Таджикистан, Узбекистан) или гражданским кодексом (Англия, Испания, Италия, Франция) [4, с. 138].

В соответствии со ст. 166 СК РФ при применении норм иностранного семейного права (гражданского права, международного частного права) суд или органы записи актов гражданского состояния и иные органы устанавливают содержание этих норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Есть похожий международный пример: в Германии, согласно Вводному закону к ГГУ, возможность изменения фамилии определяется правом государства гражданства каждого из супругов, то есть «при вступлении в брак граждан разных государств в отношении каждого из них это будет определяться правом его страны» [5, с. 16].

На регулирование брачно-семейных отношений в РФ, осложненных иностранным элементом, также влияют международные договоры: Минская конвенция 1993 г. (часть 3 «Семейные дела») и Протокол к ней 1997 г. (в редакции от 07.10.2002 часть III раздела II), Конвенция о заключении и признании действительности браков 1978 г., Конвенция о праве, применимом к режиму имущественных отношений супругов 1978 г., Конвенция о признании разводов и решений о судебном разлучении супругов 1970 г., Конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам 1973 г., Конвенция о компетенции и применимом праве в отношении защиты несовершеннолетних 1961 г. [6, с. 68].

Международный характер брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, приводит к вопросу о подлежащей применению правовой системе. Различия в семейном праве отдельных государств существенны. От того, право какой страны будет применено, может зависеть исход спора.

Первая группа дел, порождающая вопросы правоприменения при урегулировании брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, посвящена заключению и расторжению брака. Вторая группа дел состоит из регулирования правового положения детей, установления гражданства ребенка. Третья группа дел включает в себя правоотношения между родителями и детьми: установление или оспаривание отцовства (материнства), усыновление или отмена усыновления несовершеннолетних детей, соглашение об уплате алиментов, охрана прав ребенка, лишение родительских прав.

При решении вышеперечисленных коллизионных вопросов может применяться как семейное право РФ, так и нормы международного частного права, международные договоры, законодательство страны, гражданином которого является иностранец – супруг, вступивший в брачно-семейные отношения с гражданином РФ. Отсутствие унификации правовых систем государств мира в части урегулирования брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом, приводит к затруднению их применения. На правовую систему каждого государства оказывают влияние обычаи и традиции, исторически присущие нравственные и бытовые правила. Соответственно, если внутренние коллизионные нормы семейного права расходятся с международными договорами, то применяются нормы международного права.

Необходимо отметить, что нормы российского семейного и гражданского права, а также международные договоры и соглашения в области брачно-семейных отношений, ратифицированные РФ, требуют более тщательного рассмотрения и глубокого изучения.

На основании вышеизложенного, подводя итог проделанной работе, хочется отметить, что брачно-семейные отношения в Российской Федерации с участием иностранных граждан – это вопросы заключения и расторжения брака (в том числе признание брака не-

действительным), определения личных имущественных и неимущественных взаимоотношений между супругами, установления или оспаривания отцовства (материнства), усыновления или отмена усыновления несовершеннолетних детей, соглашения об алиментных обязательствах при условии участия в данных правоотношениях иностранных граждан.

Брачно-семейные отношения в Российской Федерации с участием иностранных граждан, с участием иностранного элемента, регулируются международным частным правом: внутренним законодательством, к примеру, СК РФ (раздел VII) и ГК РФ, международными договорами, соглашениями.

Отличительной чертой действующего семейного законодательства РФ является возможность применения к семейным правоотношениям иностранного права в зависимости от гражданства участника семейного отношения или от места его жительства. Однако сохранен приоритет применения отечественного семейного законодательства к семейным отношениям на территории РФ.

Сегодня перед вступлением в брак все больше граждан РФ понимают, что незнание законов другого государства, гражданином которого является потенциальный супруг, не освобождает от обязанностей и ответственности в чужой стране. Заключение и расторжение брака, оформление и действительность брачного договора, гражданство совместных детей и опека над ними впоследствии могут вызывать затруднение с учетом разных правовых систем государств, гражданами которых являются супруги.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Сафонова, А.А. Брачные отношения, осложненные иностранным элементом: характеристика и правовое регулирование / А.А. Сафонова // Нотариус. – 2017. – № 6. – С. 35-38.
3. Гетьман-Павлова, И.В. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России / И.В. Гетьман-Павлова, А.С. Касаткина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 124-127.
4. Войтович, Е.П. Правовое регулирование семейных отношений с участием иностранцев в РФ: итоги и перспективы / Е.П. Войтович // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 137-141.
5. Марышева, Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России / Н.И. Марышева. – М.: Волтерс Клувер, 2015. – 243 с.
6. Аверина, К.Н. Особенности правового регулирования брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом / К.Н. Аверина // Международное право и международные организации. – 2012. – № 4. – С. 67-76.

ОСОБЕННОСТИ ОСПАРИВАНИЯ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК В РАМКАХ ДЕЛ О ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯХ

В статье анализируются правовые основания оспаривания совершенных индивидуальными предпринимателями сделок по специальным основаниям, предусмотренным действующим законодательством о банкротстве.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), индивидуальный предприниматель, конкурсный управляющий, уполномоченный орган, недействительные сделки, подозрительные сделки, оспаривание подозрительных сделок, неплатежеспособность, индивидуальные предприниматели, вред, имущественные права, кредиторы.

В ходе осуществления процедуры банкротства возникает научно-практическая проблема, связанная с защитой прав и интересов кредиторов, а также должников. Одним из аспектов является законность сделок, совершенных индивидуальными предпринимателями, находящимися в процедурах банкротства. При разрешении арбитражными судами споров о признании таких сделок недействительными возникает ряд вопросов. Актуальным инструментом в процедуре банкротства является оспаривание сделок должника по специальным основаниям, установленным главой III. Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве).

В частности, к сделкам индивидуальных предпринимателей, которые могут быть оспорены по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве, относятся подозрительные сделки (ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Законодатель не уравнивает предпринимательскую деятельность индивидуального предпринимателя и предпринимательскую деятельность гражданина, не прошедшего государственную регистрацию. В п. 4 ст. 23 ГК РФ содержится лишь запрет гражданину, фактически осуществляющему предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, ссылаться на отсутствие факта государственной регистрации. Сделано это с целью защиты прав кредиторов такого «предпринимателя». Указанная норма, в частности, способствует распространению действия нормы п. 3 ст. 491 ГК РФ при определении характера ответственности такого «предпринимателя», препятствует оспариванию таким «предпринимателем» сделок, формально не соответствующих закону и иным норматив-

ным правовым актам (по причине отсутствия статуса индивидуального предпринимателя).

Закон о банкротстве в отношении индивидуальных предпринимателей носит в целом продолжниковый характер, поскольку фактически направлен не на восстановление платежеспособности гражданина – предпринимателя, а на освобождение его от обязательств, не погашенных в рамках процедур несостоятельности (банкротства). По этой причине распространение действия Закона о банкротстве на отношения с участием граждан, не прошедших государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, приведет к нарушению прав и законных интересов кредиторов таких граждан и, по сути, будет стимулировать, одобрять незаконную предпринимательскую деятельность граждан [3, с. 105].

Из содержания п. 1 ст. 61.8 Закона о банкротстве следует, что заявление об оспаривании подозрительных сделок подается в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве должника, и подлежит рассмотрению в деле о банкротстве этого должника (включая сделки с недвижимостью).

При оспаривании подозрительных сделок должника по основаниям, указанным в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, оспаривающее сделку лицо должно доказать неравноценность встречного исполнения другой стороной сделки [2].

Из разъяснений, содержащихся в п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ № 63, следует, что неравноценное встречное исполнение обязательств другой стороной сделки имеет место, в частности, в случае если цена этой сделки и (или) иные условия на момент ее заключения существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки.

При сравнении условий сделки с аналогичными сделками следует учитывать как условия аналогичных сделок, совершавшихся должником, так и условия, на которых аналогичные сделки совершались иными участниками оборота. Важно также учитывать срок, в течение которого возможно оспаривание подозрительных сделок должника: для признания сделки недействительной по основанию, указанному в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, необходимо доказать, что подозрительная сделка была совершена в течение одного года до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия этого заявления.

Таким образом, по смыслу указанных норм и разъяснений для признания подозрительной сделки должника недействительной доказыванию в арбитражном суде подлежит два обстоятельства:

- неравноценность встречного исполнения обязательств другой стороной сделки;
- совершение сделки в течение одного года до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия этого заявления.

Исследованная нами арбитражная практика показывает, что суды при рассмотрении заявлений об оспаривании подозрительных сделок должника по основаниям, указанным в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, руководствуются данными положениями.

Признавая оспариваемый договор недействительным, суды пришли к выводу, что имело место неравноценное исполнение со стороны покупателя за полученное имущество, т.е. занижение условия о цене квартиры по сравнению с ее рыночной стоимостью.

Однако из диспозиции названной нормы следует, что помимо цены для определения признака неравноценности во внимание должны приниматься и все обстоятельства совершения сделки, т.е. суд должен исследовать контекст отношений должника с контрагентом для того, чтобы вывод о подозрительности являлся вполне убедительным и обоснованным [5, с. 48].

Учитывая возникающие сложности, следует внести поправки в статью 61.8 Федерального закона «О несостоятельности», где было бы прямо указано, что подача заявления об оспаривании сделки должна сопровождаться приложением заключения эксперта, что уменьшило бы сроки рассмотрения дела и увеличило бы вероятность правильного исхода. Также ввиду того, что есть практика недобросовестного проведения экспертизы, необходимо ужесточить санкции и требования к эксперту с прямым указанием на обязательное условие – наличие профессиональных знаний и опыта, которые применяются исключительно в предпринимательской деятельности.

Что касается п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, то главная сложность заключается в необходимости обоснования намерения вреда и недобросовестности сторон по сделке. В данном случае арбитражному управляющему приходится сталкиваться с проблемами в виде доказывания того, что сделка имела своей целью причинить вред кредиторам. Лицо, заключившее сделку, избирает себе тактику защиты, согласно которой утверждает, что не имело представления о несостоятельности и причинении вреда кредиторам, а покупку имущества по заниженной рыночной цене объясняет, как свободу договора.

Банкротство индивидуального предпринимателя – довольно сложная операция, которая связана с затратой огромного количества времени, сил и денег. Самым лучшим вариантом для кредитора и предпринимателя является мировое соглашение. Нельзя не сказать о том, что в правоприменительной практике также существуют определенные трудности, связанные с двойственностью правового регулирования оснований для признания банкротства индивидуального предпринимателя. Суды также неоднозначно толкуют банкротство индивидуального предпринимателя, ссылаясь на разные нормы законодательства.

Индивидуальный предприниматель отвечает по обязательствам, включая и связанные с предпринимательской деятельностью,

всем своим имуществом, кроме того, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание.

По нашему мнению, законодателю следует обратить внимание на те пробелы в гражданском законодательстве, посредством которых индивидуальные предприниматели совершают преднамеренное банкротство.

Список литературы:

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 30.07.2013) // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

3. Гладковская, Е.И. Банкротство индивидуального предпринимателя: формирование конкурсной массы / Е.И. Гладковская, А.И. Гарбовский // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 17. – С. 103-105.

4. Жукова, Т.М. Особенности процедуры наблюдения при банкротстве индивидуального предпринимателя / Т.М. Жукова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 1 (23). – С. 189-196.

5. Шишмарева, Т.П. Особенности несостоятельности (банкротства) индивидуального предпринимателя в случае его смерти / Т.П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 9. – С. 47-49.

СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель

ЗЫБИНА Ольга Станиславовна – ректор, кандидат юридических наук, доцент.

Заместители председателя:

СУСЛИН Эдуард Васильевич – первый проректор – проректор по учебной работе, декан факультета юриспруденции (бакалавриат), доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВ Сергей Владимирович – проректор по научной и инновационной деятельности, зав. кафедрой уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.

Члены организационного комитета:

ФАРАФОНОВА Л.Н. – декан факультета юриспруденции (магистратура), кандидат педагогических наук, доцент;

БРЫКОВ С.А. – заместитель декана - начальник отделения очной формы обучения факультета юриспруденции (бакалавриат);

ИВАНОВ К.Д. – заместитель декана - начальник отделения очно-заочной и заочной форм обучения факультета юриспруденции (бакалавриат), кандидат юридических наук, доцент;

ПЕРФИЛОВ В.И. – начальник отдела научной и инновационной деятельности, кандидат военных наук, доцент;

ТОЛСТОВА А.Е. – зав. кафедрой гражданского права, кандидат юридических наук, доцент;

ПОПОВА Е.С. – зав. кафедрой гражданского процесса, кандидат юридических наук, доцент;

ВАРУШКИН А.А. – зам. зав. кафедрой уголовного права, начальник отдела аспирантуры, кандидат юридических наук;

КОРОЛЬ В.А. – зам. зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики;

ДУЛИЧ Л.М. – зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПАВЛОВА С.В. – зав. кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент;

ДОЛМАТОВ А.В. – зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, доктор педагогических наук, профессор;

ЗЕЛТАБОЛ О.В. – главный инженер;

ГООСС Н.Н. – зав. библиотекой имени А.Ф. Кони;

ДЕМЕНТЬЕВА Е.В. – секретарь конференции, научный сотрудник отдела научной и инновационной деятельности, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексеева Н.А.</i> Объект права общей собственности	3
<i>Беспалова Е.В.</i> Понятие и квалифицирующие признаки договора дарения недвижимого имущества	9
<i>Иванова А.И.</i> Ресоциализация и адаптация осужденных	17
<i>Ингинен А.Ю.</i> История развития алиментных отношений в России	23
<i>Касинец А.В.</i> Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей	28
<i>Килина А.И.</i> Особенности защиты прав потребителей при оказании туристских услуг	34
<i>Князева К.А.</i> Законодательная проблематика о показании свидетелей в уголовном судопроизводстве России	39
<i>Краснова Н.Е.</i> Некоторые вопросы административного и уголовного наказания в отношении несовершеннолетних, совершивших противоправные и преступные деяния	44
<i>Лаворенко С.Ю.</i> Международно-правовые стандарты защиты права на частную жизнь	49
<i>Лукашук М.М.</i> Внесудебные способы разрешения конфликтных ситуаций в трудовом коллективе	55
<i>Магомедова Л.М.</i> Тенденции развития судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации	59
<i>Макеева Е.С.</i> Защита нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения: некоторые особенности правового регулирования	66
<i>Мальшова Е.С.</i> Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка	71
<i>Мартынюк Д.А.</i> К вопросу о привлечении государственных гражданских служащих к административной ответственности	75
<i>Махсудова А.А.</i> Методологические аспекты измерения латентной преступности	83
<i>Михалева А.В.</i> Актуальные проблемы в сфере электронных торгов и пути их решения	88
<i>Писарев Р.Б.</i> Защита прав на товарный знак и знак обслуживания в Российской Федерации	93
<i>Проценко Н.Ю.</i> Особенности участия потерпевшего при рассмотрении судом вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания	100
<i>Сабирова А.К.</i> Становление и развитие института юридической ответственности за нарушение противопожарной безопасности в России	106
<i>Садовщикова Н.В.</i> Насильственные преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы разграничения составов	110
<i>Саругланова З.Р.</i> Проблемные вопросы участия прокурора в уголовном процессе	116
<i>Семенова К.Г.</i> Порядок отстранения от наследования недостойных наследников и последствия такого отстранения	120
<i>Серикова В.А.</i> Отказ от дачи согласия как отказ от субъективного гражданского права	127
	139

Тихоненко М.А. К вопросу о правовом регулировании брачно- семейных отношений с участием иностранных граждан	130
Удяков Ю.А. Особенности оспаривания подозрительных сделок в рамках дел о индивидуальных предпринимателей	134
Оргкомитет конференции	138

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ
НАУКИ И ПРАКТИКИ**

*VII Ежегодные научные чтения,
посвящённые памяти Почетного президента
Санкт-Петербургской юридической академии
профессора Зыбина Станислава Фёдоровича*

*Сборник научных статей по материалам
международной научно-практической конференции
25 ноября 2020 г.*

Том 2

Редакторы: Ковалева О.А., Семина Т.А.
Оригинал-макет: Перфилов В.И.

Подписано в печать 16.11.2020 г. Печать трафаретная. Формат 60х84 1/16
Объем 9,0 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 580.

Отпечатано в копировальном множительном участке
Санкт-Петербургской юридической академии

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская юридическая академия (далее – Академия) создана 7 июля 1997 года по инициативе заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, доктора юридических наук, профессора, Почётного президента Санкт-Петербургской юридической академии Станислава Федоровича Зыбина при участии федеральных и региональных органов государственной власти.

За 23 года образовательной деятельности Академия выпустила более 4500 выпускников. В числе выпускников – депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутаты муниципальных образований Санкт-Петербурга и Ленинградской области, государственные служащие, сотрудники Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной таможенной службы, военнослужащие Министерства обороны РФ и др.

Образовательная деятельность в Академии осуществляется на основании Лицензии Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации № 2394 от 20 сентября 2016 года (серия 90Л01, № 0009460) на осуществление образовательной деятельности по указанным в приложениях образовательным программам. Лицензия предоставлена бессрочно.

Академия имеет Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации о государственной аккредитации от 10 декабря 2019 года № 3294 (серия 90А01, № 0003507). Срок действия свидетельства о государственной аккредитации – до 10 декабря 2025 г.

В 2019 году Академия прошла процедуру профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» и в соответствии с Решением Комиссии Ассоциации юристов России по юридическому образованию от 16 апреля 2019 года, протокол № 28 Академия получила Свидетельства № 53-Б, № 53-М/1, № 53-М/2 о профессионально-общественной аккредитации образовательных программ по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) и 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры).

Академия с 5 марта 2010 года является членом Ассоциации юридических вузов России (ЮРВУЗ) (Свидетельство № 0264).

В 2007 году Академия награждена Почетным дипломом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга «За выдающийся вклад в развитие высшего профессионального образования в Санкт-Петербурге».

Образовательная деятельность в Академии осуществляется высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. Более 80% преподавателей Академии имеют ученые степени и ученые звания, среди которых известные научной и юридической общественности, вузовскому и профессиональному сообществу ученые: доктор юридических наук, профессор Э.В. Суслин; доктор педагогических наук, профессор А.В. Долматов; доктор юридических наук, профессор С.А. Роганов; доктор юридических наук, доцент С.Г. Александров; доктор юридических наук, профессор В.Г. Павлов; доктор юридиче-

ских наук, доцент Е.В. Силина; доктор исторических наук, доцент Д.Н. Соловьев и др.

Продолжительное время в коллективе Академии трудятся педагоги, награждённые знаком отличия «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»: Л.М. Дулич, П.В. Иванов, В.С. Кувшинов, Э.В. Суслин. Удостоены почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» профессор В.Г. Павлов, профессор П.В. Иванов.

Состояние материально-технического обеспечения и оснащённость образовательного процесса в Академии соответствуют требованиям, установленными федеральными образовательными стандартами высшего образования, и позволяют осуществлять качественную подготовку студентов.

Академия осуществляет обучение по направлениям подготовки:

40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), профили обучения: гражданско-правовой, уголовно-правовой, государственно-правовой;

40.04.01 Юриспруденция (уровень магистратуры), профили обучения: правовое обеспечение гражданского оборота и предпринимательства, теория и практика применения законодательства в уголовно-правовой сфере.

40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

12.00.01 Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве;

12.00.09 Уголовный процесс;

12.00.12 Криминалистика; Судебно-экспертная деятельность; Оперативно-розыскная деятельность.

44.06.01 Образование и педагогические науки (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

По окончании обучения выдается диплом государственного образца

Вступительные испытания:

Бакалавриат:

Очная форма обучения – результаты ЕГЭ по обществознанию, русскому языку, истории. Срок обучения – 4 года.

Очно-заочная форма обучения:

- На базе высшего профессионального (неюридического) образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

- На базе среднего профессионального (юридического) образования – собеседование по теории государства и права, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 6 месяцев.

- На базе среднего общего или среднего профессионального (неюридического) образования – собеседование по обществознанию, русскому языку, истории.

Срок обучения – 4 года 6 месяцев.

Заочная форма обучения:

- На базе высшего профессионального (неюридического) образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

Магистратура:

Очная форма обучения – вступительные испытания по конституционному праву Российской Федерации (срок обучения – 2 года).

Заочная форма обучения – вступительные испытания по конституционному праву Российской Федерации (срок обучения – 2 года 5 месяцев).

Аспирантура:

Очная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 3 года).

Заочная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 4 года 5 месяцев).

Справочная информация:

- В Академии осуществляется обучение по программам дополнительного профессионального образования.
- Студентам очной формы обучения предоставляется отсрочка от призыва на военную службу.
- Действует гибкая система оплаты.
- Студентам очной формы обучения предоставляется общежитие.

Адрес Академии:

192012, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 114 литер А.

Приемная комиссия:

+7 (812) 677-00-07; +7 (921) 951-34-33; +7 (921) 564-31-01;

E-mail: jurac.spb@mail.ru, priem@jurac.ru

Официальный сайт Академии: www.jurac.ru

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШУ АКАДЕМИЮ!